

2025 | Том 17 | № 3

ISSN 2074-9848
e-ISSN 2310-0532

2025
Т. 17
№ 3

БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН

ПОЛИТИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА
И ПРОСТРАНСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ

ISSN 2074-9848
e-ISSN 2310-0532

**БАЛТИЙСКИЙ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ИММАНУИЛА КАНТА**

БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН

BALTIC REGION

2025 || Том 17 || № 3

КАЛИНИНГРАД

**Издательство Балтийского
федерального университета
им. И. Канта**

2025

БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН

2025
Том 17
№ 3

Калининград :
Издательство БФУ
им. И. Канта, 2025.
176 с.

Журнал основан
в 2009 году

Периодичность
ежеквартально
на русском
и английском языках

Учредители
Балтийский
федеральный
университет
им. Иммануила Канта
Санкт-Петербургский
государственный
университет

Редакция
Адрес: 236016, Россия,
Калининград,
ул. А. Невского, 14

Издатель
Адрес: 236016, Россия,
Калининград,
ул. А. Невского, 14

Типография
Адрес: 236001, Россия,
Калининград,
ул. Гайдара, 6

Выпускающий редактор
Кузнецова
Татьяна Юрьевна
tikuznetsova@kantiana.ru
<https://balticregion.kantiana.ru>

© **Оформление,**
БФУ им. И. Канта, 2025

Редакционная коллегия

А. П. Клемешев, д-р полит. наук, проф., главный редактор, БФУ им. И. Канта (Россия); **Т. Ю. Кузнецова**, канд. геогр. наук, зам. главного редактора, БФУ им. Канта (Россия); **В. В. Воронов**, д-р социол. наук, Даугавпилсский университет (Латвия); **А. Г. Дружинин**, д-р геогр. наук, проф., ЮФУ (Россия); **М. В. Ильин**, д-р полит. наук, проф., МГИМО МИД России (Россия); **П. Йонниemi**, старший научный сотрудник, Университет Восточной Финляндии (Финляндия); **Н. В. Каледин**, канд. геогр. наук, доц., СПбГУ (Россия); **В. А. Колосов**, д-р геогр. наук, проф., Институт географии РАН (Россия); **Г. В. Кретинин**, д-р ист. наук, проф., БФУ им. И. Канта (Россия); **Ф. Лебарон**, проф. социологии, Высшая нормальная школа Париж-Сакле (Франция); **Н. М. Межевич**, д-р экон. наук, проф., Институт Европы РАН (Россия); **А. Ю. Мельвиль**, д-р филос. наук, проф., НИУ — ВШЭ (Россия); **П. Оппенхаймер**, проф., Крайст-Чёрч, Оксфордский университет (Великобритания); **Т. Пальмовский**, д-р географии, проф., Гданьский университет (Польша); **А. А. Сергунин**, д-р полит. наук, проф., СПбГУ (Россия); **Э. Спиряевас**, д-р географии, проф., Клайпедский университет (Литва); **К. К. Худолей**, д-р ист. наук, проф., СПбГУ (Россия). **А. Е. Шаститко**, д-р экон. наук, проф., МГУ имени М. В. Ломоносова (Россия); **Д. Шиманска**, д-р географии, проф., Университет Николая Коперника в Торуне (Польша)

Тираж 300 экз.

Дата выхода в свет 03.10.2025 г.

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-46309

от 26 августа 2011 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Политика и международные отношения

<i>Романова Т. А.</i> Евросоюз в поиске политики по России? Концепция множественных потоков, деколонизация, антрепренеры Балтии	4
<i>Паникар М. М., Соколова Ф. Х., Белошицкая Н. Н.</i> Деятельность Совета государств Балтийского моря по защите прав национальных меньшинств в 1990-е годы	23
<i>Лошкарёв И. Д.</i> Диаспоральная политика Польши (1991 – 2025): динамика институциональных изменений	42
<i>Жуковский И. И.</i> Политико-стратегические факторы и риски реализации программы атомной энергетики в Польше	59

Региональная экономика и пространственное развитие

<i>Дружинин А. Г., Вольхин Д. А., Кузнецова О. В.</i> Приморские муниципалитеты в пространственном развитии России: многомерная типологизация	81
<i>Красных С. С.</i> Пространственный анализ обрабатывающей промышленности Балтийских регионов на основе глобального и локального индекса Морана	102
<i>Йебоа Э.</i> Оценка взаимосвязи прямых иностранных инвестиций и торговой открытости в контексте экономики РФ с помощью граничного теста на основе авторегрессионной модели с распределенными лагами	123
<i>Кондратьева С. В.</i> Приграничный арктический город Костомукша на туристском перепутье: опасения и чаяния экспертов	150

ПОЛИТИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

THZFUM

ЕВРОСОЮЗ В ПОИСКЕ ПОЛИТИКИ ПО РОССИИ? КОНЦЕПЦИЯ МНОЖЕСТВЕННЫХ ПОТОКОВ, ДЕКОЛОНИЗАЦИЯ, АНТРЕПРЕНЕРЫ БАЛТИИ

Т. А. Романова^{1, 2}

¹ Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, Россия, Санкт-Петербург,
Университетская набережная, 7—9

² Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, 20

Поступила в редакцию 11.03.2025 г.

Принята к публикации 29.06.2025 г.

doi: 10.5922/2079-8555-2025-3-1

© Романова Т. А., 2025

Начало специальной военной операции (СВО) создало концептуальный вакуум в российской политике Евросоюза: провозгласив Москву стратегической угрозой, Брюссель ограничил все контакты с ней, а также сосредоточился на санкциях и поддержке Украины. Цель статьи — выявить, как деколонизация (как социально-политическая категория) становится идейной основой для современной политики Евросоюза в отношении России, а также обозначить важность балтийских антрепренеров в этом процессе. Теоретически статья основана на концепции множественных потоков. Эмпирический материал включает документы ЕС и высказывания его политиков в период с 2022 г. по настоящее время. Выявлено три интерпретации деколонизации. Первая в качестве проблемы видит прошлую недостаточную субъектность стран Балтии и Польши при выработке российской политики ЕС. Результатом становится принятие на наднациональном уровне максимально жесткой, «балтийской» линии в отношении России. В фокусе второй интерпретации находятся интеримперIALность и стремление эмансипировать страны постсоветской Евразии через более тесное и равное сотрудничество с ЕС. В результате пересматривается его политика расширения, дополнительно легитимируются антироссийские санкции, возникает новая иерархия в постсоветской Евразии. Наконец, третья, наиболее маргинальная интерпретация деколонизации состоит в возвращении субъектности народам и регионам России. На данный момент эта трактовка лишь упоминается в некоторых документах и выступлениях, но ее присутствие создает негативный фон для любого диалога России и ЕС. Статья отмечает важность балтийских антрепренеров в интерпретациях деколонизации и демонстрирует различия в их технической реализуемости. В заключении три интерпретации деколонизации сравниваются, дается краткая оценка их влияния на восстановление отношений ЕС и России.

Ключевые слова:

Европейский союз, концепция множественных потоков, деколонизация, Россия / Российская Федерация, Украина, страны Балтии

Для цитирования: Романова Т. А. Евросоюз в поиске политики по России? Концепция множественных потоков, деколонизация, антрепренеры Балтии // Балтийский регион. 2025. Т. 17, № 3. С. 4—22. doi: 10.5922/2079-8555-2025-3-1

Введение

После 24 февраля 2022 г. Европейский союз (Евросоюз, ЕС) отказался от прежнего курса в отношении России. Провозгласив Москву «важной стратегической угрозой»¹, Брюссель сконцентрировался на ранее запущенных направлениях деятельности [1], ограничительных мерах (санкциях) в отношении России [2] и поддержке Украины². Это сигнализировало дефицит идей относительно долгосрочного взаимодействия ЕС с Россией.

В последнее время, однако, в ЕС стал заполняться вакуум относительно концепции выстраивания связей с Россией. Заметную роль в этом процессе играет деколонизация как социально-политическая категория [3]. В данной статье она трактуется как пересмотр конвенциональных взглядов в пользу ранее маргинальных (политических, географических) представлений, что влечет ревизию иерархии между акторами, ранее определявшими норму, и остальными игроками, а также возвращение последним субъектности. Это определение соответствует постколониальной традиции, нередко вызывающей критику по причине игнорирования «реальных» факторов, постмодернистского взгляда на доминирование и периферийного внимания к роли Европы в колонизации народов Африки и Азии [4; 5]. Однако такое прочтение деколонизации позволяет вскрыть плюрализм современных дебатов в ЕС относительно его возможной политики в отношении России.

Цель данной статьи — выявить, как деколонизация (как социально-политическая категория) становится идейной основой для формулирования российской политики ЕС, а также обозначить важность балтийских антрепренеров в этом процессе. Теоретически статья основана на концепции множественных потоков (КМП), фокусирующейся на том, как (какими путями, через какие переформулирования) идеи приходят в политику. Нас интересует, как идея деколонизации адаптируется для политики ЕС в отношении России. При этом мы не заявляем, что деколонизация — единственная в странах Балтии / ЕС концепция относительно того, как строить политику в отношении России. Мы стремимся лишь показать многозначность и растущую популярность данной идеи (выражающуюся в частых ее упоминаниях в документах ЕС и высказываниях его политиков).

Эмпирическую основу составляют высказывания национальных и наднациональных лидеров ЕС, а также документы его институтов и органов с 2022 г. по настоящее время, обработанные с помощью дискурс-анализа. В соответствии с ним любая концептуализация «должна быть основана на предварительной интерпретации данных эмпирического анализа» и их последующей верификации на большем материале [6, р. 14]. Следовательно, на начальном этапе в небольшом количестве научных статей, документов ЕС и сообщений в СМИ были очерчены три интерпретации деколонизации в политике ЕС в отношении России, а также определены их ключевые слова (см. табл.). На втором этапе количество документов было расширено путем поиска по этим ключевым словам (всего было использовано около 100 текстов и видеоматериалов). Поиск производился вначале на официальном портале ЕС (europa.eu), а затем с использованием поисковой системы Google по другим ресурсам (прежде всего сообщениям СМИ). Кроме того, учитывались назначения

¹ Joint White Paper for European Defence Readiness 2030. 2025, *High Representative of the Union for Foreign Affairs and Security Policy, Brussels*, 19.3.2025 JOIN(2025)120final, URL: https://defence-industry-space.ec.europa.eu/document/download/30b50d2c-49aa-4250-9ca6-27a0347cf009_en?filename=White%20Paper.pdf (дата обращения: 06.06.2025).

² EU support for Ukraine, *Europa.eu*, URL: https://european-union.europa.eu/priorities-and-actions/eu-support-ukraine_en (дата обращения: 06.03.2025).

на руководящие посты в ЕС, потенциально способствующие продвижению интерпретаций деколонизации в политику ЕС в отношении России. Такой отбор данных и их обработка соответствуют КМП [7, р. 44].

Три интерпретации деколонизации в Евросоюзе

Критерий сравнения	Деколонизация внутри ЕС	Деколонизация на постсоветском пространстве	Деколонизация России
Ключевые слова в документах Евросоюза	Прислушиваться, единство (unity), воспринимающие, а не принимающие решения	Империализм, империя, неоколониальное	Рефедерализация, коренные народы, национальные меньшинства, дискриминация
Суть, поток политических проблем	Субъектность стран-членов внутри ЕС	Субъектность стран постсоветской Евразии (Украины)	Субъектность народов и регионов России
Поток политики и политические антрепренеры	Исследователи (прежде всего стран Балтии, Польши), политики — представители новых стран-членов, СМИ	Исследователи (западные, постсоветские), политики (Украины, стран Балтии и Польши, западные), СМИ	Исследователи (западные, постсоветские), политические аналитики, политики (стран Балтии и Польши, Украины, часть российской эмиграции), СМИ
Связь с направлениями деятельности Евросоюза, поток политических решений	Реализация положений договора, в том числе в части равенства стран-членов, внутренняя политика ЕС	Реформа политики расширения, санкции, помощь Украине, внешняя деятельность ЕС	Навязывание России реформ извне, нормативная сила ЕС
Результат	«Эстонизация» Евросоюза, повышение роли стран Балтии в институтах	Сохранение санкций и помощи ЕС Украине, реформа политики расширения, новая иерархия партнеров ЕС	Поиск альтернативного визави, осложнение возобновления диалога Москвы и Брюсселя

С теоретической точки зрения новизна исследования состоит в демонстрации того, как та или иная идея интерпретируется и преломляется в процессе выработки политики, как нормативные факторы и техническая реализуемость способствуют этому. С практической точки зрения будет показано, как ЕС пытается закрыть концептуальный вакуум в своей политике в отношении России.

Вначале статья суммирует КМП, определит ее элементы в применении к ЕС и его политике в отношении России. Далее описаны три трактовки деколонизации в политике ЕС по отношению к России (деколонизация стран Балтии / новых членов¹

¹ Здесь и далее под новыми странами ЕС подразумеваются государства, присоединившиеся к объединению в 2004, 2007 и 2013 гг. Несмотря на то что с момента большого расширения (1 мая 2004 г.) прошло более 20 лет, разделение на старых и новых членов ЕС сохраняется как в практической политике, так и в европеистике. Это обусловлено глубокими политическими и экономическими различиями стран Евросоюза. См., например, EU enlargement, *European Union*, n/d. URL: https://european-union.europa.eu/principles-countries-history/eu-enlargement_en (дата обращения: 07.06.2025) ; The 20th anniversary of the EU enlargement, *Eurostat*, 01.05.2024, URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/web/products-eurostat-news/w/edn-20240501-1> (дата обращения: 07.06.2025) ; 20 years since the EU welcomed 10 new Member States: what lies ahead for those waiting to join our Union, *European Movement International*, 30 April 2024, URL: https://europeanmovement.eu/policy-focus/20-years-since-the-eu-welcomed-10-new-member_states/ (дата обращения: 07.06.2025).

в формулировании политики ЕС; деколонизация постсоветского пространства / Украины; деколонизация России). В заключении проведено краткое сравнение трех интерпретаций, отмечены их последствия для восстановления диалога с Москвой, а также выделены направления возможных будущих исследований.

Концепция множественных потоков: история и основные элементы

Предшественник КМП — теория «мусорного ведра». Ее авторы М. Коуэн, Дж. Марч и Й. Олсен заключили, что любая организация «функционирует на основе широкого круга непоследовательных и плохо определенных предпочтений», выбирая варианты «через действия, а не действуя на основе предпочтений» [8, р. 1]. Для визуализации ученые воспользовались метафорой мусорного ведра, где смешиваются разные «отходы»: проблемы и решения, которые политики произвольно сочетают. Участники политического процесса при этом видятся и как рациональные акторы, и как движимые эмоциями, и как социализированные в какие-то парадигмы [9]. По сути, теория «мусорного ведра» пыталась объяснить, «почему и как» принимается то или иное решение [10, р. 323].

Дж. Киндон усовершенствовал теорию «мусорного ведра» в КМП. Он прояснил связь между идеями и их реализацией, показав, почему и когда «время какой-то идеи приходит» [11, р. 1]. КМП выделяет пять элементов в процессе принятия решений.

Поток проблем, то есть то, что надо решить, помогают определить индикаторы (например, дефицит госбюджета), фокусирующие события, ранее принятые решения. Проблемы содержат также «перцептивный и интерпретирующий компоненты» [11, р. 110], то есть предполагают трактовку со стороны лиц, принимающих решения.

Поток политики формируется национальной культурой, группами давления, сменой избираемых политиков и административного персонала. В случае ЕС Н. Захариадис предлагает рассматривать Совет Евросоюза, Европарламент и «европейские настроения», то есть предпочтения граждан [12, р. 518]. К этому, на наш взгляд, надо добавить анализ действий Европейского совета и Европейской комиссии как других ключевых институтов Союза.

Поток политических решений состоит из «супа» идей, которые соревнуются за то, чтобы быть принятыми» [13, р. 72]. Идеей может быть как конкретное политическое решение, так и парадигмы, ценностные обоснования каких-то действий [14, р. 260]. Жизнеспособность идей зависит от их «нормативной приемлемости», «технической реализуемости», а также от силы политической сети, лоббирующей соответствующее решение [13, р. 72].

Политические антрепренеры — это акторы, соединяющие потоки проблем, политики и политических решений [13, р. 74]. Их силу определяет доступ к лицам, принимающим решения, ресурсы (финансовые, идейные, информационные, временные и т.п.), а также используемые стратегии (в том числе лингвистические, эмоциональные, нормативные).

Киндон также рассматривал *политические окна* как возможность соединить проблемы и решения, однако они остались вне фокуса данной статьи. Конкретизируем теперь четыре компонента КМП для российской политики Евросоюза.

Концепция множественных потоков: ЕС, Россия и деколонизация

Поток проблем. Специальная военная операция (СВО) вызвала резкую критику ЕС. Европейский совет квалифицировал действия Москвы как угрозу «европейской и глобальной безопасности и стабильности»¹, инициировал поддержку Украины и ввел масштабные ограничительные меры в отношении России. Все это нивелировало ранее существовавшие концепции отношений [15]. Таким образом, в общем виде поток проблем состоит в идейном вакууме в ЕС относительно того, как взаимодействовать с Россией в долгосрочной перспективе, а СВО — это фокусирующее событие, обозначившее проблему. Последняя, однако, по-разному конкретизируется в действиях ЕС, как будет показано ниже.

Поток политики. Институты Евросоюза отреагировали на СВО одинаково. Страны — члены ЕС (и, следовательно, Европейский совет, Совет ЕС) поддержали жесткую ограничительную линию в отношении России². Ранее существовавшая градация стран ЕС по степени их дружелюбности в отношении Москвы исчезла. Несмотря на периодическую критику Венгрии или Словакии, ограничительные меры ЕС регулярно продляются, их число расширяется, а Украина получает все новую помощь (большинство этих решений требует единогласия стран ЕС). Европейский парламент, известный своей жесткой нормативностью, занял максимально критическую позицию³, единство которой не пошатнуло выборы 2024 г. Европейская комиссия последовательно придерживается антироссийской линии и дискурсивно⁴, и на практике. Таким образом, жесткая линия в отношении России — предмет межинституционального консенсуса в ЕС. Резко ухудшилось и мнение граждан о России⁵.

Поток политических решений. Осмысление деколонизации и соответствующие исследования прошли долгий путь [4; 5], в итоге они укоренились в Европе преимущественно в постмодернистском ракурсе [16]. И в теории, и в практике важную роль играет переосмысление колониального наследия (в том числе в Евросоюзе [17]). В западных университетах деколонизация как изменение «способа мышления о мире» [18, р. 2] стала важным компонентом обучения [19], формируя культуру политически корректного. Таким образом, деколонизация превратилась в часть нормативной традиции ЕС.

Эти обстоятельства обуславливают нормативную приемлемость идей деколонизации для Евросоюза в его внешней деятельности. В статье деколонизация понимается именно в данном русле, то есть как пересмотр конвенциональных взглядов

¹ European Council conclusions. 24 February 2022, *Europa.eu*, URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2022/02/24/european-council-conclusions-24-february-2022/> (дата обращения: 23.01.2025).

² Informal meeting of the Heads of State or Government. 10 and 11 March 2022, Versailles Declaration, *Europa.eu*, URL: <https://www.consilium.europa.eu/media/54773/20220311-versailles-declaration-en.pdf> (дата обращения: 23.01.2025).

³ Например, Russian aggression against Ukraine. European Parliament resolution of 1 March 2022 on the Russian aggression against Ukraine (2022/2564(RSP), *Europa.eu*, URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX:52022IP0052> (дата обращения: 23.01.2025).

⁴ Например, 2023 State of the Union Address by President von der Leyen. 13.09.2023, *Europa.eu*, URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/speech_23_4426 (дата обращения: 23.01.2025).

⁵ Например, The EU's response to the war in Ukraine. Eurobarometer Report. October-November 2024, *Europa.eu*, URL: <https://europa.eu/eurobarometer/surveys/detail/3215> (дата обращения: 23.01.2025).

в пользу ранее маргинальных (политических, географических) представлений, что влечет ревизию иерархии между акторами, ранее определявшими норму, и остальными игроками, а также возвращение последним субъектности.

Параллельно деколониальные идеи укреплялись в исследованиях российской литературы и истории [20—22]. СВО стимулировала это: деколонизация в западных исследованиях не только предоставила «этическую поворотную точку для международных отношений, [но и] позволила проблематизировать геополитическое мышление, анализировать соперничающие интересы и [гарантировать] предполагаемую отстраненность ученых» [21, р. 3].

В то же время техническая реализуемость этих идей зависит от того, как интегрировать новации в деятельность ЕС. На данный момент предложены три разные, хотя и связанные интерпретации, различающиеся по (потенциальным) следствиям в политической практике Союза.

Выделяются несколько категорий *политических антрепренеров*, продвигающих деколонизацию как основу новой политики ЕС в отношении России. Первая включает представителей академического сообщества, конкретизирующих для региона идеи деколонизации. Вторая состоит из аналитиков; они помогают проработать технически те или иные идеи, сделать их понятными для практической деятельности ЕС. К третьей категории относятся национальные и наднациональные лидеры; они вводят идеи в политический процесс ЕС, способствуют их реализации на практике. Наконец, последняя категория антрепренеров — средства массовой информации (СМИ), популяризирующие те или иные концепты. Эти антрепренеры конкретизированы ниже для каждой из интерпретаций деколонизации.

Рассмотрим теперь подробнее три интерпретации, оформившиеся на данном этапе. Мы сфокусируемся на том, как формулируются проблемы деколонизации политики ЕС в отношении России, какова предполагаемая (практическая) роль Евросоюза, а также кто выступает политическими антрепренерами, в том числе от стран Балтии и Польши (см. также табл.).

Три интерпретации деколонизации в Евросоюзе

Деколонизация «новых» стран — членов ЕС

В первой интерпретации деколонизации проблема российской политики ЕС заключается в том, что долгое время критические, подозрительные в отношении России взгляды, транслируемые большинством представителей Польши и стран Балтии, не воспринимались в Брюсселе всерьез, квалифицировались как результат их исторической травмы [23]. Это даже окрестили «уникальной версией ориентализма», суть которой в восприятии представителей Польши и стран Балтии как «простаков», «расистов, примитивных, хотя и заслуживающих уважения» [24]. В результате, согласно этой интерпретации деколонизации, экспертное знание о постсоветской Евразии (в том числе о России) оставалось в ЕС ограниченным идеями стран Западной Европы [25]. Соответственно, деколонизация в этой трактовке состоит в эмансипации стран Балтии и Польши (и шире — всех новых членов ЕС) внутри объединения.

Чаще всего эта интерпретация связана с такими тропами, как «прислушиваться», «единство» (в позиции ЕС), различия между принимающими и воспринимающими решения (*policy-makers vs policy-takers*). Важную роль также сыграла категория «западнобъяснение» (*westsplaining*¹), она обозначила представителей Запада, критикующих страны Центральной Европы за их недоверие к диалогу с Россией.

¹ Образовано путем синтеза слов «запад» (*west*) и «объяснение» (*explaining*).

Подлинная популярность к этой категории пришла в 2023 г., когда ее определили как «методологическую ошибку применения абстрактных теорий к уникальным историческим и политическим контекстам» [26, р. 619]. Эта категория подчеркивает, что парадигмы, которые ЕС ранее применял к России, неполны, так как они игнорируют знание России, которым обладают страны Балтии и другие государства Центральной Европы в силу их исторических отношений с Россией (а также СССР).

В данной интерпретации выделяются три группы антрепренеров. Фундаментальные исследователи (преимущественно из Балтийского региона) разрабатывают тему периферийности стран Балтии [23; 25], категорию западнобъяснения [26], тему заместительной идентификации стран Балтии с Украиной [27]. Активно поддерживали такую интерпретацию действующие балтийские и польские политики¹. Наконец, важную роль играли СМИ, акцентировавшие эмансипацию стран Центральной Европы внутри ЕС².

С точки зрения практической политики такая интерпретация предполагает большее равенство стран-членов в Европейском совете и Совете ЕС; де-юре это уже часть права ЕС и требуется лишь лучшая ее имплементация, что сделало корректировки в данной области нормативно приемлемыми и технически реализуемыми. Неспособность ЕС спрогнозировать начало СВО, потрясение Брюсселя от этого конфликта придало дополнительный «моральный» вес аргументам в пользу повышения роли новых (традиционно подозрительных в отношении России) стран ЕС в процессе принятия общих решений. После 24 февраля 2022 г. балтийские политики постоянно подчеркивали, что они предупреждали об опасности со стороны России, а западноевропейские политики соглашались, что они ошибочно не принимали во внимание взгляды стран Балтии, основанные на «их историческом опыте»³.

Эта интерпретация привела к нескольким результатам. Первый — признание недооцененности вклада стран Балтии и шире — Центральной Европы в российскую политику ЕС со стороны и Еврокомиссии, и стран-членов⁴. Далее страны Балтии и Польша регулярно инициировали новые пакеты санкций⁵, выступали с оборонными инициативами⁶. Многие из этих идей со временем находили свое воплощение в мерах ЕС. А. А. Дынкин метко охарактеризовал это как «эстонизацию» Евросоюза [28].

Второй результат этой интерпретации в практике — это повышение влияния представителей стран Балтии в институтах ЕС. Наиболее ярким примером стало назначение эстонки К. Каллас на пост верховного представителя по иностранным делам и политике безопасности в 2024 г. В ходе слушаний в Европейском парламенте К. Каллас подчеркнула, что ее родная страна «долго предупреждала других

¹ East-West divide over von der Leyen's Russia mea culpa. 14.09.2022, *Politico*, URL: <https://www.politico.eu/article/von-der-leyens-russia-mea-culpa-gets-kremlinology-treatment/> (дата обращения: 07.03.2024). Politico внесен в реестр СМИ, запрещенных в России, 25.06.2024.

² Ibid.

³ Ibid.

⁴ Ibid. См. также, например, President Macron: „Poland was right about Putin's Russia, Angela Merkel and I were wrong”. 2025, *BritishPoles.uk*, URL: <https://www.britishpoles.uk/president-macron-poland-was-right-about-putins-russia-angela-merkel-and-i-were-wrong/> (дата обращения: 07.06.2025).

⁵ Например, Poland, the Baltics and Ireland to push for harsher Russia sanctions. 2022, *Euractiv*, URL: <https://www.euractiv.com/section/europe-s-east/news/poland-the-baltics-and-ireland-to-push-for-harsher-russia-sanctions/> (дата обращения: 07.03.2025).

⁶ Например, Poland, Baltics call for EU defence line on border with Russia, Belarus. 2024, *Reuters*, URL: <https://www.reuters.com/world/europe/poland-baltics-call-eu-defence-line-border-with-russia-belarus-2024-06-26/> (дата обращения: 07.03.2025).

о том, что имперская мечта России не умерла»¹. Примечательно и назначение бывшего премьера Литвы, депутата Европарламента А. Кубилюса на пост комиссара по обороне и космосу.

Таким образом, проблема в данной интерпретации деколонизации определяется как недостаточный учет в российской политике ЕС знаний новых стран-членов, необходимость их деколонизации при выработке шагов Союза. Все институты ЕС оказались открытыми для этой интерпретации, чему способствовала и активность балтийских антрепренеров, и нормативная приемлемость нового видения, и техническая реализуемость изменений. Результатом стала «эстонизация» политики ЕС, а также увеличение влияния представителей новых стран-членов в институтах, вырабатывающих политику ЕС в отношении России.

Деколонизация политики в отношении постсоветской Евразии

Для второй интерпретации деколонизации ключевая проблема — преодоление так называемой интеримперильности [29] постсоветской Евразией. С одной стороны, под этим подразумевается историческое и культурное влияние России; здесь деколонизация — это проект строительства национальных государств в постсоветской Евразии. С другой стороны, интеримперильность — это борьба с западным видением, в котором регион постсоветской Евразии предстает как «частично модернизированная, но не вполне оцивилизованная периферия Европы» [29, р. 175]. Следовательно, здесь речь идет о возвращении субъектности [25] странам постсоветской Евразии, а также о выборе рядом стран региона присоединения к Западу / ЕС в качестве равных партнеров [25; 29]. Квинтэссенцией этой интерпретации деколонизации в российской политике Евросоюза стала Украина.

В этом контексте лидеры ЕС активизировали использование тропов «империя» и «неоколониализм» применительно к политике России [30]. Важной научной категорией в этой интерпретации становится «эпистемный империализм», то есть стремление применять к региону категории, которые сформулировали более крупные игроки [31]. В политической аналитике важную роль играла категория «западное объяснение», которая расшифровывалась уже конкретнее, например, как критика российского обоснования СВО (как обеспечения безопасности Москвы) и его восприятия частью политиков Западной Европы [32].

Данная интерпретация деколонизации также имела широкий круг антрепренеров. Прежде всего выделяются представители фундаментальной науки, как западные, так и постсоветские. Первый импульс дали зарубежные исследования российской литературы [20; 33]. Другой точкой отсчета стал вывод о возможности использования постколониальных инструментов анализа в постсоветских (исторических) исследованиях [34—36]. Научные работы, подкрепляющие данную трактовку, а также операционализирующая их аналитика нарастали в геометрической прогрессии с 2022 г. [22; 29]. Эти разработки подкреплялись требованиями деколонизировать и сам процесс исследования постсоветского пространства [37].

Некоторые политики, в свою очередь, предлагали квалифицировать СВО как колониальную войну и одновременно позиционировали Украину как ведущую борьбу за ценности Евросоюза. Это отчетливо отражалось в риторике, например, главы

¹ Questionnaire to the Commissioner-Designate Kaja KALLAS, High Representative for Foreign and Security Policy, no date, *Europa.eu*, URL: https://hearings.elections.europa.eu/documents/kallas/kallas_writtenquestionsandanswers_en.pdf (дата обращения: 07.03.2025).

Еврокомиссии У. фон дер Ляйен¹, верховного представителя по иностранным делам и политике безопасности Ж. Борреля [30, р. 11, 41], а также представителей стран Балтии и Польши [27]. Глава Еврокомиссии даже провозгласила Киев «бьющимся сердцем современных европейских ценностей»². Наконец, «колонизальная» интерпретация СВО стала нормой в средствах массовой информации [21; 29].

В практической деятельности ЕС данная интерпретация предполагала как минимум три направления действий. Первое — долгосрочное — формальное решение принять Украину в состав ЕС. Она получила статус кандидата. Начались также дискуссии об упрощении требований политики расширения, прежде всего для Киева (см., напр., [38; 39]), что представляет радикальную новацию для ЕС. В отношении других стран постсоветской Евразии практика ЕС варьируется: от признания за ними статуса кандидата (Молдова, Грузия) до обещания углубить отношения со странами Центральной Азии. Второе направление действий ЕС — усиление санкционного давления на Москву. Третье — военная и финансовая помощь Украине.

Данная интерпретация деколонизации становится дополнительной легитимацией уже принятых в ЕС решений. Это обуславливает нормативную приемлемость и частичную техническую реализуемость этой трактовки. Расширение, однако, остается спорным³. Статус кандидата не означает автоматического вступления; процесс подготовки может идти годами, как показывает пример Турции. Кроме того, по сути, ЕС подменяет российскую политику поддержкой Украины. Более того, поддержка другими странами постсоветской Евразии санкций ЕС против России становится важным фактором их диалога с Брюсселем. В итоге в постсоветской Евразии иерархия стран не исчезает, а обновляется, но в центр теперь уже ставится текущая поддержка Киева (а не отношения Брюсселя с Москвой).

Таким образом, во второй интерпретации деколонизации проблема определяется как интеримпериальность. В результате деколонизация — это и ослабление зависимости стран региона от России, и пересмотр взглядов самого ЕС на регион. Институты Евросоюза были открыты для этой интерпретации, а академические антрепренеры предоставили основу для последующей упрощенной стигматизации России в выступлениях политиков (особенно балтийских) и дальнейшей мультипликации этих тезисов в СМИ. Дискурс об имперскости России создавал нормативную легитимацию для уже принятых решений ЕС (санкций, поддержки Украины), но реализуемость расширения ЕС пока спорна. Наконец, действия ЕС сформировали новую иерархию акторов в постсоветской Евразии, где Киев заменил Москву.

Деколонизация России

Третья интерпретация деколонизации проблему видит в политике России на ее собственной территории. Согласно этой точке зрения для повышения безопасности в Европе России необходимо пройти через деколонизацию своего внутреннего пространства, то есть должны быть пересмотрены отношения между центром и регионами, особенно национальными. В этой интерпретации можно выделить две

¹ Putin wants to see empires, autocracies back in Europe, warns von der Leyen in Poland. 2024, *Euractiv*, URL: <https://www.euractiv.com/section/politics/news/putin-wants-to-see-empires-autocracies-back-in-europe-warns-von-der-leyen-in-poland/> (дата обращения: 07.03.2025).

² Press statement by President von der Leyen with Ukrainian President Zelenskyy. 2023, *Europa.eu*, URL: https://neighbourhood-enlargement.ec.europa.eu/news/press-statement-president-von-der-leyen-ukrainian-president-zelenskyy-2023-05-09_en (дата обращения: 07.03.2025).

³ См., например, Germany, France make EU reform pitch ahead of enlargement talks. 2023, *Euractiv*, URL: <https://www.euractiv.com/section/enlargement-neighbourhood/news/germany-france-make-eu-reform-pitch-ahead-of-enlargement-talks/> (дата обращения: 07.03.2025).

трактовки. Мягкая указывает на необходимость повышения субъектности народов и регионов России путем «рефедерализации». Жесткая видит целью распад России на более мелкие государства. Следовательно, ключевые тропы в документах ЕС для этой интерпретации помимо «деколонизации» — это «рефедерализация», «меньшинства», «(коренные) народы», «дискриминация». Для Евросоюза это наиболее маргинальная трактовка, хотя исторически западные страны уже ее использовали против России [4; 40].

Спектр антрепренеров, продвигающих данную интерпретацию, широк. Академической основой выступают исследования истории России как процесса постепенной колонизации территорий [22; 41]. Требования деколонизации России также в ряде случаев составляют продолжение второй интерпретации, то есть деколонизации постсоветской Евразии [29; 42]. Продвижение третьей интерпретации стало миссией нескольких мозговых центров. Так, Европейский центр инициативы по устойчивости¹ регулярно сравнивает освоение Сибири с опытом западного колониализма. В Литве был создан Институт исследования регионов России. В то же время идея деколонизации России остается маргинальной среди аналитиков и даже классифицируется западными экспертами как «дикие фантазии» [43].

Тем не менее идеи распространены среди ряда балтийских политиков ЕС. Радикальный вариант этой интерпретации продвигала, например, бывший депутат Европарламента от Польши А. Фотыга, много сделавшая для привлечения к этой идее внимания и своих коллег — евродепутатов², и СМИ³. Намекала на этот вариант тогда еще премьер-министр К. Каллас⁴. За мягкий вариант рефедерализации ратовал на тот момент депутат Европарламента А. Кубилиус⁵. Важную роль в продвижении этой интерпретации играют украинские политики и общественные деятели, а также некоторые эмигранты, позиционирующие себя как представителей отдельных народов и регионов России⁶ [40]. СМИ отслеживали соответствующие дебаты, обеспечивая резонанс наиболее сенсационным заявлениям, но также предоставляя арену для дебатов между сторонниками и противниками деколонизации России⁷.

В практических действиях ЕС данная интерпретация пока не отразилась. Как правило, официальные документы ограничиваются выражением озабоченности притеснением в России «активистов, представляющих этнические и культурные

¹ Центр внесен в Перечень иностранных и международных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации 02.07.2025.

² The Imperial Russia: Conquer, Genocide & Colonisation. 2023, *ECR*, URL: https://ecrgroup.eu/event/the_imperial_russia_conquer_genocide_colonisation (дата обращения: 28.06.2024).

³ Fotyga, A. 2023, The dissolution of the Russian Federation is far less dangerous than leaving it ruled by criminals, *Euractiv*, URL: <https://www.euractiv.com/section/politics/opinion/the-dissolution-of-the-russian-federation-is-a-far-less-dangerous-than-leaving-it-ruled-by-criminals/> (дата обращения: 29.06.2024).

⁴ 'Putin's Russia Will Be Disintegrated Into States': Kaja Kallas Shocker Ahead of Big EU Post Pick. 2024, *OneIndia*, URL: <https://www.youtube.com/live/1Jw999EuNpM> (дата обращения: 04.07.2024).

⁵ Draft Report on a European Parliament recommendation to the Council and the Vice-President of the Commission. 2023, *European Parliament*, High Representative of the Union for Foreign Affairs and Security Policy concerning EU-Russia political relations (2023/2125(INI), Committee on Foreign Affairs, Rapporteur: Andrius Kubilius, URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/AFET-PR-753627_EN.pdf (дата обращения 30.10.2024).

⁶ Большинство из них ныне внесено в реестр террористов и экстремистов в России.

⁷ Любопытная дискуссия развернулась, например, в 2023 г. на информационном портале Politico.eu (внесен в реестр СМИ, запрещенных в России, 25.06.2024).

меньшинства»¹. Ж. Боррель особо подчеркивал, что «никто не оспаривает границы» России [30, р. 41]. Однако в резолюции 2024 г. Европарламент обозначил как желаемые изменения «в Российской Федерации, особенно в части деимпериализации, деколонизации и рефедерализации»². При этом парламентские документы во всем мире нередко тестируют идеи, легитимируют маргинальные парадигмы, которые потом получают распространение в политической практике. Деколонизация новых стран-членов в процессе принятия решений в ЕС и карьерный рост отдельных их представителей также способствуют распространению третьей интерпретации деколонизации в ЕС.

С ценностной точки зрения данная интерпретация приемлема для ЕС как соответствующая концепции нормативной силы [44]. Во-первых, деколонизация позиционируется академическими экспертами как универсальный процесс, через который должны пройти все «старые» державы. Во-вторых, опыт стран ЕС по деколонизации и переосмыслению своей истории подается как удачный. В-третьих, требование внутренних реформ на территории визави типично для Брюсселя. В то же время данная интерпретация затрагивает внутреннюю политику России, то есть находится вне сферы влияния ЕС. Более того, само обсуждение этой интерпретации провоцирует резко отрицательную реакцию Москвы как деструктивное вмешательство в ее внутренние дела³. Это создает негативный фон для восстановления любого диалога сторон.

Таким образом, согласно третьей интерпретации, проблему для политики ЕС представляет исторически сложившееся государственное устройство России. По сути, идея состоит в смене или трансформации визави ЕС на стороне России. Сеть антрепренеров здесь включает академических исследователей, аналитиков, а также балтийских политиков; влияние оказывают также украинские общественные деятели и ряд россиян-эмигрантов. Ни один из институтов ЕС не развивает открыто эту интерпретацию, но некоторые балтийские политики выступали с соответствующими идеями, эта трактовка даже отразилась в документах Европарламента. Хотя нормативно такая интерпретация может быть привлекательна для ЕС, технически она не реализуема. Однако способна серьезно затруднить любое восстановление контактов Москвы и Брюсселя.

Заключение

С помощью КМП мы продемонстрировали, как идея переформулируется, чтобы стать новой концептуальной основой политики, в данном случае — действий Евросоюза в отношении России. Важные условия в нашем кейсе — наличие политического вакуума в ЕС относительно парадигмы долгосрочных связей с Россией, а также популярность концепции деколонизации, ее ценностная приемлемость для

¹ *European Parliament*, 2022, Increasing repression in Russia, including the case of Alexey Navalny European Parliament resolution of 7 April 2022 on the increasing repression in Russia, including the case of Alexei Navalny (2022/2622(RSP)), URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2022-0125_EN.pdf (дата обращения: 27.06.2024).

² *European Parliament*, 2024, The murder of Alexei Navalny and the need for EU action in support of political prisoners and oppressed civil society in Russia. European Parliament resolution of 29 February 2024 on the murder of Alexei Navalny and the need for EU action in support of political prisoners and oppressed civil society in Russia (2024/2579(RSP)), URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2024-0118_EN.html (дата обращения: 29.06.2024).

³ См., напр.: Выступление министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова и ответы на вопросы на «правительственном часе» в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации, Москва, 15 февраля 2023 года, URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1854365/ (дата обращения: 12.06.2025).

Брюсселя. При этом в фокусе статьи было то, как общая идея деколонизации получает свои интерпретации при соединении потоков проблем, политики и политических решений, а также важность балтийских антрепренеров (см. табл.).

Было продемонстрировано, что три интерпретации отличаются по тому, как они определяют проблему российской политики ЕС. В первом случае главный вопрос — кто участвует в ее выработке; субъектность возвращается ряду стран ЕС (прежде всего государствам Балтии и Польше). Во второй интерпретации основная проблема — преодоление интеримпериальности стран постсоветской Евразии, возвращение им субъектности. Наконец, третья интерпретация направлена прямо на Москву, в центре этой трактовки — возвращение субъектности народам и регионам России и в конечном счете трансформация визави ЕС.

Хотя в этих интерпретациях представлены все категории антрепренеров, они качественно отличаются друг от друга. В первой налицо не только теоретическая проработка учеными (особенно Балтии), но и вовлеченность политиков Балтии высокого уровня. Они обладают необходимыми информационными и управленческими ресурсами, а также легитимностью, проистекающей из их кажущейся «правоты» относительно истинной природы России. Во второй интерпретации преобладает академическая проработка, а также «моральное» давление украинских политиков, их поддержка наднациональными лидерами ЕС и балтийская солидарность с Киевом. Наконец, третья интерпретация (пока) фрагментарна и маргинальна, но бралась на вооружение как рядом мозговых центров, так и отдельными балтийскими политиками. Таким образом, во всех интерпретациях явно выражена роль балтийских антрепренеров.

Во всех трех интерпретациях обеспечена ценностная приемлемость для ЕС. Она достигается за счет принципов деятельности ЕС в первом случае, исторических, литературных исследований и давления Украины во втором и, наконец, за счет осмысления практики нормативной силы Европы в третьей интерпретации. В то же время по технической реализуемости три интерпретации качественно отличаются. Первая интерпретация максимально успешна и представляется долгосрочной; она связана с имплементацией правил ЕС на практике, с его внутренней деятельностью. Вторая — также результативна, так как это результат внешней деятельности ЕС. Однако время покажет, увенчается ли успехом дальнейшее расширение Евросоюза за счет постсоветских стран и сохранится ли «украинская» иерархия на постсоветском пространстве. Наконец, третья интерпретация (пока) наиболее сомнительна, поскольку ее реализация находится вне влияния ЕС. В то же время она проникла в документы Европарламента и имеет шансы на дальнейшее распространение с назначением балтийских политиков (прежде всего К. Каллас и А. Кубилиуса) на высокие наднациональные должности.

Три интерпретации поддерживают друг друга. Субъектность стран Балтии и Польши в ЕС содействует деколониальной концептуализации процессов на постсоветском пространстве. Устойчивость «деколонизации» Украины / постсоветской Евразии дискурсивно связывается с изменениями взаимоотношений народов в России¹.

Концепция внешней политики России 2023 г. предполагает восстановление связей с партнерами в Европе. Однако деколонизация как концептуальная основа политики ЕС в отношении России вряд ли этому благоприятствует. Первая интер-

¹ Fotyga, A. 2023, The dissolution of the Russian Federation is far less dangerous than leaving it ruled by criminals, *Euractiv*, URL: <https://www.euractiv.com/section/politics/opinion/the-dissolution-of-the-russian-federation-is-a-far-less-dangerous-than-leaving-it-ruled-by-criminals/> (дата обращения: 29.06.2024).

претация деколонизации означает весьма однобокие, жесткие действия Евросоюза в отношении Москвы. Вторая в нынешнем прочтении влечет военную эскалацию, санкции и спорную новую иерархию акторов на постсоветском пространстве. Наконец, третья интерпретация представляет вмешательство во внутренние дела России. Следовательно, во всех нынешних интерпретациях деколонизация не будет способствовать восстановлению прагматичного диалога Москвы и Брюсселя.

Наконец, КМП показывает направления возможных дальнейших исследований. Во-первых, более подробной проработки заслуживают антрепренеры, продвигающие интерпретации деколонизации, а также их стратегии, ресурсы и сети. Во-вторых, интересным представляется анализ того, как в ЕС открываются политические окна для объединения трех потоков. В-третьих, вторая интерпретация деколонизации требует большей детализации; сегодня ее фокус — это Украина, но остается неясным, насколько этот опыт ЕС можно экстраполировать на другие страны постсоветской Евразии. Наконец, заслуживает внимания устойчивость и легитимность «украинской» иерархии, которую ЕС выстраивает на постсоветском пространстве.

Список литературы

1. Heidbreder, E. G. 2024, Withering the exogenous shock: EU policy responses to the Russian war against Ukraine, *West European Politics*, vol. 47, № 6, p. 1392—1418, <https://doi.org/10.1080/01402382.2023.2291971>
2. Caprile, A., Cirlig, C. 2025, *EU sanctions against Russia 2025: State of play, perspectives and challenges*, European Parliamentary Research Service, February, URL: [https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document/EPRS_BRI\(2025\)767243](https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document/EPRS_BRI(2025)767243) (дата обращения: 06.03.2025).
3. Berenskoetter, F. 2016, Approaches to Concept Analysis, *Millennium: Journal of International Studies*, vol. 45, № 2, p. 151—173, <https://doi.org/10.1177/0305829816651934>
4. Бовдунов, А.Л. 2022, Вызов «деколонизации» и необходимость комплексного переопределения неокOLONIALИЗМА, *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*, т. 22, № 4, с. 645—658, EDN: DIBWGN, <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-4-645-658>
5. Фитуни, Л.Л., Абрамова, И.О. 2020, Политическая теория деколонизации: императивы современного прочтения, *Полис. Политические исследования*, № 6, с. 26—40, EDN: KLPCXO, <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.06.03>
6. Wodak, R., Meyer, M. 2015, Critical Discourse Studies: History, Agenda, Theory and Methodology, in: Wodak, R., Meyer, M. (eds.), *Methods of Critical Discourse Studies*, London, Sage, p. 1—22.
7. Jones, M.D., Peterson, H.L., Pierce, J.J., Herweg, N., Bernal, A., Lamberta Raney, H., Zahariadis, N. 2016, A River Runs Through It: A Multiple Streams Meta-Review, *The Policy Studies Journal*, vol. 44, № 1, p. 13—36, <https://doi.org/10.1111/psj.12115>
8. Cohen, M.D., March, J.G., Olsen, J.P. 1972, A Garbage Can Model of Organizational Choice, *Administrative Science Quarterly*, vol. 17, № 1, p. 1—25, URL: <https://www.jstor.org/stable/2392088?origin=JSTOR-pdf> (дата обращения: 06.03.2025).
9. Olsen, J.P. 2001, Garbage Cans, New Institutionalism, and the Study of Politics, *The American Political Science Review*, vol. 95, № 1, p. 191—198, URL: https://ideas.repec.org/a/cup/apsrev/v95y2001i01p191-198_00.html (дата обращения: 06.03.2025).
10. Mucciaroni, G. 2012, The garbage can model and the study of the policy-making process, in: Araral, E., Fritzen, S., Howlett, M., Ramesh, M., Xun, W. (eds.), *Routledge Handbook of Public Policy*, Abington, Routledge, p. 320—328, URL: <https://www.taylorfrancis.com/chapters/edit/10.4324/9780203097571-30/garbage-model-study-policy-making-process-gary-mucciaroni> (дата обращения: 06.03.2025).
11. Kingdon, J. 1995, *Agendas, Alternatives and Public Policies*, New York, Harper Collins.
12. Zahariadis, N. 2008, Ambiguity and choice in European public policy, *Journal of European Public Policy*, vol. 15, № 4, p. 514—530, <https://doi.org/10.1080/13501760801996717>

13. Zahariadis, N. 2007, The Multiple Streams Framework: Structure, Limitations, Prospects, in: Sabatier, P.A. (ed.), *Theories of the Policy Process*, Colorado, Westview Press, p. 65—92, <https://doi.org/10.4324/9780367274689-3>
14. Cairney, P. 2012, *Understanding Public Policy*, Basingstoke, UK, Palgrave, URL: <https://paulcairney.wordpress.com/wp-content/uploads/2020/01/cairney-2nd-proof-combined.pdf> (дата обращения: 06.03.2025).
15. Romanova, T., David, M. (eds.). 2021, *The Routledge Handbook of EU-Russian Relations. Structures, Actors, Issues*, Abington, Routledge.
16. Kinnvall, C. 2020, Postcolonialism, in: Bigo, D., Diez, T., Fanoulis, E., Rosamond, B., Stivachtis, Y.A. (eds.), *The Routledge Handbook of Critical European Studies*, Abington, Routledge, URL: <https://www.taylorfrancis.com/chapters/edit/10.4324/9780429491306-5/postcolonialism-catarina-kinnvall> (дата обращения: 06.03.2025).
17. Bhambra, G.K. 2022, A Decolonial Project for Europe, *Journal of Common Market Studies*, vol. 60, № 2, p. 229—244, EDN: CKNTFJ, <https://doi.org/10.1111/jcms.13310>
18. Bhambra, G.K., Gebrial, D., Nisancioglu, K. 2018, *Decolonising the university*, London, Pluto Press, URL: <https://library.oapen.org/handle/20.500.12657/25936> (дата обращения: 06.03.2025).
19. Evans, A.M.-F., Ionescu, D.P. 2023, Unlearning and Relearning Europe: Theoretical and Practical Approaches to Decolonizing European Studies Curricula, *Journal of Contemporary European Research*, vol. 19, № 2, p. 246—261, EDN: OIPKHX, <https://doi.org/10.30950/jcer.v19i2.1298>
20. Byford, A., Doak, C., Hutchings, S. 2024, Decolonizing the Transnational, Transnationalizing the decolonial: Russian Studies at the Crossroad, *Forum for Modern Language Studies*, vol. 60, № 3, p. 339—357, EDN: WFINCP, <https://doi.org/10.1093/fmls/cqae038>
21. Foley, J., Unkovski-Korica, V. 2024, Decentring the West? Civilizational solidarity and (de) colonization in theories of the Russia—Ukraine War, *Globalizations*, vol. 22, № 3, p. 613—633, <https://doi.org/10.1080/14747731.2024.2399475>
22. Kocherzhat, M. 2024, Postcolonial Meets Post-Soviet: At the Crossroads of Divergent Voices and Layered Silences, *Russian Analytical Digest*, № 319, 22 October, <https://doi.org/10.3929/ethz-b-000701772>
23. Mälksoo, M. 2009, *The politics of becoming European: a study of polish and baltic post-cold war security imaginaries*, Abington, Routledge, <https://doi.org/10.4324/9780203871898>
24. Brom, Z. 2022, Fuck leftist westplaining Comment, *Freedom*, URL: <https://freedomnews.org.uk/2022/03/04/fuck-leftist-westplaining/> (дата обращения: 07.03.2025).
25. Mälksoo, M. 2022, The Postcolonial Moment in Russia's War Against Ukraine, *Journal of Genocide Research*, vol. 25, № 3-4, p. 471—481, EDN: CLEUTL, <https://doi.org/10.1080/14623528.2022.2074947>
26. Dutkiewicz, J., Smoleński, J. 2023, Epistemic superimposition: The war in Ukraine and the poverty of expertise in International Relations theory, *Journal of International Relations and Development*, vol. 26, № 4, p. 619—631, EDN: NHTJUY, <https://doi.org/10.1057/s41268-023-00314-1>
27. Budryté, D. 2023, 'A Decolonising Moment of Sorts': The Baltic States' Vicarious Identification with Ukraine and Related Domestic and Foreign Policy Developments, *Central European Journal of International and Security Studies*, vol. 17, № 4, p. 82—105, EDN: XTOJEQ, <https://doi.org/10.51870/YPIJ8030>
28. Дынкин, А. А. 2022, Эстонизация Европы. Почему исчезла европейская безопасность, *РСМД*, URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/estonizatsiya-evropy-pochemu-ischezla-evropeyskaya-bezopasnost/> (дата обращения: 07.03.2025).
29. Hendl, T., Burlyuk, O., O'Sullivan, M., Arystanbek, A. 2024, (En)Countering epistemic imperialism: A critique of "Westsplaining" and coloniality in dominant debates on Russia's invasion of Ukraine, *Contemporary Security Policy*, vol. 45, № 2, p. 171—209, EDN: QKRJYT, <https://doi.org/10.1080/13523260.2023.2288468>
30. Borrell Fontelles, J. 2024, *Europe between Two Wars. EU Foreign Policy in 2023*, *Europa.eu*, URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/hrvp-josep-borrell-latest-book-europe-between-two-wars-eu-foreign-policy-2023_en (дата обращения: 07.03.2025).

31. Sonevsky, M. 2022, What is Ukraine? Notes on epistemic imperialism, *Topos*, № 2, p. 21 — 30, <https://doi.org/10.24412/1815-0047-2022-2-21-30>
32. Labuda, P.I. 2022, On Eastern Europe, 'Whataboutism' and 'West(s)plaining': Some Thoughts on International Lawyers' Responses to Ukraine, *European Journal of International Law*, URL: <https://web.archive.org/web/20220616151802/https://www.ejiltalk.org/on-eastern-europe-whataboutism-and-westsplaining-some-thoughts-on-international-lawyers-responses-to-ukraine> (дата обращения: 07.03.2025).
33. Gerasimov, I. 2014, Ukraine 2014: The First Postcolonial Revolution. Introduction to the Forum, *Ab Imperio*, № 3, p. 22 — 44, EDN: UXIJPV, <https://doi.org/10.1353/imp.2014.0072>
34. Chioni Moore, D. 2001, Is the Post- in Postcolonial the Post- in Post-Soviet? Toward a Global Postcolonial Critique, *PMLA*, vol. 116, № 1, p. 111 — 28.
35. Spivak, G. C. 2006, Are You Postcolonial? To the Teachers of Slavic and Eastern European Literatures, *PMLA*, vol. 121, № 3, p. 828 — 829.
36. Tlostanova, M. 2012, Postsocialist ≠ postcolonial? On post-Soviet imaginary and global coloniality, *Journal of Postcolonial Writing*, vol. 48, № 2, p. 130 — 142, EDN: PDMZFT, <https://doi.org/10.1080/17449855.2012.658244>
37. Shalпов, A., Shaipova, Y. 2023, It's High Time to Decolonize Western Russia Studies, *Foreign Policy*, URL: <https://foreignpolicy.com/2023/02/11/russia-studies-war-ukraine-decolonize-imperialism-western-academics-soviet-empire-eurasia-eastern-europe-university/> (дата обращения: 07.03.2025).
38. Petrov, R. 2023, Bumpy Road of Ukraine Towards the EU Membership in Time of War: "Accession Through War" v "Gradual Integration", *European Papers*, vol. 8, № 3, p. 1057 — 1065, <https://doi.org/10.15166/2499-8249/701>
39. Darvas, Z., Dabrowski, M., Grabbe, H., Léry Moffat, L., Sapir, A., Zachmann, G. 2024, Ukraine's path to European Union membership and its long-term implications. The war complicates the accession process, but Ukraine can work progressively towards meeting the entry conditions, *Bruegel*, URL: <https://www.bruegel.org/policy-brief/ukraines-path-european-union-membership-and-its-long-term-implications> (дата обращения: 07.03.2025).
40. Демешко, Н. Э., Мурадов, Г. Л., Иркин, А. А., Москаленко, О. А. 2024, «Деколонизация» и «деимпериализация»: современная политика Запада в отношении фрагментации России, *Регионоведение*, т. 32, № 1, с. 10 — 30, EDN: YLABUU, <https://doi.org/10.15507/2413-1407.126.032.202401.010-030>
41. Tlostanova, M. 2015, Between the Russian/Soviet Dependencies, Neoliberal Delusions, Dewesternizing Options, and Decolonial Drives, *Cultural Dynamics*, vol. 27, № 2, p. 267 — 283, EDN: UEZASR, <https://doi.org/10.1177/0921374015585230>
42. Kassymbekova, B. 2023, The road to democracy in Russia runs through Chechnya, *Foreign Policy*, URL: <https://foreignpolicy.com/2023/03/11/russia-chechnya-democracy-ukraine-putin-kadyrov/> (дата обращения: 07.03.2025).
43. Bond, I. 2023, Principles for Europe's Relations with Russia after the War, *Opinion piece*, URL: <https://www.cer.eu/in-the-press/principles-europes-relations-russia-after-war> (дата обращения: 27.06.2024).
44. Manners, I. 2002, Normative power Europe: a contradiction in terms?, *Journal of Common Market Studies*, vol. 40, № 2, p. 235 — 258, URL: <https://www.princeton.edu/~amoravcs/library/mannersnormativepower.pdf> (дата обращения: 27.06.2024).

Об авторе

Татьяна Алексеевна Романова, доктор политических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия.

<https://orcid.org/0000-0002-5199-0003>

E-mail: t.romanova@spbu.ru

EU IN SEARCH OF A RUSSIA POLICY? MULTIPLE STREAMS FRAMEWORK, DECOLONIZATION, BALTIC ENTREPRENEURS

T. A. Romanova^{1, 2}

¹ Saint Petersburg State University,
7–9 Universitetskaya Emb., Saint Petersburg, 199034, Russia

² HSE University,
20 Myasnitskaya St., Moscow, 101000, Russia

Received 11 March 2025

Accepted 29 June 2025

doi: 10.5922/2079-8555-2025-3-1

© Romanova, T. A., 2025

The start of the Special Military Operation (SMO) created a conceptual vacuum in the European Union's policy toward Russia. By classifying Moscow as a strategic threat, Brussels curtailed all contacts with it, instead prioritizing sanctions and support for Ukraine. The aim of this article is to examine how decolonization, understood as a socio-political category, has become the ideational foundation of the EU's Russia policy and to highlight the role of Baltic actors in shaping this discourse. Theoretically, the analysis is informed by the multiple streams framework; empirically, it draws on EU policy documents and political speeches delivered between 2022 and the present.

Three distinct interpretations of decolonization are identified. The first highlights the previously limited agency of the Baltic States and Poland in shaping EU—Russia policy, which has now given way to Brussels' acceptance of the most uncompromising 'Baltic line' on Russia. The second emphasizes inter-imperiality, understood as both the liberation of post-Soviet Eurasia from Russian influence and the emancipation of states in this region through deeper and more equitable cooperation with the EU. This interpretation underpins the EU's revision of its enlargement policy, the additional legitimization of anti-Russian sanctions, and the creation of a new hierarchy of actors in the post-Soviet space. The third, currently marginal, interpretation focuses on restoring subjectivity to Russia's peoples and regions. While EU policymakers rarely elaborate on this perspective, its very existence reinforces a negative backdrop that constrains the possibility of dialogue between Russia and the EU. The article demonstrates the central role of Baltic actors in advancing these interpretations of decolonisation and underscores the differences in their technical feasibility. In conclusion, the three interpretations are compared and briefly assessed in terms of their implications for the potential restoration of Russia—EU relations.

Keywords:

European Union, multiple streams concept, decolonization, Russia / Russian Federation, Ukraine, Baltic states

References

1. Heidbreder, E. G. 2024, Withering the exogenous shock: EU policy responses to the Russian war against Ukraine, *West European Politics*, vol. 47, № 6, p. 1392—1418, <https://doi.org/10.1080/01402382.2023.2291971>
2. Caprile, A., Cirlig, C. 2025, *EU sanctions against Russia 2025: State of play, perspectives and challenges*, European Parliamentary Research Service, February, URL: [https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document/EPRS_BRI\(2025\)767243](https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document/EPRS_BRI(2025)767243) (accessed 06.03.2025).
3. Berenskoetter, F. 2016, Approaches to Concept Analysis, *Millennium: Journal of International Studies*, vol. 45, № 2, p. 151—173, <https://doi.org/10.1177/0305829816651934>

To cite this article: Romanova, T. A. 2025, EU in search of a Russia policy? Multiple streams framework, decolonization, Baltic entrepreneurs, *Baltic Region*, vol. 17, № 3, p. 4—22. doi: 10.5922/2079-8555-2025-3-1

4. Bovdunov, A.L. 2022, Thematic dossier: Postcolonialism and Anti-colonial Struggle Challenge of “Decolonisation” and Need for a Comprehensive Redefinition of Neocolonialism, *Vestnik Rudn International Relations*, vol. 22, №4, p. 645—658, <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-4-645-658>
5. Fituni, L.L., Abramova, I.O. 2020, Political Theory of Decolonization: Essentials of Modern Reading, *Polis Political Studies*, №6, p. 26–40, <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.06.03>
6. Wodak, R., Meyer, M. 2015, Critical Discourse Studies: History, Agenda, Theory and Methodology, in: Wodak, R., Meyer, M. (eds.), *Methods of Critical Discourse Studies*, London, Sage, p. 1—22.
7. Jones, M.D., Peterson, H.L., Pierce, J.J., Herweg, N., Bernal, A., Lamberta Raney, H., Zahariadis, N. 2016, A River Runs Through It: A Multiple Streams Meta-Review, *The Policy Studies Journal*, vol. 44, №1, p. 13—36, <https://doi.org/10.1111/psj.12115>
8. Cohen, M.D., March, J.G., Olsen, J.P. 1972, A Garbage Can Model of Organizational Choice, *Administrative Science Quarterly*, vol. 17, №1, p. 1—25, URL: <https://www.jstor.org/stable/2392088?origin=JSTOR-pdf> (accessed 06.03.2025).
9. Olsen, J.P. 2001, Garbage Cans, New Institutionalism, and the Study of Politics, *The American Political Science Review*, vol. 95, №1, p. 191—198, URL: https://ideas.repec.org/a/cup/apssrev/v95y2001i01p191-198_00.html (accessed 06.03.2025).
10. Mucciaroni, G. 2012, The garbage can model and the study of the policy-making process, in: Araral, E., Fritzen, S., Howlett, M., Ramesh, M., Xun, W. (eds.), *Routledge Handbook of Public Policy*, Abington, Routledge, p. 320—328, URL: <https://www.taylorfrancis.com/chapters/edit/10.4324/9780203097571-30/garbage-model-study-policy-making-process-gary-mucciaroni> (accessed 06.03.2025).
11. Kingdon, J. 1995, *Agendas, Alternatives and Public Policies*, New York, Harper Collins.
12. Zahariadis, N. 2008, Ambiguity and choice in European public policy, *Journal of European Public Policy*, vol. 15, №4, p. 514—530, <https://doi.org/10.1080/13501760801996717>
13. Zahariadis, N. 2007, The Multiple Streams Framework: Structure, Limitations, Prospects, in: Sabatier, P.A. (ed.), *Theories of the Policy Process*, Colorado, Westview Press, p. 65—92, <https://doi.org/10.4324/9780367274689-3>
14. Cairney, P. 2012, *Understanding Public Policy*, Basingstoke, UK, Palgrave, URL: <https://paulcairney.wordpress.com/wp-content/uploads/2020/01/cairney-2nd-proof-combined.pdf> (accessed 06.03.2025).
15. Romanova, T., David, M. (eds.). 2021, *The Routledge Handbook of EU-Russian Relations. Structures, Actors, Issues*, Abington, Routledge.
16. Kinnvall, C. 2020, Postcolonialism, in: Bigo, D., Diez, T., Fanoulis, E., Rosamond, B., Stivachtis, Y.A. (eds.), *The Routledge Handbook of Critical European Studies*, Abingdon, Routledge, URL: <https://www.taylorfrancis.com/chapters/edit/10.4324/9780429491306-5/postcolonialism-catarina-kinnvall> (accessed 06.03.2025).
17. Bhambra, G.K. 2022, A Decolonial Project for Europe, *Journal of Common Market Studies*, vol. 60, №2, p. 229—244, EDN: CKNTFJ, <https://doi.org/10.1111/jcms.13310>
18. Bhambra, G.K., Gebrial, D., Nisancioglu, K. 2018, *Decolonising the university*, London, Pluto Press, URL: <https://library.oapen.org/handle/20.500.12657/25936> (accessed 06.03.2025).
19. Evans, A.M.-F., Ionescu, D.P. 2023, Unlearning and Relearning Europe: Theoretical and Practical Approaches to Decolonizing European Studies Curricula, *Journal of Contemporary European Research*, vol. 19, №2, p. 246—261, EDN: OIPKHX, <https://doi.org/10.30950/jcer.v19i2.1298>
20. Byford, A., Doak, C., Hutchings, S. 2024, Decolonizing the Transnational, Transnationalizing the decolonial: Russian Studies at the Crossroad, *Forum for Modern Language Studies*, vol. 60, №3, p. 339—357, EDN: WFINCP, <https://doi.org/10.1093/fmls/cqae038>
21. Foley, J., Unkovski-Korica, V. 2024, Decentring the West? Civilizational solidarity and (de) colonization in theories of the Russia—Ukraine War, *Globalizations*, vol. 22, №3, p. 613—633, <https://doi.org/10.1080/14747731.2024.2399475>
22. Kocherzhat, M. 2024, Postcolonial Meets Post-Soviet: At the Crossroads of Divergent Voices and Layered Silences, *Russian Analytical Digest*, №319, 22 October, <https://doi.org/10.3929/ethz-b-000701772>

23. Mälksoo, M. 2009, *The politics of becoming European: a study of polish and baltic post-cold war security imaginaries*, Abingdon, Routledge, <https://doi.org/10.4324/9780203871898>
24. Brom, Z. 2022, Fuck leftist westplaining Comment, *Freedom*, URL: <https://freedomnews.org.uk/2022/03/04/fuck-leftist-westplaining/> (accessed 07.03.2025).
25. Mälksoo, M. 2022, The Postcolonial Moment in Russia's War Against Ukraine, *Journal of Genocide Research*, vol. 25, № 3-4, p. 471 — 481, EDN: CLEUTL, <https://doi.org/10.1080/14623528.2022.2074947>
26. Dutkiewicz, J., Smoleński, J. 2023, Epistemic superimposition: The war in Ukraine and the poverty of expertise in International Relations theory, *Journal of International Relations and Development*, vol. 26, № 4, p. 619 — 631, EDN: NHTJUY, <https://doi.org/10.1057/s41268-023-00314-1>
27. Budrytė, D. 2023, 'A Decolonising Moment of Sorts': The Baltic States' Vicarious Identification with Ukraine and Related Domestic and Foreign Policy Developments, *Central European Journal of International and Security Studies*, vol. 17, № 4, p. 82 — 105, EDN: XTOJEQ, <https://doi.org/10.51870/YPIJ8030>
28. Dynkin, A. A. 2022, The Estonianization of Europe. Why European Security Has Disappeared, *RIAC*, URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/estonizatsiya-evropy-pochemu-ischezla-evropeyskaya-bezopasnost/> (accessed 07.03.2025) (in Russ.).
29. Hendl, T., Burlyuk, O., O'Sullivan, M., Arystanbek, A. 2024, (En)Countering epistemic imperialism: A critique of "Westplaining" and coloniality in dominant debates on Russia's invasion of Ukraine, *Contemporary Security Policy*, vol. 45, № 2, p. 171 — 209, EDN: QKRJYT, <https://doi.org/10.1080/13523260.2023.2288468>
30. Borrell Fontelles, J. 2024, *Europe between Two Wars. EU Foreign Policy in 2023*, Europa.eu, URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/hrvp-josep-borrell-latest-book-europe-between-two-wars-eu-foreign-policy-2023_en (accessed 07.03.2025).
31. Sonevysky, M. 2022, What is Ukraine? Notes on epistemic imperialism, *Topos*, № 2, p. 21 — 30, <https://doi.org/10.24412/1815-0047-2022-2-21-30>
32. Labuda, P. I. 2022, On Eastern Europe, 'Whataboutism' and 'West(s)plaining': Some Thoughts on International Lawyers' Responses to Ukraine, *European Journal of International Law*, URL: <https://web.archive.org/web/20220616151802/https://www.ejiltalk.org/on-eastern-europe-whataboutism-and-westplaining-some-thoughts-on-international-lawyers-responses-to-ukraine> (accessed 07.03.2025).
33. Gerasimov, I. 2014, Ukraine 2014: The First Postcolonial Revolution. Introduction to the Forum, *Ab Imperio*, № 3, p. 22 — 44, EDN: UXIJPV, <https://doi.org/10.1353/imp.2014.0072>
34. Chioni Moore, D. 2001, Is the Post- in Postcolonial the Post- in Post-Soviet? Toward a Global Postcolonial Critique, *PMLA*, vol. 116, № 1, p. 111 — 128.
35. Spivak, G. C. 2006, Are You Postcolonial? To the Teachers of Slavic and Eastern European Literatures, *PMLA*, vol. 121, № 3, p. 828 — 829.
36. Tlostanova, M. 2012, Postsocialist ≠ postcolonial? On post-Soviet imaginary and global coloniality, *Journal of Postcolonial Writing*, vol. 48, № 2, p. 130 — 142, EDN: PDMZFT, <https://doi.org/10.1080/17449855.2012.658244>
37. Shalпов, A., Shaipova, Y. 2023, It's High Time to Decolonize Western Russia Studies, *Foreign Policy*, URL: <https://foreignpolicy.com/2023/02/11/russia-studies-war-ukraine-decolonize-imperialism-western-academics-soviet-empire-eurasia-eastern-europe-university/> (accessed 07.03.2025).
38. Petrov, R. 2023, Bumpy Road of Ukraine Towards the EU Membership in Time of War: "Accession Through War" v "Gradual Integration", *European Papers*, vol. 8, № 3, p. 1057 — 1065, <https://doi.org/10.15166/2499-8249/701>
39. Darvas, Z., Dabrowski, M., Grabbe, H., Léry Moffat, L., Sapir, A., Zachmann, G. 2024, Ukraine's path to European Union membership and its long-term implications. The war complicates the accession process, but Ukraine can work progressively towards meeting the entry conditions, *Bruegel*, URL: <https://www.bruegel.org/policy-brief/ukraines-path-european-union-membership-and-its-long-term-implications> (accessed 07.03.2025).

40. Demeshko, N.E., Muradov, G.L., Irkhin, A.A., Moskalenko, O.A. 2024, "Decolonization" and "Deimperialization": Modern Western Policy Towards Fragmentation of Russia, *Russian Journal of Regional Studies*, vol. 32, № 1, p. 10—30, <https://doi.org/10.15507/2413-1407.126.032.202401.010-030>
41. Tlostanova, M. 2015, Between the Russian/Soviet Dependencies, Neoliberal Delusions, Dewesternizing Options, and Decolonial Drives, *Cultural Dynamics*, vol. 27, № 2, p. 267—283, EDN: UEZASR, <https://doi.org/10.1177/0921374015585230>
42. Kassymbekova, B. 2023, The road to democracy in Russia runs through Chechnya, *Foreign Policy*, URL: <https://foreignpolicy.com/2023/03/11/russia-chechnya-democracy-ukraine-putin-kadyrov/> (accessed 07.03.2025).
43. Bond, I. 2023, Principles for Europe's Relations with Russia after the War, *Opinion piece*, URL: <https://www.cer.eu/in-the-press/principles-europes-relations-russia-after-war> (accessed 27.06.2024).
44. Manners, I. 2002, Normative power Europe: a contradiction in terms?, *Journal of Common Market Studies*, vol. 40, № 2, p. 235—258, URL: <https://www.princeton.edu/~amoravcs/library/mannersnormativepower.pdf> (accessed 27.06.2024).

The author

Dr **Tatiana A. Romanova**, Associate Professor, St. Petersburg State University, Russia; HSE University, Moscow, Russia.

<https://orcid.org/0000-0002-5199-0003>

E-mail: t.romanova@spbu.ru

Submitted for possible open access publication under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution – Noncommercial – No Derivative Works <https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/deed.en> (CC BY-NC-ND 4.0)

TISVOZ

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОВЕТА ГОСУДАРСТВ БАЛТИЙСКОГО МОРЯ ПО ЗАЩИТЕ ПРАВ НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ В 1990-е ГОДЫ

М. М. Паникар^{1, 2} **Ф. Х. Соколова²** **Н. Н. Белошицкая²**

¹ Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
190068, Россия, Санкт-Петербург, наб. Канала Грибоедова, 123

² Северный (Арктический) федеральный университет
имени М. В. Ломоносова,
163002, Россия, Архангельск, наб. Северной Двины, 17

Поступила в редакцию 15.03.2025 г.
Принята к публикации 23.07.2025 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2025-3-2
© Паникар М. М., Соколова Ф. Х.,
Белошицкая Н. Н., 2025

На основе впервые введенных в научный оборот материалов Архива внешней политики Российской Федерации анализируется деятельность Совета государств Балтийского моря (СГБМ) по защите прав национальных меньшинств с 1994 по 2000 г. Хронологические рамки исследования определены периодом функционирования Комиссариата по демократическим институтам и правам человека, включая права лиц, принадлежащих к меньшинствам, когда должность комиссара СГБМ занимал О. Эсперсен. Авторы статьи пришли к выводу о том, что инициатором деятельности СГБМ по защите прав национальных меньшинств была Россия, заинтересованная в соблюдении прав русскоязычного меньшинства в странах Прибалтики. Несмотря на то что разрешить проблему дискриминации русскоязычного населения в Прибалтийских государствах в полной мере не удалось, Комиссариат СГБМ внес определенный вклад в унификацию и стандартизацию нормативно-правовой и институциональной основы обеспечения прав уязвимых групп населения, в первую очередь национальных меньшинств. Его деятельность, по мнению авторов, способствовала формированию и развитию общеевропейских правозащитных институтов, а также стимулировала Россию к совершенствованию национального законодательства в данной сфере.

Ключевые слова:

Совет государств Балтийского моря, международное сотрудничество, национальные меньшинства, внешняя политика России

Введение

Кардинальная трансформация системы международных отношений, а именно отказ от политики Холодной войны и биполярного противостояния, распад Советского Союза и стремление вновь образованных государств интегрироваться в единое мировое пространство на основе западноевропейских ценностей обусловили поиск новых форматов международного взаимодействия в 1990-е гг. В ре-

Для цитирования: Паникар М. М., Соколова Ф. Х., Белошицкая Н. Н. Деятельность Совета государств Балтийского моря по защите прав национальных меньшинств в 1990-е годы // Балтийский регион. 2025. Т. 17, № 3. С. 23–41. doi: 10.5922/2079-8555-2025-3-2

гионе Балтийского моря и Северной Европы, где соприкасались интересы стран Скандинавского полуострова, вновь образованных Прибалтийских государств и России эта задача приобрела особую значимость. Государства, на протяжении многих десятилетий имевшие различные модели политического, социально-экономического и культурного развития, стремились разработать общие подходы и принципы к реализации внутренней и внешней политики в целях гармонизации межгосударственных отношений и формирования единого регионального пространства развития и безопасности. Основным инструментом в достижении этих целей стал Совет государств Балтийского моря, созданный в 1992 г.

Одновременно СГБМ в рамках процессов регионализации в числе первых продемонстрировал попытки выработки единых подходов к обеспечению равных прав и свобод для уязвимых групп населения. В частности, по инициативе России в 1994 г. была учреждена должность комиссара СГБМ по демократическим институтам и правам человека, включая права лиц, принадлежащих к меньшинствам.

В силу многоаспектности проблематики исследования его историография включает в себя несколько пластов научной литературы. В основу настоящего исследования положено осмысление процессов регионализации в регионе Балтийского моря. Авторами выявляются объективные факторы этих процессов, которые восходят к культурно-историческому наследию Ганзейского торгового союза вольных балтийских городов, созданному еще в XII в. с целью обеспечения безопасности торговли и расширения экономических контактов [1].

Вместе с тем отмечается, что импульсом регионального строительства в постсоветский период стал новый регионализм, а именно политическая воля руководства стран региона к созданию и укреплению регионального единства ради защиты общих, выходящих за рамки национальных, интересов и противостояния глобальным вызовам и угрозам [1—3].

Правомерно утверждение исследователей о том, что приоритет в развитии многостороннего международного сотрудничества в регионе принадлежит СГБМ. Он был создан как диалоговый формат для преодоления постбиполярной конфронтационности в регионе. Исследователи выделяют существенную роль Европейского союза в развитии данного формата сотрудничества в регионе [4; 5]. В частности, отмечается, что западные партнеры рассматривали эту платформу как дополнительный механизм демократизации общественно-политической жизни на восточном побережье Балтийского моря. Одновременно Балтика должна была стать мостом для взаимодействия России и ЕС [6—8]. Ряд зарубежных авторов усматривает участие России в СГБМ как инструмент решения вопроса русскоязычного меньшинства в Латвии и Эстонии [9; 10].

Деятельность комиссара СГБМ упоминается в нескольких работах исключительно как этап в становлении и развитии структуры организации, без оценки его вклада в развитие проблематики соблюдения прав человека в регионе [11; 12]. Роль деятельности комиссара подчеркнута Х.-М. Биркенбах. Она отмечает, что мандат комиссара не дублировал мандат верховного комиссара ОБСЕ по делам национальных меньшинств, напротив, он мог действовать точечно в ситуациях предоставления адресной помощи [12, с. 546]. Отдельно можно выделить работы самого комиссара О. Эсперсена [13—15]. В основном они направлены на анализ условий, в которых возникла необходимость в создании Комиссариата СГБМ, объяснение мандата, специфики и методов его деятельности. Эти публикации подчеркивают, что, находясь в данной должности, О. Эсперсен был заинтересован в своей деятельности, искал пути повышения ее эффективности, изучая опыт других организаций. Например, он критикует правоохранную деятельность Парламентской ассамблеи Совета Европы [15].

Злободневная для российских исследователей тема — положение, в котором оказалось русскоязычное население после обретения независимости Прибалтийскими государствами [16—19]. Практически во всех работах представлен анализ статистических данных о численности русских в Прибалтийских государствах, которые после обретения ими независимости оказались в положении неграждан в стране длительного проживания. Прежде всего речь, конечно, идет о Латвии и Эстонии. В исследованиях фиксируется, что был нарушен основополагающий принцип Всеобщей декларации прав человека, согласно которому «каждый человек имеет право на гражданство. Никто не может быть произвольно лишен гражданства или права изменить свое гражданство» [17]. В. И. Мусаев отмечает, что межэтнические конфликты с русскими возникали во всех бывших союзных республиках, но они, как правило, носили бытовой характер, тогда как в Прибалтийских государствах имело место ущемление гражданских прав местных русских в законодательном порядке [20].

Исследователями предпринимаются попытки анализа этнонациональной политики в Прибалтике и выявления факторов и причин, их обусловивших. В их числе, несомненно, указывается факт присоединения к СССР. Так, М. В. Берендеев и Е. Е. Уразбаев отмечают, что в 1990-х гг. «строительство европейской идентичности в странах Балтии происходило в рамках процесса формирования контриден-тичности к советскому наследию и ко всему русскому, что вылилось в активное эксплуатирование исторической тематики и поддержку негативных отношений с Россией» [21]. Вместе с тем подчеркиваются и неопытность новых политических элит Прибалтики [19], попытки минимизации влияния русских на избирательный процесс [18], постоянно присутствовавший страх Прибалтийских государств перед восстановлением российского влияния [17]. В. А. Смирнов рассматривает истоки национальной политики Прибалтийских государств через призму «теории малых стран», предложенную Дж. Коломером [18]. Согласно данной теории малые государства в силу ограниченности ресурсов не способны в полной мере обеспечить свою военную и экономическую безопасность и вынуждены вступать в асимметричные отношения, полагаясь на поддержку крупных держав или межгосударственных объединений [22]. Заслуживает внимания точка зрения Н. М. Межевича, который видит причины дискриминационной политики по отношению к русскоязычному населению в Прибалтийских республиках в реализации юридически необоснованной с точки зрения международного права доктрины советской «оккупации» [23, с. 64, 119—120].

Тематика обсуждения карельского национального движения в рамках СГБМ не нашла отражения в научной литературе. Вместе с тем данное движение рассматривается исследователями в общем контексте этнополитической ситуации в России в 1990-х гг. В частности, авторы выделяют негативные последствия советской национальной политики, которая в стремлении консолидировать народы под социалистическими лозунгами не в полной мере учитывала этнокультурные потребности народов; ускорившиеся в 1990-х гг. процессы политизации общественной жизни и этнической мобилизации; глубочайший социально-экономический кризис, вынуждавший регионы искать дополнительные внешние ресурсы и источники поддержки [24—26]. Так, Ю. П. Шабаев видит истоки современных национальных движений в политике большевиков первых лет Советской власти. По его мнению, стремление большевиков обеспечить новой власти политическую поддержку со стороны многочисленных этнических меньшинств привело к дроблению территории государства на этнические анклавы: союзные и автономные республики, области, округа и т. д. Тем самым обширные территории страны передавались в символическую «собственность» отдельным избранным этническим группам [27].

Цель настоящей статьи — анализ и выявление результатов деятельности СГБМ по защите прав национальных меньшинств в период 1994—2000 гг. Данная деятельность в основном была представлена мандатом комиссара СГБМ по демократическим институтам и правам человека, включая права лиц, принадлежащих к меньшинствам (далее — комиссар).

Методы и материалы

В рамках заявленной темы теоретико-методологическая основа настоящего исследования базируется на концепции неолиберального институционализма. Согласно данному подходу международные институты устанавливают правила и формируют ценности, определяющие способы осуществления отношений между государствами, наиболее выгодными из которых являются сотрудничество, а также снижение конфликтности через распространение норм либеральной демократии [28, р. 1—3].

Развитие международного права, закрепляющего права человека и различных групп населения, — один из ключевых постулатов неолиберализма, что объясняет выбор данной теории в настоящем исследовании. Случай с СГБМ, продемонстрировавший со временем деградацию и неспособность решения проблемы обеспечения прав национальных меньшинств в Балтийском регионе, свидетельствует о невозможности реализации неолиберального подхода в политике стран, имевших различный исторический опыт и модели развития, несмотря на предпринятые ими в 1990-е гг. попытки.

Реализация поставленной цели достигалась путем использования общенаучных и исторических методов исследования. Метод исторической реконструкции позволил детально воссоздать деятельность Комиссариата СГБМ, а также роль России в создании данной структуры и разрешении проблемы русскоязычного населения в Прибалтике. Метод синтеза, опирающийся на результаты анализа, позволил сделать обобщающие выводы и авторские заключения.

Отметим, что в настоящее время в международном праве не выработано юридического определения национальных меньшинств, не устоялись и критерии их идентификации. Условно грань между национальными меньшинствами и коренными народами. Окончательное решение вопроса о том, какие группы считать национальными меньшинствами, отнесено к сфере внутреннего конституционного законодательства государств. В настоящей статье под национальными меньшинствами авторы, опираясь на критерии, предложенные в 1977 г. Ф. Капоторти, понимают группу людей, численно уступающую остальной части населения данного государства, находящуюся в недоминирующей позиции, члены которой, будучи гражданами этого государства, обладают этническими, религиозными или языковыми чертами, отличными от соответствующих черт основной части населения, и демонстрирующую, в том числе неявно, чувство солидарности, направленное на сохранение культуры, традиций, религии или языка [29].

Источниковая база исследования представлена впервые вводимыми в научный оборот материалами Архива внешней политики РФ. Среди них центральное место занимают документы фонда 34 — «Общеотдельский» (с 1995 г. — «Общедепартаментский») за период с 1993 по 2000 г. Фонд содержит обширную переписку по развитию сотрудничества в регионе Балтийского моря и участию в нем России, ее усилия по созданию должности комиссара СГБМ, а также официальную переписку должностных лиц МИД РФ и представителей регионов России с комиссаром. Представляют особый интерес и материалы самого комиссара, его

письма в адрес должностных лиц РФ, выдержки из отчетов. Также информация о деятельности комиссара частично представлена на официальном сайте СГБМ¹, а также на сайте МИД РФ².

Комиссар СГБМ: создание должности, основные направления деятельности и причины упразднения

Как справедливо отмечают исследователи, геополитическая обстановка, способствовавшая конструированию региона Балтийского моря, основывалась на идее создать в северо-восточной части Европы зону интенсивного взаимодействия с последующим включением в европейские интеграционные процессы. Согласимся с утверждением А.А. Володькина о том, что «реализация концепции региона Балтийского моря предполагала, что Северные государства станут главными ретрансляторами европейских ценностей и моделей развития в пост-социалистические страны восточного побережья Балтийского моря, увеличив таким образом свой политический вес в Европе» [30]. В учредительной декларации СГБМ в числе приоритетных задач было заявлено «содействие новым демократическим институтам»³. В целях реализации этой задачи и особой озабоченности положением русскоязычного населения в Прибалтийских государствах Россия выступила инициатором учреждения должности комиссара СГБМ по демократическим институтам и правам человека, включая права лиц, принадлежащих к меньшинствам.

Впервые эта идея нашла отражение в предложениях РФ в проекте Коммюнике СГБМ, который предстояло утвердить на 2-й сессии СГБМ в Хельсинки 16—17 марта 1993 г. В письме послу РФ в Латвийской Республике А. А. Ранних для передачи министру иностранных дел Латвии Г. Андрееву от 6 марта 1993 г. отмечалось, что «нужно, наконец, принять решение об учреждении поста комиссара СГБМ по правам человека и защите национальных меньшинств, как это неоднократно предлагалось ранее. Неоправданны, на наш взгляд, страхи, что здесь будет иметь место дублирование деятельности верховного комиссара СБСЕ по национальным меньшинствам. Объем этих задач настолько разный, что работы будет достаточно и для того, и для другого. Мы не скрываем, что озабочены положением национальных меньшинств в Латвии...»⁴. Однако окончательно вопрос учреждения должности Комиссара СГБМ был согласован только на заседании Комитета старших должностных лиц в Таллине 18—19 мая 1994 г. Сама должность официально была утверждена на 3-й министерской встрече СГБМ в Таллине 25 мая 1994 г.

Согласно мандату целью комиссара было содействие демократическому развитию и защите прав человека, а также создание благоприятных условий для применения общепринятых стандартов в области прав человека. Помимо этого в функции комиссара входила выработка рекомендаций государствам — членам СГБМ, предо-

¹ *The official website of The Council of the Baltic Sea States*, 2024, URL: <https://cbss.org> (дата обращения: 22.04.2024).

² *Официальный сайт МИД РФ*, 2024, URL: <https://www.mid.ru> (дата обращения: 15.05.2024).

³ Декларация конференции министров иностранных дел государств Балтийского моря от 05.03.1992, 1992, *Законы России*, URL: https://lawrussia.ru/texts/legal_185/doc185a655x688.htm (дата обращения: 26.05.2025).

⁴ *Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ)*. Ф. 34. Оп. 52. Д. 1. П. 110. Л. 144.

ставление экспертных заключений по правам человека, получение сообщений от отдельных лиц, групп или организаций, на основании которых комиссар мог принять решение о вынесении рекомендаций правительствам¹.

О. Эсперсон находился в должности комиссара СГБМ с 1994 по 2000 г. Ситуация в отношении смены персоны на данной должности сопровождалась довольно острой дипломатической перепиской, на анализе которой авторы статьи хотели бы остановиться отдельно. Еще в ноябре 1999 г., за год до прекращения мандата комиссара, на имя министра иностранных дел И. С. Иванова поступило письмо от руководителя внешнеполитического ведомства Эстонии Т. Ильвеса, в котором он предлагал упразднить пост комиссара, мотивируя это тем, что «с момента создания данного института в 1994 г. в регионе произошло много перемен. Сегодня все страны — участницы СГБМ являются членами Совета Европы или ЕС, кроме того, во всех государствах СГБМ действует институт омбудсмена»². По мнению эстонского дипломата, вопросами, к которым проявлял интерес комиссар СГБМ, мог бы заняться недавно назначенный комиссар по правам человека Совета Европы — организации, обладающей большим опытом и авторитетом в этой области³. Однако ответ российского министра содержал определенную степень неудовлетворенности состоянием дел: «К сожалению, вынужден констатировать, что правозащитная ситуация в регионе все еще далека от идеальной. Остаются невыполненными многие рекомендации комиссара СГБМ и других правозащитных институтов, в том числе и Совета Европы, применительно к Эстонии — это, в частности, необходимость решения проблем массового безгражданства и так называемых нелегалов, воссоединения разделённых семей, снижения языковых требований при натурализации, отмены дискриминационных положений законов о языке, образовании и выборах, упрощения процедуры продления виз для иностранцев»⁴. Таким образом, И. С. Иванов четко обозначил позицию России в том, что предложение об упразднении поста комиссара представляется преждевременным.

Посольство Дании в Москве 19 июня 2000 г. было проинформировано о том, что в ходе предстоящей 21—22 июня в Бергене 9-й сессии СГБМ датчане намерены предложить кандидатуру своей соотечественницы Х. Дайн для избрания на пост комиссара по демократическому развитию⁵. Первый заместитель МИД РФ А. А. Авдеев также уточнил, что с Дайн сложились неплохие отношения, правда, она не является профессиональным юристом и не обладает достаточным опытом правозащитной деятельности⁶.

Реконструируя данные события, авторы могут сослаться на сообщение газеты «Коммерсант» от 26 июня 2000 г., в котором отмечалось, что на состоявшемся в Бергене заседании СГБМ министры иностранных дел не смогли переубедить своего эстонского коллегу Т. Ильвеса, который отказался проголосовать за продление мандата О. Эсперсона⁷. Поскольку решения в этой организации принимаются единогласно, министрам пришлось искать другую кандидатуру, которая устраивала

¹ *Commissioner of the Council of the Baltic States on the Democratic and Human Rights, including the Rights of Persons Belonging to Minorities*, 2024, URL: https://www.cilevics.eu/minelres/cbss/com_mand.htm (дата обращения: 14.04.2024).

² *АВП РФ*. Ф. 34. Оп. 53. Д. 1. П. 130. 185/1. Л. 50.

³ Там же. Л. 51.

⁴ Там же. Л. 53—54.

⁵ Там же. Л. 64.

⁶ Там же.

⁷ У русскоязычных появился новый защитник, 2000, *Коммерсант*, 29 июня 2000, URL: <https://www.kommersant.ru/doc/151848> (дата обращения: 28.05.2024).

бы Таллин. Несомненно, такая позиция эстонского представителя была связана со сложной ситуацией вокруг защиты прав русскоязычного населения в Эстонии и активной позицией О. Эсперсена по этому вопросу. Вместо него министры утвердили новым уполномоченным по правам председателя Комиссии парламента Дании по иностранным делам Х. Дайн. На этом же заседании было принято решение об изменении мандата комиссара. Он стал именоваться комиссаром СГБМ по демократическому развитию и сместил фокус внимания в своей деятельности на такие сферы, как защита прав потребителей, развитие местной демократии и гражданского общества.

Таким образом, после распада СССР в рамках первой региональной структуры международного сотрудничества в регионе Балтийского моря была создана уникальная в своём роде должность комиссара СГБМ. Ее создание по инициативе России и деятельность О. Эсперсена на этой должности в период с 1994 по 2000 г. заложили основы многостороннего сотрудничества в области соблюдения прав и свобод человека в регионе, включая национальные меньшинства. События вокруг смены комиссара в 2000 г., изменение его функций и в итоге упразднение должности в 2003 г. демонстрировали расхождения стран — участниц СГБМ в решении вопросов соблюдения прав национальных меньшинств, что отчасти сопровождалось постепенным отчуждением во взаимоотношениях между Россией и странами Прибалтики.

Роль СГБМ в содействии совершенствованию и унификации нормативно-правовой и институциональной основы обеспечения прав национальных меньшинств

Приоритетные направления деятельности комиссара были обусловлены рядом внутренних и внешних факторов. К числу внешних факторов следует отнести актуализацию проблемы на глобальном уровне, в том числе в рамках ООН. В частности, в 1992 г. была принята Декларация ООН о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам¹. Двадцать пятого июня 1993 г. на Всемирной конференции по правам человека была принята Венская декларация и Программа действий, в которой были обозначены конкретные шаги и механизмы обеспечения прав человека в мире². Участники конференции призвали Генеральную Ассамблею создать пост верховного комиссара по правам человека, который был учрежден 20 декабря 1993 г. Соответственно, комиссар СГБМ был уполномочен содействовать реализации данной программы в Балтийском регионе. Ранее, в 1990 г. Концепция меньшинств нашла отражение в Рекомендации Парламентской ассамблеи Совета Европы (ПАСЕ), в которой констатировалось, что меньшинства вносят существенный вклад в культурное многообразие государств — членов Совета Европы³. Для урегулирования межэтнических противоречий и предупреждения межгосударственных конфликтов по вопросам

¹ Декларация ООН о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам, 1992, 18 декабря 1992, URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/minority_rights.shtml (дата обращения: 22.05.2024).

² Венская декларация и Программа действий, 1993, Управление ООН по правам человека, 25 июня 1993, URL: <https://www.ohchr.org/ru/instruments-mechanisms/instruments/vienna-declaration-and-programme-action> (дата обращения: 22.05.2024).

³ *Rights of Minorities: Recommendation of the Parliamentary Assembly of Council of Europe* № 1134, 1990, 1 October, URL: <http://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-XML2HTML-en.asp?fileid=15168&lang=en> (дата обращения: 22.05.2024).

национальных меньшинств на Хельсинкском саммите по безопасности и сотрудничеству в Европе (9—10 июля 1992 г.) был учрежден пост верховного комиссара по делам национальных меньшинств¹. В связи с этим на повестку дня вставали задачи приведения в единообразие нормативно-правовой и институциональной основы обеспечения и защиты прав различных категорий населения.

Чрезвычайно разнородную и пеструю картину в плане культурно-исторических традиций, политической культуры и специфики экономического развития представлял сам регион Балтийского моря. Фактически половина состава СГБМ была представлена странами так называемой социалистической системы. В этих странах на фоне развала Советского Союза наблюдались мощные процессы этнической мобилизации, нарастали межэтнические конфликты. Бывшие республики СССР старались как можно скорее откеститься от советского наследия и укрепить собственный суверенитет, что порождало конфликты с русскоязычным населением. Очевидно, имело место и стремление как Прибалтийских государств, так и России интегрироваться в европейское сообщество. В этих условиях перед комиссаром СГБМ стояла сложная задача содействия унификации нормативно-правовой и институциональной основы защиты прав человека, включая национальные меньшинства. В своем отчете за 1994—1995 гг. комиссар отмечал, что «Совет Европы уделяет большое внимание оценке того, соответствуют ли страны-кандидаты условиям для полноправного членства в организации»². Необходимо отметить, что к этому времени все Прибалтийские государства были приняты в состав Совета Европы. Лишь Россия вошла в эту организацию только в 1996 г.

Как показал мониторинг правового положения уязвимых групп населения (иммигранты и дети иммигрантов без гражданства; беженцы; лица без гражданства, легально проживающие в стране), проведенный комиссаром на основе информационных сводок, предоставляемых государствами, опросов, персональных обращений и личных поездок в страны СГБМ, международные нормы нередко не соблюдались не только в странах постсоветского пространства, но и в ряде европейских государств.

Однако более всего несоответствий нормам международного и европейского права было выявлено в Прибалтийских государствах. Наибольшее число претензий высказывалось по поводу статуса и положения неграждан (преимущественно русскоязычного населения), легально проживающих в этих странах. Высокую озабоченность по поводу защиты их прав проявляла и Россия.

Представительство МИД России неоднократно в письмах и личных встречах с О. Эсперсеном указывало на нарушение международных стандартов Прибалтийскими государствами в части дискриминации некоренных жителей и указывало на неприемлемость попыток «распространить на живущих долгие годы в Эстонии и Латвии людей коллективную ответственность за политику бывшего Союза ССР»³.

Согласно архивным источникам в Латвии, где к 1997 г. проживали 700 тыс. русских жителей, были введены квоты для сдачи экзамена по выявлению уровня владения государственным языком и законодательства страны (40 заявлений в месяц) в

¹ Хельсинский документ 1992 года. Вызов времени перемен, 1992, ОБСЕ, URL: <https://www.osce.org/files/f/documents/8/0/39534.pdf> (дата обращения: 22.05.2024).

² First Report of the Commissioner of the Council of the Baltic Sea States: excerpts from the First Report (October 1994 — May 1995), 2024, *The 4th CBSS Ministerial Session*, URL: https://www.cilevics.eu/minelres/cbss/95_cit.htm (дата обращения: 29.05.2024).

³ АВП РФ. Ф. 34. Оп. 54. Д. 1. П. 121. Л. 48—49.

целях получения гражданства. Однако и эти квоты не выполнялись, так как «соискатели боятся этого очень сложного экзамена, так как в случае его несдачи человек обречен на период ожидания следующего экзамена сроком на 10—15 лет»¹.

В личной беседе с заместителем МИД России А. А. Авдеевым, состоявшейся 24 марта 1997 г., О. Эсперсон отмечал, что согласие Совета Европы в начале 1990-х гг. с введением «процентовки» на подачу заявлений об оптации было обусловлено опасением, что соответствующие органы Латвии не будут успевать справляться с потоками желающих. Он признал, что «улучшения в Латвии носят лишь внешний характер. Русскоязычное население стали меньше «обижать» чиновники. В Департаменте по гражданству и иммиграции сотрудники держатся корректно. Разрабатываются программы обучения русскоязычного населения латышскому языку. Но это своего рода форма гуманного отказа в гражданстве»².

Также российская сторона неоднократно обращалась к О. Эсперсену по поводу ущемления в правах и, в частности, отстранения от участия в местных выборах неграждан — постоянных жителей Латвии. В Эстонии же законодательно это избирательное право признавалось, но часто на практике русским чинились препятствия³. Отмечалось, что, «видимо, главной причиной такой ситуации является то, что в Латвии боятся голосов русских избирателей, их избрания в законодательные органы. Власти Латвии готовы пойти лишь на поверхностную корректировку своего курса в плане незначительного расширения культурных прав русскоязычного населения, а также в вопросах социальной поддержки, но не на предоставление им гражданских прав»⁴.

Следует признать, что в отчетах комиссара за исследуемый период эти нарушения нашли отражение. Он неоднократно отмечал, что согласно критериям Совета Европы заявитель на гражданство должен уметь справляться с повседневными языковыми ситуациями. Комиссар рекомендовал, чтобы требования к чтению и письму в целом были ограничены до относительно скромного уровня и чтобы всегда делались исключения или специальные мягкие положения для определенных групп, например пожилых людей и людей с ограниченными возможностями обучения. Комиссар также высказывал большие сомнения по поводу правомерности такого условия получения гражданства, как сдача юридического экзамена. Он рекомендовал всем членам СГБМ взять на себя обязательство предоставлять негражданам право голосовать и баллотироваться на государственные должности на выборах в местные органы власти при условии, что неграждане отвечают тем же юридическим требованиям, которые применяются к гражданам, и что они законно и постоянно проживали в соответствующем государстве в течение определенного периода не более чем за 2—3 года до выборов⁵.

В отличие от России в рассматриваемый период страны Северной Европы и Прибалтики проблему обеспечения прав национальных меньшинств не актуализировали. В своем годовом отчете о ходе подписания и ратификации Рамочной конвенции Совета Европы о защите национальных меньшинств 1995 г. комиссар отметил, что на июнь 1997 г. ее подписали 34 страны, но ратифицировали только

¹ *АВП РФ*. Ф. 34. Оп. 56. Д. 3. П. 128. Л. 74—75.

² Там же. Л. 76.

³ Там же. Л. 74—75.

⁴ Там же. Л. 75.

⁵ По отчетам комиссара СГБМ по демократическим институтам и правам человека, включая права лиц, принадлежащих к меньшинствам, 2024, *Minelres: SCHIFF-texte Special Issue*, URL: <https://www.cilevics.eu/minelres/cbss/index.htm> (дата обращения: 29.05.2024).

9, тогда как для вступления в силу требуется 12 ратификаций¹. В числе контраргументов странами выдвигалось отсутствие понятия «национальное меньшинство» в Рамочной конвенции, поэтому каждая страна вносила в это понятие свой смысл.

Вне всякого сомнения, проблему дискриминации русскоязычного населения в Прибалтийских государствах комиссару разрешить в полной мере не удалось в силу масштабности возникающих проблем в области обеспечения прав человека, а также в связи с рекомендательным характером решений институтов СГБМ и консенсусным характером принятия решений. Явственно проявлялось и сопротивление Прибалтийских государств разрешению проблемы русскоязычного меньшинства. Как справедливо отмечает Н.М. Межевич, в основу создания национальной государственности Литва, Латвия, Эстония положили концепцию «оккупации»², что снимало с них ответственность за «сознательную дискриминацию нетитульного населения, основанную на трактовке событий 1939—1940 гг.» [22, с. 85].

Вместе с тем деятельность комиссара не была лишена значимости. По сути, он провел сложную «подготовительную» работу и способствовал формированию основ для приведения нормативно-правовой базы стран СГБМ в соответствие с международными и общеевропейскими стандартами. Значительная часть обозначенных проблем постепенно разрешалась, расширялись права иммигрантов и беженцев. С течением времени все страны СГБМ подписали и ратифицировали Рамочную конвенцию Совета Европы о защите национальных меньшинств. В целом во многом благодаря деятельности комиссара были подготовлены условия для вступления Прибалтийских государств в Европейский союз в 2004 г.

Деятельность России в области обеспечения прав национальных меньшинств в рамках СГБМ

Национальный вопрос остро стоял в эти годы и в России. Радикальные общественные трансформации 1990-х гг., распад СССР, «парад суверенитетов» республик РФ обострили этнополитическую ситуацию в стране и создали реальную угрозу ее целостности. Кризис межнациональных отношений был обусловлен совокупностью причин, которые, с одной стороны, имели исторические корни, с другой — были порождены современными реалиями. Среди них просчеты и ошибки советской национальной политики; обострение социально-экономического кризиса в стране и на этом фоне нарастание центробежных тенденций особенно в тех этнических регионах, которые обладали достаточными ресурсами для самостоятельного развития; стремление региональных элит, используя этнические лозунги, до-

¹ Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств, 1995, *Совет Европы*, 01.02.1995, URL: <https://rm.coe.int/168007cddc> (дата обращения: 04.02.2024).

² Необходимо отметить, что Россия косвенно признала факт «советской оккупации», что отражено в Договоре об основах межгосударственных отношений между Российской Советской Федеративной Социалистической Республикой и Литовской Республикой от 29 июля 1991 г. Отметим, что в аналогичном договоре с Эстонской Республикой, подписанном 12 января 1991 г., этот пункт отсутствует. Более того, в ст. 3 договора стороны «берут на себя взаимные обязательства гарантировать лицам, живущим на момент подписания настоящего Договора на территориях Российской Советской Федеративной Социалистической Республики и Эстонской Республики и являющимся ныне гражданами СССР право сохранить или получить гражданство Российской Советской Федеративной Социалистической Республики и Эстонской Республики в соответствии с их свободным волеизъявлением».

биться большей самостоятельности и властных полномочий. Самый яркий пример такого положения дел в северо-западном регионе России стал предметом дискуссии в СГБМ.

Как свидетельствуют архивные источники, на заседании Комитета старших должностных лиц СГБМ в Таллине 24 сентября 1993 г. Эстония как государство — председатель СГБМ представила текст совместного обращения Исполнительного комитета национального конгресса карелов, финнов и вепсов от 24 апреля 1993 г. в ООН, СБСЕ и СГБМ. В нем отмечалось, что по отношению к финно-угорским народам, проживающим в Восточной Карелии и на Карельском перешейке, совершались акты политических репрессий и гонений, осуществлялась политика депортации и насильственной русификации. Выдвигались обвинения в адрес властей РФ и Республики Карелии в игнорировании коренных прав этих народов на участие в социально-политической и экономической жизни на равных основаниях с другими ныне проживающими народами. Делегация Литвы предложила рассмотреть это обращение и принять конкретное решение, а именно просить Верховного комиссара СБСЕ по делам нацменьшинств М. Ван дер Стула посетить Карелию с инспекционной поездкой для выяснения фактов на месте. В свою очередь, российская делегация призвала коллег подойти к рассмотрению данного обращения с максимальной объективностью, с учетом позиции руководства Республики Карелия¹.

Действительно, в Карелии, как и в других национально-территориальных образованиях в 1990-е гг., на фоне обозначенных выше причин развивались этнические движения. В июне 1991 г. состоялся Первый съезд представителей карел. Однако карельское национальное движение изначально разделилось на два крыла: умеренное и радикальное. Умеренное крыло представляло Общество карельской культуры (позднее преобразованное в Союз карельского народа) и выступало за расширение этнокультурных прав карелов. Радикальное крыло во главе с А. С. Григорьевым объединилось в организацию «Карельское движение». Организация выдвинула лозунг «Карелия для карел» и считала, что карелы, вепсы и финны, проживающие в республике, должны иметь не менее трети мест в парламенте республики, а главой Карельского правительства должен быть представитель карело-финских народов. По мнению радикалов, государственными языками должны быть русский и финский, так как карельские диалекты не могут выполнять функции государственного языка. В случае игнорирования этих предложений Карелии следует присоединиться к Финляндии. Однако в целом в ходе острых дискуссий была принята компромиссная Декларация, в которой признавалось, что Республика Карелия остается в составе РСФСР. Государственными языками республики были признаны русский и карельский. Для решения национальных проблем было решено создать Государственный комитет по делам национальностей при правительстве республики. Указывалось на необходимость создания двухпалатного парламента республики: палаты республики и палаты национальных образований — для защиты интересов коренных народов республики, аналогично структуре бывшего Верховного совета СССР².

Решения съезда сыграли конструктивную роль в решении этнических проблем и становлении диалоговых взаимоотношений между национальным движением и структурами власти. Уже 4 декабря 1991 г. Совет министров Республики Карелия

¹ АВП РФ. Ф. 34. Оп. 52. Д. 1. П. 110. Л. 176.

² Клементьев, Е. И., Кожанов, А. А. (сост.). 2009, Карельское национальное движение. Часть 1. От съезда к съезду Сборник материалов и документов, Карельский научный центр, Петрозаводск, с. 10—12, 62.

принял постановление об образовании с 1 января 1992 г. Комитета по национальной политике и межнациональным отношениям при Совете министров Республики Карелия. Двадцать второго ноября 1991 г. был принят закон Республики Карелия «О правовом статусе национального района, национального поселкового и сельского Советов в Республике Карелия». Закон предоставлял право местным советам депутатов принимать решения о равноправном использовании национального и русского языков, в том числе в делопроизводстве, школьном образовании и в детских учреждениях¹. В 1992 г. в Петрозаводске был открыт республиканский Центр национальных культур; в декабре 1992 г. состоялся национальный конгресс карелов, финнов и вепсов; началось издание учебников карельского и вепского языков для начальной школы².

Проект реформирования государственной власти республики путем создания двухпалатного парламента был отклонен II Съездом карел (1994), который уже проходил на фоне утверждения Конституции РФ 1993 г. Резолюция II Съезда рекомендовала Законодательному собранию Республики Карелия рассмотреть вопрос о создании парламента коренных народов на общественных началах³.

По сути, «карельский вопрос» был разрешен еще в 1991 г., то есть за два года до создания должности комиссара СГБМ. Эту тему искусственно актуализировали в 1993 г. Прибалтийские государства в попытках обвинить Россию в аналогичных неправомерных, недемократичных действиях по отношению к национальным меньшинствам. В ответ на поступившие запросы комиссар СГБМ регулярно контролировал ситуацию и неоднократно совершал инспекционные поездки в Республику Карелия.

По инициативе комиссара в России был ускорен процесс создания института уполномоченного по правам человека. В ходе посещения Республики Карелия в 1995 г. он высказал пожелание об учреждении поста регионального омбудсмана, что, по его мнению, было бы хорошим примером демократических преобразований для других регионов государств Балтийского моря⁴. Однако российская сторона признала преждевременным обсуждение данного вопроса до вступления в силу Федерального закона об уполномоченном по правам человека⁵. Вместе с тем уже 26 февраля 1997 г. Федеральный закон был принят. Этим же законом предусматривалось учреждение региональных уполномоченных в субъектах России⁶.

В целом, несомненно, тесное взаимодействие России с комиссаром СГБМ содействовало становлению принципиально новой, демократически ориентированной нормативно-правовой и институциональной основы обеспечения прав и свобод национальных меньшинств. В частности, 15 июня 1996 г. указом президента РФ была утверждена Концепция государственной национальной политики Российской

¹ Клементьев, Е.И., Кожанов, А.А. (сост.). 2009, Карельское национальное движение. Часть 1. От съезда к съезду Сборник материалов и документов, Карельский научный центр, Петрозаводск, с. 12.

² АВП РФ. Ф. 34. Оп. 52. Д. 1. П. 110. Л. 194—195.

³ Клементьев, Е.И., Кожанов, А.А. (сост.). 2009, Карельское национальное движение. Часть 1. От съезда к съезду Сборник материалов и документов, Карельский научный центр, Петрозаводск, с. 92—93.

⁴ АВП РФ. Ф. 34. Оп. 54. Д. 1. П. 121. Л. 109; Ф. 34. Оп. 55. Д. 2. П. 127. Л. 147.

⁵ АВП РФ. Ф. 34. Оп. 55. Д. 2. П. 127. Л. 52.

⁶ Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации, ФЗ РФ от 26.02.1997 г. №1-ФКЗ, 1997, Правовая система «КонсультантПлюс», URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_13440/ (дата обращения: 02.02.2024).

Федерации¹. В ней обеспечение условий для полноправного социального и национально-культурного развития всех народов России, упрочение общероссийской гражданской и духовно-нравственной общности на основе соблюдения прав и свобод человека и гражданина были провозглашены основной целью государственной национальной политики страны. В этом же году был принят закон «О национально-культурной автономии», по которому этнические меньшинства получали право на создание национально-культурных объединений на основе добровольной самоорганизации в целях сохранения и развития языка и культуры². Федеральным законом «О языках народов Российской Федерации» от 24 июля 1998 г. создавались условия для сохранения и равноправного развития языков народов Российской Федерации³. Серией нормативных документов «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации», «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации», «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» были гарантированы права коренных малочисленных народов России⁴. Очевидно, что многие законодательные акты, иногда принятые в короткие сроки, в последующем подвергались коррекции, дополнениям и изменениям. Однако они заложили основы для формирования новой законодательной базы России. В свою очередь, комиссар СГБМ высоко оценивал усилия России и, как отмечается в документах внешнеполитического ведомства России, «проявил активность с целью содействия принятию России в Совет Европы, включая личные обращения по этому вопросу к руководству Совета Европы и стран СГБМ»⁵.

Заключение

Совет государств Балтийского моря стал принципиально новым форматом международного взаимодействия на Севере Европы с участием стран постсоветского пространства. Созданный на основе взаимных интересов, он объединял страны, существенно отличающиеся друг от друга по культурно-цивилизационным основаниям, историческим и политическим традициям, моделям социально-экономического развития.

¹ Концепция государственной национальной политики Российской Федерации. Указ Президента РФ от 15.06.1996 г. № 909, 1996, Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов, URL: <https://docs.cntd.ru/document/9018776> (дата обращения: 02.02.2024).

² О национально-культурной автономии, ФЗ РФ от 17.06.1996 г. № 74-ФЗ, 1996, Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов, URL: <https://docs.cntd.ru/document/9018667> (дата обращения: 02.02.2024).

³ О языках народов Российской Федерации, ФЗ РФ от 24.07.1998 г. № 126-ФЗ, 1998, Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов, URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/12704> (дата обращения: 02.02.2024).

⁴ О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации, ФЗ РФ от 30.04.1999 г. № 82-ФЗ, 1999 ; Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, ФЗ РФ от 20.07.2000 г. № 104-ФЗ, 2000 ; О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, ФЗ РФ от 07.05.2001 г. № 49-ФЗ, 2001 ; Федеральное агентство по делам национальностей, 2024, URL: <https://fadn.gov.ru/documents/osnovopolagayushhie-dokumentyi/laws> (дата обращения: 02.02.2024).

⁵ АВП РФ. Ф. 34. Оп. 55. Д. 2. П. 127. Л. 90.

Деятельность СГБМ по защите национальных меньшинств, представленная работой Комиссариата СГБМ, была направлена на формирование региональной солидарности и идентичности путем унификации и стандартизации нормативно-правовой и институциональной базы обеспечения прав различных групп населения на основе европейских стандартов.

Следует признать, что в 1994—2000 гг. деятельность СГБМ по защите национальных меньшинств в определенной степени способствовала развитию демократических процессов в регионе Балтийского моря и решению конкретных проблем, возникающих в области обеспечения прав человека. В частности взаимодействие России с Комиссариатом СГБМ стало одним из факторов принятия в 1990-х гг. серии законодательных актов, направленных на урегулирование национального вопроса и межэтнических отношений в стране. Были подготовлены условия для вступления Прибалтийских государств и России в Совет Европы. К 2000 г. все страны — члены СГБМ ратифицировали Рамочную конвенцию Совета Европы о защите национальных меньшинств. В определенной степени деятельность Комиссариата СГБМ создала предпосылки для оформления института комиссара Совета Европы по правам человека в 1999 г.

Вместе с тем заявленные при учреждении Комиссариата СГБМ цели и задачи, а именно содействие и укрепление демократического развития и защиты прав человека, в том числе прав лиц, принадлежащих к меньшинствам, не были реализованы в силу комплекса причин. Среди них разнородный состав стран — участниц; политические противоречия между входящими в него государствами, которые прежде всего преследовали свои национальные интересы, а также несовершенство самой международной и региональной нормативно-правовой основы, состоящее в отсутствии единого юридически обязывающего определения дефиниции «национальные меньшинства» как в Декларации ООН о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам, так и в Рамочной конвенции Совета Европы о защите национальных меньшинств¹.

Список литературы

1. Воротников, В. В., Чеков, А. Д., Якутова, У. В. 2019, Проекты регионального строительства в Балтийском регионе: наследие межвоенной эпохи и современная динамика, *Международная аналитика*, № 1-2, с. 52—64, EDN: EISUMF, <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2019-0-1-2-52-64>
2. Донских, С. В. 2009, Проблема генезиса и особенностей Балтийского региона в глобальном мире, *Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки*, № 7, с. 79—83, EDN: UYZXCP
3. Часовский, В. И. 2018, Сотрудничество стран Балтийского региона: современное состояние и проблемы, в: Федоров, Г. М., Жиндарев, Л. А., Дружинин, А. Г., Пальмовский, Т. (ред.), *Балтийский регион — регион сотрудничества-2018: проблемы и перспективы трансграничного сотрудничества вдоль Западного побережья России*, материалы международной научной конференции, с. 165—176, EDN: XWALBZ
4. Сергунин, А. А. 2013, Россия и Европейский Союз в Балтийском регионе: тернистый путь к партнерству, *Балтийский регион*, № 4, с. 53—66, EDN: RMNGLP, <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2013-4-4>

¹ Декларация ООН о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам, 18 декабря 1992, URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/minority_rights.shtml (дата обращения: 22.05.2024) ; Рамочная Конвенция о защите национальных меньшинств, Совет Европы, 1 февраля 1995, URL: <https://rm.coe.int/168007cddc> (дата обращения: 04.02.2024).

5. Пышьев, А. А. 2008, *Совет Европы и Совет государств Балтийского моря в системе европейского институционального сотрудничества: (международно-правовой аспект)* автореф. дис. ... канд. юрид. наук, Москва, Моск. ун-т МВД России, 26 с., EDN: ZNUPER
6. Пальмовский, Т. 2021, Стратегия Европейского Союза для региона Балтийского моря и ее реализация, *Балтийский регион*, т. 13, № 1, с. 138—152, EDN: MNRWDD, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2021-1-8>
7. Дроздовская, Ю. В. 2017, Теоретические подходы к исследованию интеграционных процессов в регионе Балтийского моря, *Успехи современной науки*, т. 5, № 4, с. 230—232, EDN: YRORAR
8. Koivurova, T., Rosas, A. 2018, The CBSS as a vehicle for institutionalised governance in the Baltic Sea Area, in comparison with its two sister organisations in the north, *Marine Policy*, № 98, p. 211—219, <https://doi.org/10.1016/j.marpol.2018.09.010>
9. Oldberg, I. 2012, *Soft Security in the Baltic Sea Region. Russian interests in the Council of Baltic Sea States*, Swedish Institute of International Affairs, № 2, 66 p., URL: <https://www.ui.se/globalassets/ui.se-eng/publications/ui-publications/soft-security-in-the-baltic-sea-region-russian-interests-in-the-council-of-baltic-sea-states-min.pdf> (дата обращения: 02.03.2025).
10. Szacawa, D. 2021, *Evolution of the Council of the Baltic Sea States: three decades of regional cooperation in the Baltic Sea Region (1991—2021)*, IES Policy Papers 11, Institute of Central Europe, 74 p., URL: <https://ies.lublin.pl/en/policy-papers/evolution-of-the-council-of-the-baltic-sea-states/> (дата обращения: 02.03.2025).
11. Ziemele, I. 2000, The Role of International Organizations in Strengthening Human Rights Performances in the Baltic Sea Region, in: Delbrück, J., Hofmann, R. (eds.), *German Yearbook of International Law*, Duncker & Humblot GmbH, vol. 43, p. 9—37, URL: <https://elibrary.duncker-humblot.com/book/33061/german-yearbook-of-international-law-jahrbuch-fuumlr-internationales-recht> (дата обращения: 02.03.2025).
12. Birckenbach, H.-M. 1998, The Tackling of Minority Issues in the Baltic Sea Region in the Context of OSCE and CBSS, in: Hedegaard, L., Lindström, B., Joenniemi, P., Östhol, A., Peschel, K., Stålvant, C. E. (eds.), *The Nebi Yearbook 1998*, Springer, Berlin, Heidelberg. https://doi.org/10.1007/978-3-642-58886-0_33
13. Espersen, O. 1996, Human rights protection in the Baltic Sea area: The Commissioner of the Council of the Baltic Sea States on Democratic Institutions and Human Rights including the Rights of Persons belonging to Minorities, *Helsinki Monitor*, vol. 7, № 2, p. 52—64, <https://doi.org/10.1163/157181496X00305>
14. Espersen, O., Fugl, H. 2000, Protection of Rights of Persons Belonging to Minorities in the Baltic Sea States, in: Trifunovska, S. (eds.), *Minority Rights in Europe European Minorities and Languages*, T.M.C. Asser Press, https://doi.org/10.1007/978-90-6704-655-8_13
15. Espersen, O. 1995, The Functions of the CBSS (Council of the Baltic Sea States) Commissioner on Democratic Institutions and Human Rights Nordic, *Journal of International Law*, vol. 64, № 3, p. 347—352, <https://doi.org/10.1163/157181095X00689>
16. Мусаев, В. И. 2011, «Русский вопрос» в странах Балтии в 1990-х — 2000-х гг. и российско-прибалтийские отношения, *История и историческая память*, № 4, с. 87—106, EDN: SCVUWB
17. Ризванова, Л. З. 2008, Политика государств Прибалтики в отношении русскоязычного населения, *Ученые записки Казанского государственного университета*, Серия: Гуманитарные науки, т. 150, № 7, с. 140—149, EDN: JVWEWL
18. Смирнов, В. А. 2017, Теоретико-методологические аспекты институционализации политических элит Прибалтики, *Полис. Политические исследования*, № 5, с. 79—90, EDN: ZGSQJF, <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.05.06>
19. Гордиенко, П. В. 2008, Проблема «неграждан» в Латвии, *Обозреватель*, № 7, с. 81—90, EDN: KZRTYT
20. Мусаев, В. И. 2017, Независимость стран Балтии и «русский вопрос», *Новейшая история России*, № 2, с. 176—191, EDN: ZDQYZL, <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2017.213>
21. Берендеев, М. В., Уразбаев, Е. Е. 2014, Развитие националистических идентичностей в странах Балтии: Латвийский аспект, *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта*, № 6, с. 82—94, EDN: SIQVQF

22. Colomer, J. 2007, *Great Empires, Small Nations. The Uncertain Future of the Sovereign State*, Routledge, 114 p., <https://doi.org/10.4324/9780203946046>
23. Межевич, Н. М. 2016, *Государства Прибалтики 2.0. Четверть века «вторых республик»*, Москва, Ассоциация книгоиздателей «Русская книга», 272 с., EDN: YSMRPHD
24. Голышева, А. В. 2010, Историко-правовые и политические аспекты национальных вопросов в Республике Карелия в начале 1990-х гг., *Вестник Московского университета МВД России*, № 11, с. 89—93, EDN: NTOBAR
25. Шабаев, Ю. П. 2005, Проблема финно-угорской идентичности, *Современная Европа*, № 3, с. 112—123, EDN: KVXPZZ
26. Цыганков, А. М. 1992, *Общественно-политические движения России в 1987—1992 годы (на материале Европейского Севера России)*, автореф. дис. ... канд. ист. наук, Москва, Институт молодежи, 25 с., EDN: ZLRDBH
27. Шабаев, Ю. П. 2018, Исторические корни современного финноугорского паннационализма, в: Омаров, М. А. (отв. ред.), *Нациестроительство: состояние, проблемы, перспективы*, материалы Всероссийской научной конференции, с. 111—130, EDN: OAPZQN
28. Keohane, R. O. 2018, *International Institutions and State Power: Essays in International Relations Theory*, Routledge, 280 p., URL: <https://www.taylorfrancis.com/books/mono/10.4324/9780429032967/international-institutions-state-power-robert-keohane> (дата обращения: 02.03.2025).
29. *Права меньшинств: международные стандарты и руководство по их соблюдению*, 2010, Нью-Йорк, Женева, Изд-во ООН, 54 с., URL: https://esg-library.mgimo.ru/publications/prava-menshinstv-mezhdunarodnye-standarty-i-rukovodstvo-po-ikh-soblyudeniyu/?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com (дата обращения: 02.03.2025).
30. Володькин, А. А. 2006, Становление балтийского регионализма, *Журнал международного права и международных отношений*, № 2, с. 45—51, EDN: PBRFDL

Об авторах

Марина Михайловна Паникар, кандидат исторических наук, доцент департамента политологии и международных отношений Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики», Россия; доцент кафедры регионоведения, международных отношений и политологии Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова, Россия.

<https://orcid.org/0000-0003-4504-8924>

E-mail: mpanikar@hse.ru

Флера Харисовна Соколова, доктор исторических наук, профессор кафедры регионоведения, международных отношений и политологии Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова, Россия.

<https://orcid.org/0000-0002-3063-6128>

E-mail: f.sokolova@narfu.ru

Наталия Николаевна Белошицкая, кандидат филологических наук, заведующая кафедрой английского языка Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова, Россия.

<https://orcid.org/0000-0002-0899-1828>

E-mail: n.beloshickay@narfu.ru

THE ROLE OF THE COUNCIL OF THE BALTIC SEA STATES IN ADVOCATING NATIONAL MINORITY RIGHTS IN THE 1990s

M. M. Panikar^{1, 2}

F. Kh. Sokolova²

N.N. Beloshitskaya²

¹ HSE University,
123 Griboedova Emb., Saint Petersburg, 190068, Russia

² Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov,
17 Severnaya Dvina Emb., Arkhangelsk, 163002, Russia

Received 15 March 2025

Accepted 23 July 2025

doi: 10.5922/2079-8555-2025-3-2

© Panikar, M. M., Sokolova, F. Kh.,
Beloshitskaya, N. N., 2025

The article examines the activities of the Council of the Baltic Sea States (CBSS) in promoting national minority rights between 1994 and 2000. The study is based on a detailed analysis of documents from the Foreign Policy Archive of the Russian Federation, which are introduced into scholarly circulation for the first time. The chronological scope is defined by the period when Ole Espersen served as Commissioner on Democratic Institutions and Human Rights, Including the Rights of Persons Belonging to Minorities.

The findings suggest that Russia, concerned about the situation of the Russian-speaking population in the Baltic States, was the main initiator of CBSS efforts to strengthen national minority rights. Although the problem of discrimination against Russian speakers in the Baltic States remained unresolved, the Commissioner's activities significantly contributed to the standardization of the legal and institutional framework for protecting vulnerable population groups, particularly national minorities. The authors argue that these activities also supported the consolidation of European human rights institutions and encouraged Russia to enhance the national legislation in this field.

Keywords:

Council of the Baltic Sea States, international cooperation, national minorities, Russian foreign policy

References

1. Vorotnikov, V., Chekov, A., Yakutova, U. 2019, Region-Building in the Baltic Region: Legacy of the Inter-War Period and Modern Dynamics, *Journal of International Analytics*, № 1-2, p. 52—64, <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2019-0-1-2-52-64>
2. Donskikh, S. V. 2009, The Problem of Origin and Position of the Baltic Region in the Global World, *Bulletin of Polotsk State University. Series A. Humanities*, № 7, p. 79—83 (in Russ.).
3. Chasovsky, V. I. 2018, Cooperation of the Baltic region countries: current status and problems, in: Fedorov, G. M., Zhindarev, L. A., Druzhinin, A. G., Palmovsky, T. (eds.), *The Baltic region — a region of cooperation-2018: problems and prospects of cross-border cooperation along the Western border of Russia*, materials of the international scientific conference, p. 165—176 (in Russ.).
4. Sergunin, A. A. 2013, Russia and the European Union in the Baltic region: a treacherous path to partnership, *Baltic Region*, № 4, p. 53—66, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2013-4-4>

To cite this article: Panikar, M. M., Sokolova, F. Kh., Beloshitskaya, N. N. 2025, The role of the Council of the Baltic Sea States in advocating national minority rights in the 1990s, *Baltic Region*, vol. 17, № 3, p. 23—41.
doi: 10.5922/2079-8555-2025-3-2

5. Pyshev, A. A. 2008, The Council of Europe and the Council of the Baltic Sea States in the system of European institutional cooperation: (international legal aspect), PhD Thes., Moscow, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 26 p. (in Russ.).
6. Palmowski, T. 2021, The European Union Strategy for the Baltic Sea Region and accomplishments, *Baltic Region*, vol. 13, № 1, p. 138—152, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2021-1-8>
7. Drozdovskaya, Yu. V. 2017, Theoretical approaches to the study of integration processes in the Baltic Sea region, *Advances in modern science*, vol. 5, № 4, p. 230—232 (in Russ.).
8. Koivurova, T., Rosas, A. 2018, The CBSS as a vehicle for institutionalised governance in the Baltic Sea Area, in comparison with its two sister organisations in the north, *Marine Policy*, № 98, p. 211—219, <https://doi.org/10.1016/j.marpol.2018.09.010>
9. Oldberg, I. 2012, *Soft Security in the Baltic Sea Region. Russian interests in the Council of Baltic Sea States*, Swedish Institute of International Affairs, № 2, 66 p., URL: <https://www.ui.se/globalassets/ui.se-eng/publications/ui-publications/soft-security-in-the-baltic-sea-region-russian-interests-in-the-council-of-baltic-sea-states-min.pdf> (accessed 02.03.2025).
10. Szacawa, D. 2021, *Evolution of the Council of the Baltic Sea States: three decades of regional cooperation in the Baltic Sea Region (1991—2021)*, IEŚ Policy Papers 11, Institute of Central Europe, 74 p., URL: <https://ies.lublin.pl/en/policy-papers/evolution-of-the-council-of-the-baltic-sea-states/> (accessed 02.03.2025).
11. Ziemele, I. 2000, The Role of International Organizations in Strengthening Human Rights Performances in the Baltic Sea Region, in: Delbrück, J., Hofmann, R. (eds.), *German Yearbook of International Law*, Duncker & Humblot GmbH, vol. 43, p. 9—37, URL: <https://elibrary.duncker-humblot.com/book/33061/german-yearbook-of-international-law-jahrbuch-fuumlr-international-es-recht> (accessed 02.03.2025).
12. Birckenbach, H.-M. 1998, The Tackling of Minority Issues in the Baltic Sea Region in the Context of OSCE and CBSS, in: Hedegaard, L., Lindström, B., Joenniemi, P., Östhol, A., Peschel, K., Stålvant, C. E. (eds.), *The Nebi Yearbook 1998*, Springer, Berlin, Heidelberg, https://doi.org/10.1007/978-3-642-58886-0_33
13. Espersen, O. 1996, Human rights protection in the Baltic Sea area: The Commissioner of the Council of the Baltic Sea States on Democratic Institutions and Human Rights including the Rights of Persons belonging to Minorities, *Helsinki Monitor*, vol. 7, № 2, p. 52—64, <https://doi.org/10.1163/157181496X00305>
14. Espersen, O., Fugl, H. 2000, Protection of Rights of Persons Belonging to Minorities in the Baltic Sea States, in: Trifunovska, S. (eds.), *Minority Rights in Europe European Minorities and Languages*, T.M.C. Asser Press. https://doi.org/10.1007/978-90-6704-655-8_13
15. Espersen, O. 1995, The Functions of the CBSS (Council of the Baltic Sea States) Commissioner on Democratic Institutions and Human Rights Nordic, *Journal of International Law*, vol. 64, № 3, p. 347—352, <https://doi.org/10.1163/157181095X00689>
16. Musaev, V. I. 2011, “The Russian Question” in the Baltic States in the 1990s — 2000s and Russian-Baltic Relations, *History and Historical Memory*, № 4, p. 87—106 (in Russ.).
17. Rizvanova, L. Z. 2008, The policy of the Baltic states towards the Russian-speaking population, *Scientific notes of Kazan State University, Series: Humanities*, vol. 150, № 7, p. 140—149 (in Russ.).
18. Smirnov, V. A. 2017, Theoretical and methodological aspects of political elites’ institutionalization in the Baltic states, *Polis Russian Federation*, № 5, p. 79—90, <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.05.06>
19. Gordienko, P. V. 2008, The Problem of “Non-Citizens” in Latvia, *Obozrevatel / Observer*, № 7, p. 81—90 (in Russ.).
20. Musaev, V. I. 2017, Independence of the Baltic countries and the Russian Question, *Modern History of Russia*, № 2, p. 176—191, <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2017.213>
21. Berendeev, M., Urazbaev, Ye. 2014, The development of nationalist identities in the Baltics: the Latvian aspect, *IKBFU’s Vestnik*, № 6, p. 82—94 (in Russ.).
22. Colomer, J. 2007, *Great Empires, Small Nations. The Uncertain Future of the Sovereign State*, Routledge, 114 p., <https://doi.org/10.4324/9780203946046>
23. Mezhevich, N. M. 2016, *The Baltic States 2.0. A Quarter Century of the “Second Republics”*, Moscow, Association of Book Publishers “Russian Book”, 272 p. (in Russ.).

24. Golysheva, A. B. 2010, Historical, legal and political aspects of national issues in the Republic of Karelia in the early 1990s, *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, № 11, p. 89—93 (in Russ.).
25. Shabaev, Yu. P. 2005, The problem of Finno-Ugric identity, *Sovremennaya Evropa*, № 3, p. 112—123 (in Russ.).
26. Tsygankov, A. M., 1992, *Socio-political movements of Russia in 1987—1992 (based on the European North of Russia)*, abstract of dissertation for the degree of Cand. Sci. (Hist.), Moscow, Institute of Youth, 25 p. (in Russ.).
27. Shabaev, Yu. P. 2018, Historical roots of modern Finno-Ugric pan-nationalism, in: Omarov, M. A. (ed.), *Nation-building: state, problems, prospects*, materials of the All-Russian scientific conference, p. 111—130 (in Russ.).
28. Keohane, R. O. 2018, *International Institutions and State Power: Essays in International Relations Theory*, Routledge, 280 p., URL: <https://www.taylorfrancis.com/books/mono/10.4324/9780429032967/international-institutions-state-power-robert-keohane> (accessed 02.03.2025).
29. *Minority Rights: International Standards and Guidelines for Implementing Them*, 2010, New York, Geneva, United Nations Publishing, 54 p. (in Russ.), URL: https://esg-library.mgimo.ru/publications/prava-menshinstv-mezhdunarodnye-standarty-i-rukovodstvo-po-ikh-sobyudeni-yu/?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com (accessed 02.03.2025).
30. Volodkin, A. A. 2006, Formation of Baltic regionalism, *Journal of International Law and International Relations*, № 2, p. 45—51 (in Russ.).

The authors

Dr **Marina M. Panikar**, Associate Professor, Department of Political Science and International Relations, HSE University, Russia; Associate Professor, Department of Regional Studies, International Relations and Political Science, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov, Russia.

<https://orcid.org/0000-0003-4504-8924>

E-mail: mpanikar@hse.ru

Prof **Flyora Kh. Sokolova**, Department of Regional Studies, International Relations and Political Science, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov, Russia.

<https://orcid.org/0000-0002-3063-6128>

E-mail: f.sokolova@narfu.ru

Dr **Nataliya N. Beloshitskaya**, Head of the Department of English, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov, Russia.

<https://orcid.org/0000-0002-0899-1828>

E-mail: n.beloshickay@narfu.ru

Submitted for possible open access publication under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution — Noncommercial — No Derivative Works <https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/deed.en> (CC BY-NC-ND 4.0)

XEESFE

ДИАСПОРАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ПОЛЬШИ (1991–2025): ДИНАМИКА ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

И. Д. Лошкарёв

МГИМО МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

Поступила в редакцию 27.04.2025 г.
Принята к публикации 26.06.2025 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2025-3-3
© Лошкарёв И. Д., 2025

Развитие отношений польского государства с соотечественниками за рубежом имеет давнюю традицию, восходящую к периоду II Республики. В соответствии с предложенной тогда моделью взаимодействия за отношения с польской диаспорой (Полонией) отвечала верхняя палата — Сенат. Эта институциональная рамка была восстановлена в постсоциалистический период и считалась одним из способов демонстрации преемственности в отношениях с поляками за рубежом. Однако постепенно возникали практические противоречия, связанные с распределением средств на диаспоральную политику и борьбой политических сил за имидж защитников польской диаспоры. В результате было предпринято несколько попыток изменить институты диаспоральной политики Польши, которые заключались в усилении роли как органов исполнительной власти, так и Сената. В теоретическом плане статья опирается на неoinституциональную методологию и рассматривает произошедшие трансформации как варианты институциональных изменений, обусловленные не только разными структурными причинами, но и расширением состава участников взаимодействия внутри государственного механизма. В статье показано, что важнейшими тенденциями в трансформации институтов диаспоральной политики Польши в 1991–2025 гг. стали формализация институционального дизайна, постепенное снижение масштаба внедряемых изменений и общая незавершенность преобразований, связанная с относительной их частотой и межпартийной конкуренцией (главным образом «Гражданской платформы» и «Права и справедливости»).

Ключевые слова:

диаспоральная политика, полонийная политика, Полония, Польша, институциональные трансформации

Политика в отношении диаспоры в Польше имеет давнюю традицию. В 1920 г. при Министерстве труда и социальной защиты были созданы первые подразделения по делам эмигрантов. Однако постепенно стало понятно, что меры поддержки в отношении диаспоры нередко связаны с вопросами культуры, сохранения языка, молодежной политики. Поэтому с 1928–1930 гг. отношения с диаспорой в основном перешли в ведение МИД II Республики и отдельных региональных и этнических организаций [1, с. 128–131]. Однако затем в 1934 г. II съезд зарубежных поляков в Кракове утвердил устав Всемирного союза зарубежных поля-

Для цитирования: Лошкарёв И. Д. Диаспоральная политика Польши (1991–2025): динамика институциональных изменений // Балтийский регион. 2025. Т. 17, № 3. С. 42–58. doi: 10.5922/2079-8555-2025-3-3

ков (*пол.* Światowy Związek Polaków z Zagranicy, Światpol) и избрал председателем Союза маршала польского Сената В. Рачкевича. Целью организации провозглашалось «поддержание единства с Отчизной во имя единства польского народа» [2, с. 307]. Тем самым возникла особая институциональная модель взаимоотношений с польской диаспорой — ее вопросами ведали не органы исполнительной власти, а верхняя палата парламента. В 1989—1990 гг. эта модель почти без изменений была восстановлена по итогам переговоров под эгидой Папы Римского Иоанна Павла II между представителями органов государственной власти Польши и организаций польской диаспоры в Риме [3, с. 59—60].

В польском общественно-политическом дискурсе взаимоотношения государства и диаспоры описываются либо как «полонийная политика» (*пол.* polityka polonijna), либо как «забота о Полонии» (*пол.* opieka nad Polonią): польская диаспора обозначается отдельным словом в отличие от диаспор с другим происхождением. Традиционно считается, что задача польского государства состоит не только в защите прав и свобод эмигрантов, но и в установлении прочных связей за счет работы по нестандартным проблемам и направлениям — с учетом особенностей польской диаспоры в конкретной стране или даже в конкретном внутригосударственном регионе. Иными словами, Польша стремится поймать ритм нескорординированных и разносторонних инициатив в польских общинах за рубежом [1, с. 116—117]. Поддержание связей с Полонией и укрепление положения ее представителей в странах пребывания с 1991 г. считается «общенациональной задачей» наряду с созданием условий по репатриации [4, с. 106]. Это положение закреплено в Конституции Польши 1997 г. (ст. 6).

По имеющимся данным, к «старой» польской диаспоре в мире относятся более 10 млн чел. (по некоторым оценкам — до 21 млн): 9—10 млн — в США, свыше 1 млн — в Бразилии и Канаде, свыше 500 тыс. — в Аргентине¹. На территории постсоветского пространства также проживает значительное число лиц польского происхождения, однако до недавнего времени их не включали в понятие «Полония» и обозначали отдельным термином «поляки на Востоке».

Поскольку в современном мире сохраняется конкуренция за экономический и социальный капитал [5], Польша неоднократно предпринимала попытки актуализировать и интенсифицировать диаспоральную политику. По подсчетам А. Гамлена, к 2014 г. около 110 государств мира озаботились вопросами поддержания связей со своими соотечественниками, стали выстраивать полноценную институциональную инфраструктуру взаимодействия с диаспорами [6, р. 182]. После присоединения к ЕС в 2004 г. попытки обновления диаспоральной политики получили дополнительный импульс в связи с существенным оттоком населения из страны. К 2007 г. постоянно вне Польши проживали свыше 2,3 млн польских граждан (примерно 6,6 % всего населения государства), что стало неприятным сюрпризом для политиков и экспертов [7, р. 84]. В условиях слабой отдачи от принятых мер к началу 2010-х гг. началась дискуссия о возможных контурах «новой полонийной политики» — в качестве возможных ориентиров называли централизацию управления и оптимизацию усилий различных институтов, отказ от одностороннего подхода в отношениях с диаспорой, а также уточнение и сокращение числа целей, которые ставят перед собой государственные органы [8, с. 10—13].

Данная статья посвящена институциональным трансформациям диаспоральной политики Польши в 1991—2025 гг. Автор стремится выяснить, как формировалась динамика институциональных изменений, какие формы она приобретала и на-

¹ *The Global Polish Diaspora: A Vast and Diverse Community*, 2025, URL: <https://polaron.com.au/the-global-polish-diaspora/> (дата обращения: 18.06.2025).

сколько эти формы были устойчивыми. В рамках неонинституционального анализа исследуется и среда взаимодействий — в том числе острое межпартийное противостояние, характерное для современной Польши («польско-польская война»).

Неонинституциональный анализ отраслевой государственной политики

Неонинституционализм как методология в социальных науках предполагает, что единицы анализа (партии, лидеры, чиновники, фирмы) чаще всего подчиняются явным и неявным правилам, выстраивают свое поведение и планируют дальнейшие действия, исходя из тех рамок, которые заданы [9; 10]. Важный аспект в соблюдении правил — сложный баланс между эффективностью и легитимностью: акторы могут добиться большего, нарушая правила, но остальных такое поведение, скорее всего, не устроит, потому происходит постоянный торг по поводу того, как можно в наиболее выгодном направлении интерпретировать и трансформировать явные и неявные нормы (институциональные рамки) [11]. В политических исследованиях неонинституционализм позволяет выйти на анализ изменений, причем не только рассматривать отмену или принятие каких-либо правил, но и их комбинирование, изменение степени взаимосвязанности, сужение и расширение зон ответственности — в том числе появление каких-либо радикально новых вариантов институционального дизайна [12; 13]. Фактически под институтом понимается не только то, что установлено в качестве явной или неявной нормы, но и процессы конструирования тех или иных правил, их комбинаций и вариаций [14].

Важнейший момент в изучении институтов — то, как именно происходит их изменение, переход от одного состояния и структуры правил к последующим. Предложено несколько теорий и подходов к объяснению институциональных трансформаций, по-разному объясняющих динамику этого процесса и способы его анализа. Во многом это связано с тем, что становится отправной точкой рассуждений — причины, сам момент изменения, участники процесса, внешние факторы, многоуровневость взаимодействий и пр. [15; 16]. Среди многочисленных интерпретаций институциональных изменений большой известностью пользуется подход Дж. Махоуни и К. Телен. Эти исследователи предложили объединить анализ глубины изменений и их участников, что позволило выделить четыре типа трансформации (табл. 1).

Таблица 1

Типы институциональных изменений (по Дж. Махоуни и К. Телен)

Тип изменения	Состав участников	Причина	Процедура
Замена	Расширяется	Относительно неравномерное распределение ресурсов участников	Формальная
Наслоение	Расширяется	Относительно равномерное распределение ресурсов участников, но с тенденцией к неравномерному перераспределению	Формальная
Смещение	Не расширяется	Изменение общей выгоды от полного соблюдения норм	Неформальная
Конверсия	Не расширяется	Изменение оценки норм на идейном уровне	Формальная или неформальная

В рамках замены институтов происходит полная отмена старых правил и установление новых, что связано с появлением новых участников взаимодействий, ко-

торые не удовлетворены прежним подходом к распределению ресурсов и способны поставить легитимность институтов под сомнение, если их позицию проигнорируют. Наслоение (*англ.* layering) институтов предполагает внесение существенных поправок и дополнений в дизайн действующих институтов, что отражает компромисс между новыми и старыми участниками взаимодействий: первые еще не способны изменить правила целиком, а вторые не могут остановить процесс правки и обновления. Смещение (*англ.* drift) — это сохранение формального аспекта правил, но изменение их содержания из-за внешних изменений: новых добавлений и поправок не предлагается, но часть предписаний не исполняется («мертвые нормы»). Наконец, конверсия предполагает, что меняется идейное наполнение правил — их интерпретируют и понимают иначе, чем раньше. В рамках конверсии фактически устанавливается новое соответствие институтов коллективной идентичности современным практикам и аналогичным институтам в других странах, целеполаганию государств. В случае смещения и конверсии состав участников почти или полностью не обновляется, что увеличивает значимость внешних факторов для институциональных трансформаций [17]. Напротив, А. Кениг отмечал, что наслоение и замена чаще происходят в рамках формальных процедур и обусловлены внешними факторами — в виде решений вышестоящих органов власти, добавления новых участников институционального взаимодействия или общего изменения в рамках распределения власти в государстве (например, после выборов), а институциональное смещение и в меньшей степени конверсия связаны с неформальным торгом и внутренним развитием институтов [18]. Вероятно, баланс эндогенных и экзогенных факторов в институциональных изменениях не столь прямолинеен, поскольку в основе неоинституционализма лежит тезис о взаимосвязи того, как соблюдаются правила и как они меняются под влиянием текущих обстоятельств и долгосрочных кумулятивных процессов [19; 20].

Для анализа отраслевой государственной политики (в частности, диаспоральной политики) данная схема дает несколько важных методологических преимуществ. Во-первых, учитываются причины разного порядка в институциональных трансформациях — ресурсные, идейные, акторо-центричные. Во-вторых, появляется возможность за счет анализа состава вовлеченных участников (например, ответственных министерств или ведомств) косвенно оценить потенциальное направление институциональных изменений. Наконец, в-третьих, в данной схеме проведено разграничение формальных и неформальных процедур, которые нередко в неоинституциональном анализе представлены в неразделенном виде.

В отношении Польши неоинституционализм позволяет совместить проблематику изменений диаспоральной политики с электоральными циклами и партийными предпочтениями, выявить, насколько изменение приоритетов на общегосударственном уровне находило отражение в конкретной сфере деятельности, как менялся состав участников формирования диаспоральной политики и какие институциональные формы приобретали или, наоборот, теряли свою актуальность.

Особенности формирования диаспоральной политики в Польше

С учетом особенностей парламентаризма в Польше в 1989 г. ответственность за координацию диаспоральной политики легла на верхнюю палату — Сенат. Тем самым восстанавливалась институциональная логика II Республики и подчеркивалась историческая преемственность с периодом правления Ю. Пилсудского. В составе Сената появилась Комиссия по вопросам эмиграции и отношениям с поляками за рубежом, которая регулярно обсуждала инициативы по укреплению связей с

Полонией и давала рекомендации по распределению бюджетных средств на этом направлении. Окончательное решение по финансовым вопросам принималось маршалом Сената. В постановлении Сената III созыва «О связи поляков и Полонии с Отчиной» в 1997 г. подчеркивалось, что особая роль Сената — это продолжение «благородной традиции» в деле защиты прав участников диаспоры¹.

При этом исполнительная власть в Польше также имела виды на диаспоральную политику. В 1991 г. правительство утвердило документ под названием «Цели и приоритеты политики правительства в отношении Полонии, эмиграции и поляков за границей» (*пол. Cele i priorytety polityki rządu wobec Polonii, emigracji i Polaków za granicą*). В тексте подчеркивалась значимость поддержания всесторонних связей выходцев из Польши со страной происхождения, а также сохранения польской идентичности («польскости») в других странах. Во многом документ исходил из логики, что «обязательства» польского государства в отношении диаспоры односторонни, а от общин за рубежом требуется лишь активно участвовать в предлагаемых инициативах [21, s. 77—78].

Возникшая в 1990-е гг. модель предполагала, что тактические вопросы диаспоральной политики относятся к полномочиям Сената, в то время как формулировка целей и стратегии взаимоотношений с соотечественниками, скорее, находится в ведении правительства. Конституция 1997 г. закрепила эту институциональную связь, поскольку передала право законодательной инициативы в области государственных финансов в сферу исключительных полномочий правительства, а процедуру утверждения бюджетных вопросов оставила обеим палатам парламента. С учетом размытого понимания инструментов диаспоральной политики такое разделение было в значительной степени условным, что обусловило соперничество двух ветвей власти в вопросах диаспоральной политики.

В частности, в 1998 г. попытку перенести центр принятия решений предпринял польский МИД. Был подготовлен документ «Общая концепция полонийной политики», который предполагал передачу разработки и реализации политики в отношении Полонии и поляков за рубежом в ведение Министерства. Отдельно в документе подчеркивалось, что Министерство фактически и так поддерживает контакты с представителями диаспоры на регулярной основе, но никак не влияет на финансирование проектов. Однако профильная комиссия Сената высказалась резко против предложенного текста и обвинила МИД в попытках монополизировать диаспоральную политику. При этом в дискуссии получил признание тот факт, что контакты с Полонией преимущественно идут через дипломатические и консульские представительства, с которыми требуется координировать принимаемые решения [22].

Если в 1991—2001 гг. институциональные противоречия вокруг диаспоральной политики во многом обострялись из-за межпартийного противостояния, то в период правительства Л. Миллера (2001—2004) этот фактор практически исчез. В 2002 г. правительство приняло программу сотрудничества с Полонией и поляками за рубежом, которая впервые поставила вопрос об ответных обязательствах представителей диаспоры. Согласно этому документу, Полония должна была способствовать реализации польских национальных интересов в странах пребывания, а не только участвовать в государственных проектах по культурному и социальному развитию. Для координации работы по вопросам Полонии и поляков за рубежом при премьер-министре была создана межведомственная группа.

Параллельно при маршале Сената был создан Консультативный совет Полонии, которому была передана функция обсуждения финансовых вопросов и обсужде-

¹ Uchwała Senatu Rzeczypospolitej Polskiej y dnia 5 marca 1997 r. w sprawie więzi Polaków i Polonii y Macierzą, 1997, URL: <https://isap.sejm.gov.pl/isap.nsf/download.xsp/WMP19970160147/O/M19970147.pdf> (дата обращения: 24.04.2025).

ния проектов по укреплению взаимоотношений с диаспорой. Позднее плотность институтов в ведении Сената выросла еще сильнее, поскольку было учреждено Полонийное бюро при верхней палате, которое помогало подавать заявки на финансирование и вело мониторинг осуществляемых проектов. При этом на концептуальном уровне наблюдалось удивительное единодушие, которое было закреплено постановлением Сената (2002), повторявшим основные положения правительственной программы сотрудничества с Полонией и поляками за рубежом [21, s. 77—78; 22, s. 73—80].

Эти достижения оказались неустойчивыми в условиях последовавшего обострения межпартийного противостояния («польско-польской войны») и очередной волны расширения ЕС (2004). Вместо устойчивой работы институтов диаспоральной политики в 2001—2004 гг. наблюдалось временное снижение конфликтности между ветвями власти по проблемам взаимодействия с Полонией. То есть переход к левым партиям большинства в парламенте, президентского поста и права на формирование правительства привел к неформальному разделению полномочий. Таким образом, в условиях политической конкуренции и принятия Конституции 1997 г. произошло институциональное наслоение «традиционной» роли Сената в вопросах связей с Полонией и практической активности более готового к этой работе органа исполнительной власти — МИД. Однако затем наслоение сменилось институциональным смещением — временным неформальным компромиссом, согласно которому конкуренция верхней палаты и исполнительной власти была заморожена. Это тактическое решение не привело к формированию более устойчивых институтов диаспоральной политики Польши, но позволило снять напряженность на уровне государственных институтов в целом.

Реформы «Гражданской платформы» (2007—2014)

Из-за неустойчивости парламентского большинства в 2005—2007 гг. вопросы диаспоральной политики оказались несколько отложенными. Тем не менее правительства «Права и справедливости» начали подготовительные работы по созданию очередной государственной программы сотрудничества с Полонией и поляками за рубежом. Помимо этого правительство Я. Качиньского приступило к реализации программы «Ближе к работе, ближе к Польше» (*пол.* *Bliżej pracy, bliżej Polski*), которая предполагала помощь польским трудовым мигрантам в обустройстве в странах пребывания и защиту их прав через систему консульских представительств¹.

Однако после победы в 2007 г. на парламентских выборах партии «Гражданская платформа» проблематика диаспоральной политики вновь оказалась на политической повестке дня. Партия Д. Туска еще до выборов выдвинула идею поощрения репатриации в качестве ключевого приоритета работы правительства и предложила отменить налоги на пенсионные накопления и капитал мигрантов. Уже в конце 2007 г. была принята масштабная «Программа возвращения», содержавшая набор мер по стимулированию репатриации мигрантов и представителей Полонии. Помимо «налоговых каникул» и сокращения социальных и пенсионных отчислений программа предусматривала открытие в Лондоне и Дублине трудовых бирж с вакансиями в Польше, создание специализированных механизмов привлечения высококвалифицированных кадров, поддержку открытия польских школ за рубежом и создание дистанционных форм образования в университетах [7, p. 86—87].

¹ Program działań na rzecz zwiększenia opieki nad polską migracją zarobkową „Bliżej pracy, bliżej Polski”, *Biuletyn Informacji Publicznej RPO*, 2025, URL: <https://bip.brpo.gov.pl/pliki/1172574832.pdf> (дата обращения: 24.04.2025).

Параллельно правительство Д. Туска разработало еще несколько мер по активизации диалога с польскими общинами за рубежом. Во-первых, в 2007 г. было утверждено постановление о карте поляка, которая позиционировалась как забота об исправлении исторической несправедливости в отношении поляков на постсоветском пространстве («поляки на Востоке»). Данный документ о «принадлежности к польскому народу» стал новым механизмом расширения связи с лицами польского происхождения и косвенно создавал стимулы для репатриации. В частности, карта поляка не предоставлялась тем, кто постоянно проживал в Польше, но большинство прав и привилегий по этому документу можно было получить только в Польше. Прямой механизм поощрения репатриации — система «Родак» — смог охватить порядка 2300 чел. в последний год работы, а принятие решений по конкретным случаям занимало до 7 лет [23].

Во-вторых, в 2009 г. была принята министерская программа развития польского образования за рубежом на 2009—2011 гг., которая положила начало постоянным ведомственным программам по этому направлению. Масштаб этой деятельности был немалым: в 2009/10 учебном году по программам обучения для зарубежных поляков училось свыше 14 тыс. чел. в 75 образовательных учреждениях¹. С 2010 г. в г. Оструда стали проходить съезды полонийных учителей — на этих мероприятиях согласовываются методические рекомендации, обсуждаются проблемы преподавания, происходит обмен опытом².

Наконец, в-третьих, правительство Д. Туска начало последовательно укреплять роль МИД в реализации политики в отношении диаспоры. В соответствии с принятой исполнительной властью пятилетней программой помощи полякам за границей (2007—2012) в сферу ответственности ведомства иностранных дел были прямо переведены такие функции, как координация полонийной политики, продвижение позитивного образа страны за рубежом. В 2009 г. в рамках внутренней реорганизации в составе МИД Польши появилось подразделение, которое позднее получило название Департамента сотрудничества с Полонией и полякам за рубежом. В ведение данного Департамента перешли вопросы продвижения польского языка и культуры, сохранения памятных мест, инвестиционных контактов, а также анализ и защита прав поляков за рубежом. В 2012 г. глава МИД Р. Сикорский добился того, что его ведомство стало распределять средства на конкретные проекты по полонийной тематике — вместо Сената. Причем если ранее средства выделялись партнерским и подрядным организациям (например, Фонду помощи полякам на Востоке или объединению «Польское сообщество») на безальтернативной основе, то с этого времени начали проводить ежегодный конкурсный отбор — с приемом юридически оформленных заявок и обоснованием объемов финансирования. Соответствующие поправки были внесены в закон о государственных закупках 2004 г.³

Перевод диаспоральной политики в фактическое ведение МИД не имел однозначной поддержки внутри «Гражданской платформы»: маршал Сената (2005—2015) Б. Борусевич выступал против такого решения и фактически пытался продолжить работу уже без финансового ресурса [24]. В частности, Б. Борусевич в 2012 г.

¹ Oświata i wychowanie w roku szkolnym, 2009, *Główny Urząd Statystyczny*, p. 105, URL: https://stat.gov.pl/cps/rde/xbcr/gus/e_oswiata_i_wychowanie_2009-2010.pdf (дата обращения: 20.04.2025).

² Czyżycka, K. 2001, 30 lat dla Polonii, *Stowarzyszenia Wspólnota Polska*, URL: http://wspolnota-polska.org.pl/30lat/dzialania_edukacja.php (дата обращения: 21.04.2025).

³ Senat utraci pieniądze dla Polonii?, 2015, *Onet Wiadomości*, URL: <https://wiadomosci.onet.pl/kraj/senat-utraci-pieniadze-dla-polonii/gmqgh> (дата обращения: 23.04.2025).

включился в деятельность полонийных организаций в ФРГ и помогал им добиваться разрешений на создание бюро польских объединений, СМИ и образовательных курсов на польском языке¹.

В результате реформ правительства Д. Туска диаспоральная политика Польши практически полностью перешла в ведение исполнительной власти (в основном МИД) — произошла замена институционального формата взаимодействия с соотечественниками. Такое положение дел стало возможным из-за наличия большинства у партии Туска «Гражданская платформа» в обеих палатах парламента. Если в период доминирования левых в польской политике (2001—2004) Сенат и исполнительная власть координировали свои действия в отношении поляков за рубежом, то в 2007—2014 гг. диаспоральная политика стала отдельной отраслью государственной политики, над которой был установлен централизованный контроль (как политический, так и финансовый). С одной стороны, подобная централизация облегчала взаимодействие государства с диаспорой и позволяла выстраивать долгосрочную стратегию в отношении. С другой — для разнородной Полонии и различных ее организаций централизация государственной политики означала рост конкретных обязательств: инвестиционных, политических, культурных. В условиях, когда значительная часть диаспоры (в Западной Европе и Северной Америке) не нуждалась в помощи государства происхождения, рост «бремени обязательств» играл скорее негативную роль в реализации диаспоральной политики Польши.

Обращает на себя внимание тот факт, что при Д. Туске изменения институтов диаспоральной политики произошли более резко, чем при правительстве «Левицы». По всей видимости, это связано не только с неустойчивостью прежней модели и личным соперничеством Р. Сикорского и Б. Борусевича, но и с изменением сферы приложения усилий: после расширения ЕС из Польши к 2011 г. выехало более 2 млн чел., или 5,2 % населения страны². Фактически изменился состав участников реализации диаспоральной политики: возникла необходимость согласования решений не только на национальном уровне, но и на наднациональном.

Преобразования в период правления «Права и справедливости» (2015—2023)

В августе 2015 г. до парламентских выборов правительство Е. Копач успело принять Программу сотрудничества с польской диаспорой на 2015—2020 гг. и задание на 2015—2016 гг. в рамках этой программы. Хотя документ на идеологическом уровне содержал немало новаций (например, замену понятия «Полония» на термин «диаспора», характеристику отношений с диаспорой в качестве партнерских), правительство «Гражданской платформы» выборы проиграло. Потому многие положения Программы корректировались представителями партии «Право и справедливость», которая сформировала новую правительственную коалицию. Парадоксально, но наличие стратегического документа на 2015—2020 гг. в сфере диаспоральной политики помешало последовательно совершенствовать институты диаспоральной политики, привело к ряду ситуативных и часто несогласованных решений [25, s. 149].

¹ Niemiecka Polonia apeluje do Borusewicz o wsparcie, 2012, *Onet Wiadomości*, URL: <https://wiadomosci.onet.pl/swiat/nemiecka-polonia-apeluje-do-borusewicz-o-wsparcie/hdrI9m> (дата обращения: 23.04.2025).

² International migration outlook 2013, 2013, Paris, *Organisation for Economic Cooperation and Development*, URL: https://www.oecd.org/en/publications/international-migration-outlook-2013_migr_outlook-2013-en.html (дата обращения: 20.04.2025).

В январе 2016 г. председатель Комиссии сейма по связям с Полонией, член фракции «Права и справедливости» М. Дворчак (позднее — глава канцелярии премьер-министра) высказал мнение, что перевод вопросов целеполагания и финансирования в ведение МИД был «поспешным и неподготовленным»¹. Представители правящей партии и далее критиковали предшественников и настаивали на восстановлении исторической роли Сената в сфере диаспоральной политики Польши.

В результате принятых в феврале — июле 2016 г. изменений верхняя палата польского парламента вернула контроль над вопросами отношений с Полонией — формально с 2017 г. В отличие от прежних лет ответственность Сената впервые была зафиксирована в законе о публичных закупках — до этого времени функции верхней палаты в отношении Полонии были данью традиции, а не формальной нормой. Однако осуществление диаспоральной политики были не полностью передано маршалу Сената: глава палаты получил право утверждать бюджет на проекты диаспоральной политики по согласованию с Президиумом палаты, а Президиум стал определять основы государственного задания, то есть фактически цели и задачи реализуемой государством политики². Проведение конкурса на получение финансирования перешло в ведение Канцелярии Сената.

По мере увеличения бюджета на реализацию диаспоральной политики (в 2016 г. — 60,5 млн злотых, в 2018 г. — уже 100,5 млн злотых) происходило дальнейшее усложнение институциональных норм: подача заявок на получение финансирования со стороны партнерских организаций была переведена на электронный портал и были установлены сроки их подачи (до конца ноября каждого года). Это привело к некоторому снижению числа как поданных, так и одобренных заявок: на 2018 г. была подана 721 заявка и 269 из них одобрены, в 2019 г. — 616, из которых одобрение получили 267³.

На фоне роста финансирования диаспоральной политики правительство М. Моравецкого (2017—2023) решило принять более активное участие в ее формировании. Достаточно неожиданно 16 декабря 2019 г. — уже после завершения срока подачи заявок на поддержку проектов в отношении поляков за рубежом — при Канцелярии премьер-министра был учрежден пост уполномоченного по делам Полонии и поляков за рубежом. Задачей уполномоченного стало формулирование инициатив правительства по данному направлению, координация деятельности ведомств, взаимодействие с государственными и негосударственными организациями, органами местного самоуправления. Иными словами, М. Моравецкий в рамках своих полномочий создал отдельное измерение диаспоральной политики, на-

¹ Sejmowa komisja chce przeniesienia pieniędzy na Polonię do Senatu, 2016, *Dzieje.pl*, URL: <https://dzieje.pl/aktualnosci/sejmowa-komisja-chce-przeniesienia-pieniedzy-na-polonie-do-senatu> (дата обращения: 24.04.2025).

² Senat zmienił swój regulamin, by móc opiekować się Polonią, 2016, *Gazeta prawna*, URL: <https://dzieje.pl/aktualnosci/senat-zmienil-swoj-regulamin-moc-opiekowac-sie-polonia> (дата обращения: 21.04.2025).

³ Senat rozdzielił ponad 100 mln zł na opiekę nad Polonią i Polakami za granicą, 2018, *Dzieje*, URL: <https://dzieje.pl/aktualnosci/senat-rozdzilil-ponad-100-mln-zl-na-opieke-nad-polonia-i-polakami-za-granica> (дата обращения: 24.04.2025) ; Senat w 2019 r. przeznaczy ponad 100 mln zł na opiekę nad Polonią i Polakami za granicą, 2019, *Dzieje*, URL: <https://dzieje.pl/aktualnosci/senat-w-2019-r-przeznaczy-ponad-100-mln-zl-na-opieke-nad-polonia-i-polakami-za-granica> (дата обращения: 24.04.2025).

ходящееся в ведении исполнительной власти. На пост уполномоченного по делам Полонии и поляков за рубежом был назначен Я. Дедзичак, ранее курировавший эту проблематику в МИД (2015—2018)¹.

В 2020 г. произошло дополнительное разграничение в сфере диаспоральной политики Польши: было объявлено, что правительство в рамках своих полномочий будет распределять средства на проекты самостоятельно — через своего уполномоченного, а Сенату останется распределение средств в рамках его полномочий. В ведение уполномоченного было передано распределение более 59 млн злотых, а Сената — около 10 млн. Чтобы эта реформа отличалась от ранее воплощенного институционального дизайна Р. Сикорского, правительство М. Моравецкого назначило распорядителями средств помимо МИД (28,3 млн злотых) в сфере польского образования за рубежом Министерство науки и образования, а для спортивных и культурных проектов — Министерство культуры, национального наследия и спорта. Особое внимание уделялось защите трудовых прав, социальной и психологической адаптации польских эмигрантов — эти вопросы были переданы в ведение Министерства по делам семьи, труда и социальной политики [26; 27].

Перераспределение средств в сфере диаспоральной политики происходило на фоне обсуждения общего сокращения государственных расходов и анализа эффективности политики государства. В этом отношении правительство М. Моравецкого осторожно критиковало Сенат: в частности, на заседании профильной комиссии верхней палаты уполномоченный Я. Дедзичак отмечал, что организации, получившие финансирование в 2019 г., часто не дают обратной связи и Сенат не вполне способен потребовать от них документы за пределами формальной отчетности².

Подобные резкие перемены 2019—2020 гг. был напрямую связаны с тем, что в 2019 г. в Сенате сформировалось оппозиционное «Праву и справедливости» большинство: маршалом Сената и председателем Комиссии Сената по связям с Полонией и поляками за границей стали представители «Гражданской платформы» — Т. Гродзкий и К. Уяздовский соответственно. Поэтому с точки зрения «Права и справедливости» было нелогичным давать возможность политическим оппонентам участвовать в распределении государственных средств.

В бюджете на 2022 г. правительство М. Моравецкого попыталось получить контроль над средствами, которые распределял Сенат на поддержку Полонии и поляков за рубежом. В нижней палате парламента была внесена поправка в бюджет, которая увеличивала средства на деятельность уполномоченного Кабинета министров Я. Дедзичака на 10 млн злотых с целью организации летнего отдыха детей представителей диаспоры в Польше. Представители правительства на заседании профильной комиссии Сената объясняли, что диаспоральная политика должна быть встроена в общую стратегию исполнительной власти, должна стать частью комплекса институтов, что верхней палате справиться со всеми задачами не под силу. Комиссия потребовала сохранить свою квоту в бюджете на проекты в сфере диаспоральной политики и раскритиковала непропорциональные расходы на

¹ Jan Dziedziczak pełnomocnikiem rządu ds. Polonii i Polaków za granicą. 2023, *WNP*, URL: <https://www.wnp.pl/polityka-i-sondaze/wydarzenia/jan-dziedziczak-pełnomocnikiem-rządu-ds-polonii-i-polaków-za-granicą,47087.html> (дата обращения: 22.04.2025).

² Posiedzenie Komisji Spraw Emigracji i Łączności z Polakami za Granicą (nr 6) w dniu 27-05-2020. 2020, *Senat*, URL: <https://www.senat.gov.pl/prace/komisje-senackie/przebieg,8653,1.html> (дата обращения: 24.04.2025); Posiedzenie Komisji Spraw Emigracji i Łączności z Polakami za Granicą (nr 11) w dniu 13-08-2020. 2020, *Senat*, URL: <https://www.senat.gov.pl/prace/komisje-senackie/przebieg,8763,1.html> (дата обращения: 24.04.2025).

поддержку диаспоры (в частности, на польские школы в ФРГ)¹. Хотя квоту Сената удалось отстоять, сенатская комиссия стала более пристально анализировать образовательный аспект диаспоральной политики, активно критиковала задержки в выделении средств и запутанность сфер ответственности между уполномоченным правительством и Министерством науки и образования.

Тезисы об эффективности и сокращении расходов после перевода значительной части направлений диаспоральной политики в ведение правительства оказалась не более чем политической риторикой. В рамках проектов по линии правительства в 2022—2023 гг. изыскивались возможности дополнительного финансирования, связанного с ростом расходов на строительство и объявлением целевых конкурсов (например, для поддержки зарубежных польских медиа): в 2022 г. — размер дополнительного финансирования составил 120,5 млн злотых, в 2023 г. — 82,7 млн².

Таким образом, в 2015—2023 гг. осуществились сразу две масштабные институциональные трансформации политики Польши в отношении Полонии и поляков за рубежом. На первом этапе (2016—2018) произошла замена прежней модели, в рамках которой диаспоральная политика была переведена в ведение МИД и преобразована в части внешней политики. Сенату возвратили его прежнюю роль, которая была формально зафиксирована и распределена между маршалом палаты, ее Президиумом и Канцелярией. На втором этапе (2020—2022) правительств М. Моравецкого в достаточно конфронтационном стиле перевело диаспоральную политику в свое ведение, оставив Сенату лишь некоторые функции в рамках весьма ограниченного бюджета. Подобное институциональное наложение, в отличие от ситуации 2001—2004 гг., происходило в условиях партийной конкуренции: исполнительная власть была представлена коалицией во главе с партией «Право и справедливость», а в Сенате преобладала коалиция во главе с «Гражданской платформой».

Возвращение «Гражданской платформы»

На парламентских выборах 2023 г. партия «Гражданская платформа» в составе блока «Гражданская коалиция» одержала победу (122 места в Сейме и 36 мест в Сенате) и в конце года сформировала коалиционное правительство. В третьем правительстве Д. Туска упразднили должность уполномоченного по делам Полонии и поляков за рубежом, а вопросы взаимодействия между министерствами передали в ведение правительственной межведомственной группы, которая формально была учреждена в 2021 г., но фактически не работала. Руководителем межведомственной группы стал Р. Сикорский, вернувшийся на пост главы МИД Республики Польша³. Примечательно, что новым главой профильной комиссии Сената стал его оппонент Б. Борусевич, занявший также пост вице-маршала Сената.

Хотя между нынешней правящей коалицией и ее предшественниками сохраняется острая политическая неприязнь, правительство Д. Туска сделало выводы из острой реакции в обществе на полное устранение Сената из реализации диаспо-

¹ Posiedzenie Komisji Spraw Emigracji i Łączności z Polakami za Granicą (nr 31) w dniu 04-01-2022. 2022, *Senat*, URL: <https://www.senat.gov.pl/prace/komisje-senackie/przebieg,9479,1.html> (дата обращения: 23.04.2025).

² Konkurs Polonia i Polacy za Granicą 2024 — wydarzenia i inicjatywy polonijne. 2024, *Senat*, URL: <https://www.gov.pl/web/polonia/konkurs-polonia-i-polacy-za-granica-2024---wydarzenia-i-inicjatywy-polonijne2> (дата обращения: 24.04.2025).

³ Międzyresortowy Zespół do spraw Polonii i Polaków za Granicą. 2024, *Gov.pl*, URL: <https://www.gov.pl/web/dyplomacja/miedzyresortowy-zespol-do-spraw-polonii-i-polakow-za-granica> (дата обращения: 23.04.2025).

ральной политики. На современном этапе сохранилось деление на проекты правительства и проекты Сената в отношении Полонии и поляков за рубежом. Более того, в 2024 г. при планировании бюджета на следующий год вместо 10 млн злотых в ведение верхней палаты было передано 71,5 млн. В то же время проекты Сената вновь были переведены на конкурсную основу, а функции координации диаспоральной политики были переданы Полонийному бюро верхней палаты (орган в период правления «Права и справедливости» выполнял, скорее, аналитические задачи)¹.

На этом фоне определение общих целей диаспоральной политики вернулось в сферу ведения МИД. Министерство подготовило и добилось принятия правительственной Стратегии сотрудничества с Полонией и поляками за границей на 2025—2030 гг. Документ идеологически схож с Программой сотрудничества с польской диаспорой 2015 г., но есть и существенное отличие: основной и главной целью диаспоральной политики было провозглашено сохранение и распространение польского языка, расширение программ студенческой и академической мобильности для представителей польской общины за рубежом². Фактически в документе отсутствуют цели, связанные с привлечением инвестиций от диаспоры, с продвижением позитивного образа Польши за рубежом, с адаптацией к общеевропейским нормам и правилам.

Третье правительство Д. Туска сохранило институциональное наслоение в сфере диаспоральной политики с разделением сфер ответственности между исполнительной властью и верхней палатой. Однако координатором этой работы в правительстве снова стало Министерство иностранных дел, а не канцелярия премьер-министра и уполномоченный по делам Полонии и поляков за рубежом. Возвращение в сферу реализации диаспоральной политики пары конфликтующих политиков (Р. Сикорский — Б. Борусевич) в какой-то мере выступает гарантией того, что данная неустойчивая институциональная конфигурация сохранится. В то же время в сфере диаспоральной политики не произошло резких изменений, вызванных конкуренцией с «Правом и справедливостью», хотя такие шаги отмечались в других сферах, например связанных с правосудием и медиа-деятельностью [28; 29].

Выводы

С 1989 г. диаспоральная политика Польши прошла несколько волн институциональных трансформаций (табл. 2). Если не считать период 1989—1991 гг., когда фактически учреждалась современная Третья Республика, в первое десятилетие формировался фундамент отдельной отраслевой политики в отношении Полонии и поляков за рубежом. В основе институционального дизайна этого периода была неформальная роль Сената как органа «заботы» о диаспоре, основанная на историческом опыте Второй Республики. Однако верхняя палата сама по себе не имеет зарубежных представительств и не может в постоянном режиме поддерживать контакты с соотечественниками за рубежом. Поэтому постепенно возникал вопрос о роли исполнительной власти и прежде всего Министерства иностранных дел.

¹ Posiedzenie Komisji Spraw Emigracji i Łączności z Polakami za Granicą (nr 14) w dniu 27-02-2025. 2025, *Senat*, URL: <https://www.senat.gov.pl/prace/komisje-senackie/przebieg,10793,1.html> (дата обращения: 24.04.2025).

² Rządowa strategia współpracy z Polonią i Polakami za granicą na lata 2025—2030. 2025, *Gov.pl*, URL: <https://www.gov.pl/web/dyplomacja/rzadowa-strategia-wspolpracy-z-polonia-i-polakami-za-granica-na-lata-2025-2030> (дата обращения: 24.04.2025).

Таблица 2

Институциональные трансформации диаспоральной политики Польши

Период изменения	Способ институциональной трансформации	Основные изменения	Стимул
2001 — 2004	Смещение	Приобретение МИД фактических функций наряду с Сенатом на неформальной основе	Преобладание одной партии в исполнительной и законодательной власти
2007 — 2012	Замена	Формально-юридический перевод всех основных функций и новых программ в ведение МИД	Политизированность повестки в отношении диаспоры (идейные факторы)
2016 — 2018	Замена	Формально-юридическое перевод всех функций в ведение Сената	Политизированность повестки в отношении диаспоры (идейные факторы)
2020 — 2022	Наслоение	Формально-юридическое разделение функций между Сенатом и правительством с перекосом в пользу правительства	Межпартийное противостояние
С 2024 г.	Наслоение	Расширение сферы ответственности Сената, перевод функций в исполнительную власть от канцелярии правительства в МИД	Преобладание одной партии (блока партий) в исполнительной и законодательной власти

Совмещение исторической традиции с потребностями проводить диаспоральную политику через органы исполнительной власти трижды приводило к институциональным трансформациям (2001 — 2004, 2007 — 2012, 2020 — 2022), причем типы трансформации отличались (смещение, замена, наслоение). Однако сформированные изменения оказались не слишком устойчивыми, как и попытка вернуть диаспоральную политику в ведение Сената (2016 — 2018) — каждый раз следовал отход от предложенных норм и правил взаимодействия. В этой связи отмечается постепенное снижение масштаба институциональных трансформаций — две последних попытки связаны с внесением корректировок, дополнений и поправок в существующие институциональные рамки.

В целом долгосрочным трендом развития диаспоральной политики в Польше стала постепенная формализация «правил игры». Помимо законодательства о государственных закупках, которое регулирует вопросы конкурсов для партнерских и подрядных организаций, разграничение сфер ответственности становится частью подзаконных актов (например, регламентов и постановлений палат парламента, постановлений правительства, общегосударственных программ и стратегий). Именно логика формализации позволила правительству М. Моравецкого поставить вопрос о сфере исключительного ведения исполнительной власти в ряде аспектов диаспоральной политики: в логике государственных институтов позитивное право преобладает над неписанными традициями.

Хотя обычно политику в Польше описывают как межпартийное противостояние («польско-польская война») [30; 31, с. 5 — 10], в сфере диаспоральной политики изменения часто были связаны не с конкуренцией политических сил, а с формированием их относительной монополии в органах законодательной и исполнительной власти. Кроме того, межпартийное противостояние находило отражение в отноше-

нии полонийной политики не столько на структурном уровне (одна партия отнимает ресурсы у другой), сколько на идейном (одна партия стремится больше показать свою приверженность полякам за рубежом, чем другая).

Несмотря на то что в 1991—2025 гг. Польша опробовала несколько вариантов институционального дизайна диаспоральной политики, об эффективности каждого из них судить трудно, поскольку трансформации происходили сравнительно часто и в среднесрочной перспективе сложно оценить, что было бы предпочтительнее для работы с поляками за рубежом. Аналогично финансовая эффективность — особенно для проектов в сфере культуры, телевидения, изучения языка — вряд ли может быть оценена только количественными показателями (число посещений спектаклей или музеев, время просмотра передач, количество учеников в языковых школах и на языковых курсах). Более того, несколько раз (например, в 2016 г.) происходили задержки с выделением средств из бюджета Польши, которые имели значение для качества выполнения работ по проектам.

Институциональная инерция начального периода в истории современной Польши (примерно до 1997 г.), косвенное влияние межпартийной конкуренции, а также сравнительная частота глубоких институциональных трансформаций обусловили тот факт, что, несмотря на попытки 2007—2012 гг., диаспоральная политика Польши остается отдельной отраслевой государственной политикой и не переводится полностью в ведение органов исполнительной власти, как принято в большинстве стран мира. В силу подобного сочетания инерции и дискретности не состоялся переход к «новой полонийной политике», предполагавшей централизацию управления и оптимизацию использования ресурсов государства.

Список литературы / References

1. Plewko, J. 2020, Instytucjonalne formy opieki nad emigracją z ziem polskich, Zarys problematyki, *Roczniki Nauk Społecznych*, № 37, p. 115—138, URL: <https://ojs.tnku.pl/index.php/rms/article/view/11845> (дата обращения: 24.04.2025).
2. Janowski, W. 2021, Polonia „dwóch światów”. Obraz Polonii w świetle akt Światowego Związku Polaków z Zagranicy i Towarzystwa Łączności z Polonią Zagraniczną „Polonia”, *Rocznik Filozoficzny Ignatianum*, vol. 27, № 1, p. 303—318, <https://doi.org/10.35765/rfi.2021.2701.15>
3. Wasilewski, K. 2011, Opieka nad Polonią i emigracją po 1989 roku, *Przegląd Polsko-Polonijny*, № 3 (1), p. 59—70, URL: https://www.academia.edu/download/30525346/Opieka_nad_Polonia_i_emigracja_po_1989_roku.pdf (дата обращения: 24.04.2025).
4. Веденева, В. Т. 2020, Польская миграционная политика: формирование парадигмы (1989—2019), *Мировая экономика и международные отношения*, т. 64, № 12, с. 105—112, EDN: XHNQGW, <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-12-105-112>
5. Vedeneva, V. T. 2020, Poland's migration policy: Formation of paradigm (1989—2019), *World Economy and International Relations*, vol. 64, № 12, p. 105—112, <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-12-105-112>
6. Portes, A., Landolt, P. 2000, Social capital: promise and pitfalls of its role in development, *Journal of Latin American Studies*, vol. 32, № 2, p. 529—547, EDN: FOHPGR, <https://doi.org/10.1017/S0022216X00005836>
7. Gamlen, A. 2014, Diaspora institutions and diaspora governance, *International Migration Review*, vol. 48, iss. 1, p. s180—s217, <https://doi.org/10.1111/imre.12136>
8. Lesińska, M. 2013, The dilemmas of policy towards return migration. The case of Poland after the EU accession, *Central and Eastern European Migration Review*, vol. 2, № 1, p. 77—90, URL: https://ceemr.uw.edu.pl/sites/default/files/CEEMR_Vol_2_No_1_Lesińska_The_Dilemmas_of_Policy_Towards_Return_Migration.pdf (дата обращения: 24.04.2025).
9. Fiń, A., Legut, A., Nowak, W., Nowosielski, M., Schöll-Mazurek, K. 2013, *Polityka polonijna w ocenie jej wykonawców i adresatów*, Poznań, Instytut Zachodni, URL: https://www.iz.poznan.pl/uploads/pracownicy/nowosielski/791_Iz%20PP.11.2013.Polityka%20polonijna.pdf (дата обращения: 24.04.2025).
9. Clemens, E. S., Cook, J. M. 1999, Politics and institutionalism: Explaining durability and change, *Annual Review of Sociology*, № 25, p. 441—466, EDN: HEYZCH, <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.25.1.441>

10. DiMaggio, P. J., Powell, W. W. 1983, The iron cage revisited: Institutional isomorphism and collective rationality in organizational fields, *American Sociological Review*, vol. 48, № 2, p. 147—160, <https://doi.org/10.1515/9780691229270-005>
11. Seo, M. G., Creed, W. E. D. 2002, Institutional contradictions, praxis, and institutional change: A dialectical perspective, *Academy of Management Review*, № 27 (2), p. 222—247, EDN: EEILIH, <https://doi.org/10.5465/amr.2002.6588004>
12. Glynn, M. A., D'Aunno, T. 2023, An intellectual history of institutional theory: Looking back to move forward, *Academy of Management Annals*, vol. 17, № 1, p. 301—330, EDN: QQUWEW, <https://doi.org/10.5465/annals.2020.0341>
13. Hallett, T., Hawbaker, A. 2021, The case for an inhabited institutionalism in organizational research: Interaction, coupling, and change reconsidered, *Theory and society*, vol. 50, № 1, p. 1—32, EDN: TDCDDD, <https://doi.org/10.1007/s11186-020-09412-2>
14. Bouilloud, J. P., Pérezts, M., Viale, T., Schaepelynck, V. 2020, Beyond the stable image of institutions: Using institutional analysis to tackle classic questions in institutional theory, *Organization Studies*, vol. 41, № 2, p. 153—174, <https://doi.org/10.1177/0170840618815519>
15. Bakir, C., Jarvis, D. S. L. 2017, Contextualising the context in policy entrepreneurship and institutional change, *Policy and Society*, vol. 36, № 4, p. 465—478, <https://doi.org/10.1080/14494035.2017.1393589>
16. Harty, S. 2005, Theorizing institutional change, in: Lecours, A. (ed.), *New institutionalism: Theory and analysis*, Toronto, University of Toronto Press, p. 51—79, <https://doi.org/10.3138/9781442677630-005>
17. Mahoney, J., Thelen, K. 2009, A theory of gradual institutional change, in: Mahoney, J., Thelen, K. (eds.), *Explaining institutional change: Ambiguity, agency, and power*, Cambridge, Cambridge University Press, p. 1—37, <https://doi.org/10.1017/CBO9780511806414.003>
18. Koning, E. A. 2016, The three institutionalisms and institutional dynamics: Understanding endogenous and exogenous change, *Journal of Public Policy*, vol. 36, № 4, p. 639—664, <https://doi.org/10.1017/S0143814X15000240>
19. Тамбовцев, В. Л. 2012, Институциональные изменения: к проблеме микрооснований теории, *Общественные науки и современность*, № 5, с. 140—150, EDN: PFZSDN
- Tambovtsev, V. L. 2012, Institutional changes: on the problem of microfoundations of theory, *Social sciences and contemporary world*, № 5, p. 140—150 (in Russ.).
20. Bakir, C., Jarvis, D. S. L. 2018, Institutional and policy change: Meta-theory and method, in: Bakir, C., Jarvis, D. S. L. *Institutional entrepreneurship and policy change: Theoretical and empirical explorations*, Cham, Palgrave Macmillan, p. 1—38, https://doi.org/10.1007/978-3-319-70350-3_1
21. Nowosielski, M., Nowak, W. 2017, „Nowa polityka polonijna” — obszar tworzenia wspólnoty czy przestrzeń gry interesów?, *Problemy Polityki Społecznej. Studia i Dyskusje*, № 37, p. 73—89, URL: <https://www.problempolitykispolecznej.pl/-Nowa-polityka-polonijna-nobszar-tworzenia-wspolnoty-nczy-przestrzen-gry-interesow,122749,0,1.html> (дата обращения: 24.04.2025).
22. Górecki, D. 2011, Opieka Senatu RP nad Polonią i Polakami za granicą, *Przegląd Polsko-Polonijny*, vol. 3, № 1, ps. 71—84.
23. Sendhardt, B. 2021, The paradoxical nature of diaspora engagement policies: A world polity perspective on the Karta Polaka, *Ethnopolitics*, vol. 20, № 1: Poland's Kin-State Policies: Opportunities and Challenges, p. 25—38, EDN: URMBWW, <https://doi.org/10.1080/17449057.2020.1808322>
24. Nowak, W., Nowosielski, M. 2021, Leadership struggles and challenges for diaspora policies: a case study of the Polish institutional system, *Innovation: The European Journal of Social Science Research*, vol. 34, № 1, p. 93—110, <https://doi.org/10.1080/13511610.2019.1594716>
25. Nowosielski, M., Nowak, W. 2017, Między Wschodem a Zachodem — geograficzne ukierunkowanie polityki polonijnej i jego przemiany w latach 1989—2017, *Rocznik Instytutu Europy Środkowo-Wschodniej*, vol. 15, № 1, p. 139—158.
26. Lesińska, M., Wróbel, I. 2020, Diaspora Policies, Consular Services and Social Protection for Polish Citizens Abroad, *Imiscoe Research Series*, p. 369—385, https://doi.org/10.1007/978-3-030-51245-3_22
27. Popyk, A. 2023, The Priorities and Challenges of Diaspora Education Policies in Poland and Lithuania, *Migration Studies — Review of Polish Diaspora*, (XLIX), vol. 2 (188), p. 71—92, EDN: GCRDZG, <https://doi.org/10.4467/25444972smpp.23.017.18631>

28. Дырина, А. Ф. 2024, Результаты парламентских выборов в Польше (2023): новое правительство во главе с Д. Туском, *Актуальные проблемы Европы*, № 2 (122), с. 107—122, EDN: QPBYKT, <https://doi.org/10.31249/ape/2024.02.06>

Dyrina, A. F. 2024, Results of parliamentary elections in Poland (2023): New government led by D. Tusk, *Current Problems of Europe*, № 2 (122), p. 107—122, <https://doi.org/10.31249/ape/2024.02.06> (in Russ.).

29. Михалев, О. Ю. 2024, Годовщина правительства Дональда Туска: что изменилось в Польше?, *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*, т. 42, № 6, с. 68—79, EDN: CFQMXU, <https://doi.org/10.15211/vestnikieran620246878>

Mikhalev, O. Yu. 2024, One year of Donald Tusk's government: what has changed in Poland?, *Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN* [Scientific and Analytical Bulletin of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences], vol. 42, № 6, p. 68—79 (in Russ.).

30. Лагно, А. Р., Михайлова, О. В. 2020, «Польско-польская война»: причины и последствия для политической системы, *Мировая экономика и международные отношения*, т. 64, № 2, с. 42—52, EDN: QOXBCF, <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-2-42-52>

Lagno, A. R., Mikhailova, O. V. 2020, "Polish-Polish WAR": Reasons and consequences for the political system, *World Economy and International Relations*, vol. 64, № 2, p. 42—52, <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-2-42-52>

31. Лыкошина, Л. С. 2015, «Польско-польская война»: Политическая жизнь современной Польши: монография, Москва, ИНИОН РАН, 258 с., EDN: VLVABZ

Lykoshina, L. S. 2015, *Polish-Polish war: political life in modern Poland*, Moscow, INION RAN, 258 p. (in Russ.).

Об авторе

Иван Дмитриевич Лошкарёв, кандидат политических наук, доцент кафедры политической теории МГИМО МИД России, Россия.

<https://orcid.org/0000-0002-7507-1669>

E-mail: ivan1loshkariov@gmail.com

Представлено для возможной публикации в открытом доступе в соответствии с условиями лицензии Creative Commons Attribution — Noncommercial — NoDerivativeWorks <https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/deed.en> (CCBY-NC-ND4.0)

POLAND'S DIASPORAL POLICY (1991—2025): DYNAMICS OF INSTITUTIONAL CHANGES

I. D. Loshkariov

MGIMO-University,
76 Prospekt Akademika Vernadskogo,
Moscow, 119454, Russia

Received 27 April 2025

Accepted 26 June 2025

doi: 10.5922/2079-8555-2025-3-3

© Loshkariov, I. D., 2025

The development of relations between the Polish state and its compatriots abroad has a long tradition, dating back to the period of the Second Republic. Under the model of interaction established at that time, the upper house — the Senate — was responsible for relations with the Polish diaspora (Polonia). This institutional framework was restored in the post-socialist pe-

To cite this article: Loshkariov, I. D. 2025, Poland's diasporal policy (1991—2025): dynamics of institutional changes, *Baltic Region*, vol. 17, № 3, p. 42—58. doi: 10.5922/2079-8555-2025-3-3

riod and was regarded as a means of demonstrating continuity in relations with Poles abroad. Over time, however, practical contradictions emerged, particularly concerning the allocation of funds for diaspora policy and the struggle among political forces to position themselves as defenders of the Polish diaspora. As a result, several attempts were made to reform the institutions of diaspora policy in Poland, involving both the strengthening of the executive authorities and the Senate. Theoretically, the article draws on a neo-institutional methodology and interprets the observed transformations as forms of institutional change driven both by structural factors and by the expansion of the range of actors involved in interactions within the state apparatus. The analysis demonstrates that the main trends in the transformation of diaspora policy institutions in Poland between 1991 and 2025 were the formalization of institutional design, the gradual reduction in the scope of implemented changes, and the general incompleteness of the transformations, which stemmed from their relative frequency and inter-party competition, primarily between the Civic Platform and Law and Justice.

Keywords:

diaspora policy, Polonial policy, Polonia, Poland, institutional transformations

The author

Dr **Ivan D. Loshkariov**, Associate Professor, Department of Political Theory, MGIMO University, Russia.

<https://orcid.org/0000-0002-7507-1669>

E-mail: ivan1loshkariov@gmail.com

Submitted for possible open access publication under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution – Noncommercial – No Derivative Works <https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/deed.en> (CC BY-NC-ND 4.0)

ХКУКУУ

ПОЛИТИКО-СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ И РИСКИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОГРАММЫ АТОМНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ В ПОЛЬШЕ

И. И. Жуковский

ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН,
117997, Россия, Москва, ул. Профсоюзная, 23

Поступила в редакцию 23.07.2025 г.
Принята к публикации 25.08.2025 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2025-3-4
© Жуковский И. И., 2025

Программа создания принципиально новой отрасли экономики страны — атомной энергетики — является амбициозной задачей стратегического характера, которую реализует Польша, последовательно наращивающая свое политико-экономическое влияние и в рамках Европейского союза, и в масштабах глобальной системы международных отношений. Атомная генерация, по замыслу, позволит Польше преодолеть колено существующего энергетического баланса, сформировать условия для выполнения требований климатической политики Европейского союза, и положительно отразится на конкурентоспособности экономики. Отсутствие собственного технологического задела для реализации программы диктует необходимость привлечения внешнего поставщика технологий — как в части создания самих блоков, так и в части строительства сопутствующей инфраструктуры. Выбор зарубежного технологического партнера предопределен геополитической ситуацией и системой политико-экономических связей, которые возникают как следствие такого решения. Ход реализации программы и ее завершение будут иметь серьезные внешнеполитические последствия для региональной системы международных отношений.

В статье, опирающейся на методы системного и институционального анализа, впервые в российском исследовательском контуре изучены политико-стратегические факторы реализации программы атомной энергетики в Польше, отраженные в документах стратегического планирования. В рамках реализации эмпирического исследования автор рассматривает программу атомной энергетики как многоаспектный политический и стратегический проект, обращает внимание на специфику сопутствующих внутривнутриполитических процессов, а в качестве прикладного измерения исследования определяет внешнеполитические следствия и оценивает риски реализации программы.

Ключевые слова:

польская программа атомной энергетики, документы стратегического планирования, АЭС, политическая динамика

Исследовательское поле.

Постановка проблемы. Методы и источники

В эпоху обострения мирового политического кризиса и начала горячей фазы украинского конфликта Польша предпринимает активные действия по определению места в системе международных отношений, соответствующего пониманию

Для цитирования: Жуковский И. И. Политико-стратегические факторы и риски реализации программы атомной энергетики в Польше // Балтийский регион. 2025. Т. 17, № 3. С. 59–80.
doi: 10.5922/2079-8555-2025-3-4

политическими элитами ее роли в украинском конфликте, экономическому потенциалу, территории и численности населения, возможности влияния на соседние страны в Восточной Европе и — шире — в Балтийском регионе. После прихода к власти в 2023 г. правительства Дональда Туска и возвращения на пост министра иностранных дел Радослава Сикорского внешняя политика страны, опирающаяся на стремительную модернизацию вооруженных сил и развитие особых союзных отношений с США, приобретает все более широкий характер, выходя за пределы традиционной зоны политико-экономического освоения, реализуя заявленные амбиции стать лидером Европейского союза, определять будущий облик этого интеграционного объединения [1]. Разумеется, стремление польских политиков построить «систему многих зависимостей» от своего внешнеполитического патрона выражается не только в политико-символических аспектах, но и в конкретных экономических проектах: в многомиллиардных закупках американских вооружений, оборонных технологий [2], в заявленных встречных инвестиционных проектах на польской земле технологических гигантов из США («Амазон», «Майкрософт», «Гугл»). Важным представляется понимать замысел создания и ход реализации национальной программы атомной энергетики (далее — ПАЭ), которые укладываются в общую рамку повышения политико-экономического влияния Варшавы в системе международных отношений и закрепления стратегических отношений с Вашингтоном, ключевым поставщиком технологических решений для первой АЭС в стране.

Для системы российского внешнеполитического планирования и прогнозирования чрезвычайно важно изучать различные аспекты и ход реализации польской программы атомной энергетики по причинам ее непосредственного влияния на динамику региональной системы международных отношений, формирования новых энергетических альянсов и технологических партнерств с внерегиональными игроками (США, Франция, Южная Корея), снижения потребностей в российских энергоресурсах, которые тем не менее все еще используются в Польше в настоящий момент (русская доля в импорте сжиженного газа в первом квартале 2025 г. составила более 18 %, а за весь 2024 г. — около 43 %)¹.

Понимая программу создания атомной энергетики как комплексный политический и стратегический проект, определяющий долгосрочные приоритеты страны, автор сформулировал следующую цель статьи: определить, каким образом отражается в контурах внутренней и внешней политики программа создания национальной атомной энергетики Польши во взаимодействии с зарубежными партнерами.

Для достижения исследовательской цели были поставлены следующие задачи: 1) проанализировать документы стратегического планирования в сфере реализации национальных интересов на предмет выявления политико-стратегических факторов создания атомной энергетики в стране и условий выбора зарубежного технологического партнера; 2) обозначить границы внутривнутриполитической дискуссии о программе атомной энергетики; 3) оценить внешнеполитические последствия программы атомной энергетики для системы международных отношений в регионе и определить риски ее реализации.

Опираясь на методы системного и институционального анализа, автор в качестве эмпирической основы исследования использует документы стратегического планирования в сфере реализации национальных интересов (в сфере внешней политики, социально-экономического развития), тексты межправительственных со-

¹ Import LPG znów rośnie. Rosja znaczącym dostawcą do Polski, 2025, *Money.pl*, URL: <https://www.money.pl/gospodarka/import-lpg-znow-rosnie-rosja-znaczącym-dostawca-do-polski-7162180421229248a.html> (дата обращения: 20.08.2025).

глашений, массив избирательных программ релевантных кандидатов на пост президента страны в 2025 г., официальные выступления и заявления политического руководства Польши, существующие стратегии и программы инфраструктурного развития, а также корпус законодательных актов и иных документов, связанных с подготовкой и реализацией польской программы атомной энергетики.

В ходе анализа границ политической дискуссии автором применяется метод сравнительного анализа содержания действующих документов стратегического планирования и релевантных элементов избирательных программ зарегистрированных кандидатов на пост президента в 2025 г., что дает возможность выявить ключевые параметры внутриполитической дискуссии и оценить возможные сценарии взаимодействия правительства и президента по вопросу реализации национальной программы атомной энергетики. Для уточнения внутриполитической динамики, сопровождавшей реализацию ПАЭ, применяется историко-политический анализ, позволяющий проследить эволюцию подходов к пониманию возможности и желательности реализации программы атомной энергетики — от попытки строительства АЭС на основании советских технологических решений до современного облика программы. Для реализации прикладной задачи исследования — определения внешнеполитических следствий и оценки рисков реализации программы атомной энергетики в Польше — автор использует метод построения сценариев в совокупности с методами экспертной оценки.

Подходы к исследованию польской программы атомной энергетики

Приступая к анализу существующих исследовательских подходов к проблематике польской программы атомной энергетики, необходимо отметить, что в профильном информационном поле (на экспертных ресурсах, связанных с развитием атомной энергетики в мире) присутствует довольно много несистематизированной и обрывочной информации по различным аспектам реализации польской программы атомной энергетики, представляющей из себя в большинстве случаев переводы пресс-релизов и сообщений государственных органов власти Польши, технологических партнеров проекта и сообщений, получаемых по линии МАГАТЭ. Политико-стратегических исследований факторов реализации программы немного, они лишь начинают появляться как в российском, так и в зарубежном исследовательских контурах.

В качестве исходной для исследователя позиции зафиксируем следующее: политическое давление со стороны ЕС на ускорение энергетической трансформации в опирающейся на угольную генерацию Польше растет из-за необходимости соблюдения требований климатической повестки, а во внутриполитическом контуре — для обеспечения энергетической безопасности и гарантирования условий для конкурентоспособности экономики. В 2024 г. зафиксирован рекордный спад доли угля в энергобалансе страны — его вклад сократился до 56,2 %, что свидетельствует о постепенном, но устойчивом отходе от традиционно доминирующего энергоносителя, при параллельном усилении роли возобновляемых источников энергии (ВИЭ), чья доля в общем объеме производства достигла 29,4 % [27]. Согласно прогнозам отраслевых экспертов, потребление электроэнергии в Польше будет расти быстрыми темпами — к 2050 г. оно может увеличиться на 40—60 % (в зависимости от экономического сценария), до 70—80 % в структуре производства энергии будет формироваться за счет ВИЭ¹. С учетом обязательств Польши перед ЕС по

¹ Czy stać nas na elektrownie jądrowe? 2025, *Energetyka24.com*, URL: <https://energetyka24.com/atom/wiadomosci/czy-stac-nas-na-elektrownie-jadrowe-kilka-slow-o-ekonomii-atomu> (дата обращения: 19.08.2025).

выводу генерирующих угольных мощностей единственным надежным источником их компенсации, по задумке польского правительства, является атомная энергетика: документы стратегического планирования (включая «Энергетическую политику Польши до 2030 года» от 2010 г.¹ и «Программу атомной энергетики Польши» от 2014 г.²) предусматривали включение атомной генерации в качестве ключевого элемента декарбонизации энергетического сектора. В соответствии с утвержденными сценариями, отраженными в упомянутых документах, первый энергоблок должен начать работу к 2036 г., а к 2043 г. суммарная установленная мощность АЭС в стране должна составить 6—9 ГВт, что позволит покрыть те самые недостающие 20—30 % прогнозируемого внутреннего спроса на электроэнергию и обеспечить стабильность в условиях перехода от угольной генерации.

Программа атомной энергетики и шире — проблематика энергоперехода и энергетической безопасности Польши — изучаются через оптику нескольких методологических подходов, среди которых чаще всего представлены геополитический и экономический анализ.

В рамках геополитического подхода развитие атомной энергетики Польши рассматривается как «аналитика намерений», то есть общей для стран региона Центральной Европы и части стран Балтийского региона возможности принятия политических решений в сфере энергетической безопасности и их реализации. В этой связи необходимо отметить исследования С. А. Кувалдина, в которых раскрывается специфика атомной энергетики стран Центральной и Восточной Европы через призму энергетической политики ЕС [3; 4]. Особенностью российского академического дискурса по указанной проблеме можно назвать стремление исследователей к сравнительному анализу региональной энергетической политики без глубинного изучения политико-экономических факторов реализации польской программы (см. например: [5; 6]). Для понимания формирующейся роли Польши в регионе Балтийского моря и прогнозирования динамики региональной системы международных отношений с учетом возникающей «системы многих связей» с США, реализуемой польским правительством в условиях надпартийного консенсуса по внешней политике страны, важными являются ряд исследований по общерегиональной (балтийской) проблематике [7—12].

Долгосрочные эффекты национальной программы атомной энергетики для энергетической безопасности страны в контексте энергетической политики ЕС интенсивно исследуются в польском экспертном сообществе с фокусом на возможные следствия для международного энергетического сотрудничества и закрепление трансатлантического партнерства как по линии двустороннего сотрудничества с США, так и по линии НАТО [13—15; 28]. Какой-либо серьезной экспертной и политической дискуссии в Польше об альтернативах программе атомной энергетики не ведется: подавляющее большинство публикаций и в рамках геополитического, и в рамках экономического подхода сходятся в желательности и неизбежности — в логике долгосрочного развития страны — перехода к атомной генерации. Аналитический доклад об альтернативах развития энергосистемы Польши в контексте климатических и экономических требований ЕС Института энергетики факультета управления Варшавского университета в этом ряду представляет собой прекрасный пример продвижения логики «атомной энергетики как безальтернативного выбора» [28, с. 10].

¹ Polityka energetyczna Polski do 2030 r. Obwieszczenie Ministra Gospodarki z dnia 21 grudnia 2009 r. w sprawie polityki energetycznej państwa do 2030 r., 2010, *Monitor Polski*, № 2, poz. 11.

² Uchwała № 15/2014 Rady Ministrów z dnia 28 stycznia 2014 r. w sprawie programu wieloletniego pod nazwą „Program polskiej energetyki jądrowej”, 2014, *Monitor Polski*, poz. 502.

Экономический подход к рассматриваемой проблеме относится к «аналитике потенциала», обусловленной логикой общего экономического развития Польши, в рамках которого оценивается целесообразность ПАЭ, долгосрочные экономические тренды и влияние на энергобаланс страны, а также возможное влияние на экономическое развитие климатической политики ЕС и возникающие обязательства по переходу к низкоуглеродной экономике [16—21; 29]. С экономическим подходом связаны и попытки оценить возможное использование технологических решений в виде малых модульных реакторов (далее — ММР) для решения отраслевых задач и покрытия выпадающих (в связи с истечением предельных сроков эксплуатации угольных электростанций) мощностей в крупных промышленных районах Польши [22]. В этой связи важным представляется обзор существующих в мире проектов ММР и их экспортного потенциала, выполненный А. С. Дьяковым [23], из чего можно обоснованно сделать вывод, что в случае принятия решения об использовании ММР в рамках обсуждаемых проектов польских частных корпораций технологическим партнером будет только США, использующие экспортные контракты в сфере атомной энергетики как геополитический инструмент. Примером качественного экономического анализа служит аналитический доклад польского исследовательского центра «Рынок энергии» авторства К. Квидзиньского и М. Дусило, в котором на массиве актуальных данных по структуре энергобаланса и детальном разборе экономических оснований энергетической политики показаны направления энергоперехода, подтверждающие фактическую безальтернативность атомной энергетики для страны [27].

Отметим, что дополнительной сложностью в изучении проблематики ПЭА и для российских, и для зарубежных исследователей стала институциональная нестабильность системы государственной власти в Польше, выражающаяся в передаче компетенций из одних министерств и ведомств в другие, в создании новых государственных агентств, наделяемых полномочиями в сфере социально-экономического планирования и развития программ энергетики, в том числе атомной. Автор в настоящем исследовании использует наименования государственных институтов и субъектов энергетической политики, вовлеченных в планирование и реализацию ПАЭ, актуальные на момент рассматриваемых событий в рамках историко-политического аспекта статьи.

Политико-стратегические факторы в документах стратегического планирования

Документом, который сформировал правовые рамки для польской программы атомной энергетики стало Решение Совета министров от 13 января 2009 г.¹, в котором закреплялась необходимость подготовки и реализации ПАЭ, что преподносилось как одно из ключевых стратегических результатов первого периода работы правительства Дональда Туска. Для координации действий между ведомствами, органами местного самоуправления и бизнесом была учреждена должность уполномоченного правительства по вопросам атомной энергетики (в статусе заместителя министра экономики)², которую до 2014 г. занимала Ханна Трояновска³,

¹ Uchwała № 4/2009 Rady Ministrów z 13 stycznia 2009 r. w sprawie działań podejmowanych w zakresie rozwoju energetyki jądrowej.

² Rozporządzenie Rady Ministrów z dnia 12 maja 2009 r. w sprawie ustanowienia Pełnomocnika Rządu do spraw Polskiej Energetyki Jądrowej (Dz.U. 2009 № 72 poz. 622).

³ Выпускница Пражского политехнического университета по специальности «атомная энергетика», имеющая в национальном и международном сообществе репутацию высококлассного эксперта по вопросам проектирования и управления объектами энергетической инфраструктуры.

работавшая до своего назначения директором департамента атомной энергетики «Польской энергетической группы» (*пол.* Polska Grupa Energetyczna, *англ.* PGE Group). Уполномоченному поручалось подготовить и представить на утверждение Правительству проект «Польской программы атомной энергетики», в котором должны быть представлены технические требования к поставщикам технологий, экономическое обоснование, а также возможные места расположения атомных электростанций. Ключевым промышленным партнером для проработки ПАЭ решением правительства была определена упоминаемая выше компания «Польская энергетическая группа», в публичной коммуникационной практике которой появился раздел о снижении зависимости от угольной генерации и необходимости перехода к энергетике нового поколения, включая решения в сфере создания атомных электростанций.

В части публичного обоснования необходимости строительства АЭС в Польше используются три группы аргументов: энергетическая безопасность страны, климатическая политика и окружающая среда, экономическое развитие и инвестиционная привлекательность национальной экономики. Отметим, что структура аргументации не изменилась вплоть до настоящего момента, она сохранена и в действующей редакции «Польской программы атомной энергетики». Необходимость строительства АЭС в Польше была включена в 2010 г. в правительственную «Стратегию энергетической политики до 2030 года»¹ (имеющую «закрытый» характер, публикуемую лишь частично) в контексте необходимости диверсификации источников энергии для национальной экономики и снижения уровня зависимости от внешних поставщиков энергоресурсов. Снижение энергетической зависимости от поставок энергоресурсов из России стало одним из важнейших аргументов, продвигаемых администрацией президента Леха Качинского во внутривластной повестке с 2008 г., исходившего из неминуемого столкновения интересов Польши и России в регионе, в том числе сценария той или иной формы агрессии против своей страны². Стремление к энергетической независимости (понимаемое, по сути, как развитие собственной генерации и построение системы международных поставок энергоресурсов из союзных стран, замещающих российские) стало восприниматься в польском политическом дискурсе как его идейное наследие и стало ключевым для правоконсервативной партии «Право и справедливость».

Отметим, что в это же время начинается строительство крупных промышленных парков для иностранных инвесторов, в которых впоследствии размещались ориентированные на рынок ЕС предприятия машиностроения, промышленной химии и производства электроники с высоким потреблением электроэнергии (в Познани, Вроцлаве, Лодзе), частью инвестиционных контрактов которых были обязательства по сохранению фиксированной цены за электроэнергию для промышленных целей на периоды реализации инвестиционных проектов, а также публичные обязательства по наращиванию доли чистой энергии в поставках (для соответствия так называемым проэкологическим политикам компаний-производителей), что создавало дополнительное давление на рынке польских поставщиков электроэнергии, использующих преимущественно «угольную» генерацию.

¹ Информация о принятии «Стратегии» была опубликована в порядке уведомления от имени министра экономики: *Polityka energetyczna Polski do 2030 r. Obwieszczenie Ministra Gospodarki z dnia 21 grudnia 2009 r. w sprawie polityki energetycznej państwa do 2030 r.*, 2010, *Monitor Polski*, № 2, poz. 11.

² Выступление президента Польши Леха Качинского в Тбилиси, 2008, *Oficjalna strona Prezydenta Rzeczypospolitej Polskiej*, 12.08.2008, URL: <https://www.prezydent.pl/kancelaria/archiwum/archiwum-lecha-kaczynskiego/aktualnosci/rok-2008/wizyta-prezydenta-rp-w-gruzji,26753,archive> (дата обращения: 12.07.2025).

Параллельно началась экспертная работа над обновлением национального законодательства, позволяющего разрабатывать и реализовывать проекты в сфере атомной энергетики (подробнее см.: [24]): корпус новых законодательных актов, подготовленный с участием Ханны Трояновской, включал в себя актуализацию и систематизацию существующих регулирующих документов (так называемое «Атомное право»¹) и новый «Закон о подготовке и осуществлении инвестиций в объекты атомной энергетики и сопутствующих инвестициях»². Законодательно было предусмотрено, что принципиальное решение от имени государства о начале реализации инвестиционного проекта принимается министром экономики (обеспечивающим соблюдение политических и экономических интересов страны) при наличии положительного заключения Евроатома (в соответствии со ст. 41—43 Договора о создании Европейского сообщества по атомной энергии³) и руководителя Агентства внутренней безопасности Польши (оценивающего проект с точки зрения долгосрочных эффектов для национальной безопасности).

«Программа польской атомной энергетики» — стратегический правительственный документ, принятый Советом министров 28 января 2014 г.⁴ в период нахождения у власти либерального правительства Дональда Туска, представляет собой «дорожную карту» строительства атомной электростанции в Польше и создания сопутствующей инфраструктуры. В этом документе определены задачи, которые должны быть реализованы на уровне правительства, на уровне инвестора, надзорных органов и других субъектов, участвующих в реализации программы.

Отметим, что реализация программы в части замещения вырабатывающих свой ресурс блоков угольной генерации является одним из ключевых инструментов адаптации польской энергосистемы к требованиям климатической и энергетической политики Европейского союза, которые Польша обязана исполнять: обязательство перехода к источникам с нулевым либо низким уровнем выбросов CO₂ при гарантированном бесперебойном снабжении электроэнергией в польских условиях может быть реализовано лишь при создании в стране атомной энергетики⁵.

После ратификации Польшей в октябре 2016 г. Парижского соглашения по климату правоконсервативное правительство Беаты Шидло вынуждено было маневрировать между политическим давлением со стороны Европейского союза и принятыми обязательствами по снижению выбросов CO₂ и необходимостью сохранить политическую поддержку избирателей и обеспечить сохранение рабочих мест в угольной отрасли, найти компромисс с влиятельными руководителями профсоюзов и директорами угледобывающих и генерирующих предприятий по вопросам программы развития национальной энергетики. Отражением попытки балансировать между политическими интересами правых консерваторов, климатическими обязательствами перед Европейской комиссией и лоббистами крупных энергоемких проектов стал «Национальный климатический и энергетический план 2021—2030»⁶, принятый в 2019 г.: в нем прямо указывалось на использование решений в области атомной энергетики для обеспечения энергетической безопасности страны.

¹ Ustawa z dnia 13 maja 2011 r. O zmianie ustawy — Prawo atomowe oraz niektórych innych ustaw, 2011, *Dziennik Ustaw*, № 132, poz. 766.

² Ustawa z dnia 29 czerwca 2011, 2011, *Dziennik Ustaw*, № 135, poz. 789.

³ Traktat ustanawiający Europejską Wspólnotę Energii Atomowej, 2025, *EUR-Lex*, URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/PL/TXT/?uri=CELEX:12012A/TXT> (дата обращения: 12.07.2025).

⁴ Uchwała № 15/2014 Rady Ministrów z dnia 28 stycznia 2014 r. w sprawie programu wieloletniego pod nazwą „Program polskiej energetyki jądrowej”, 2014, *Monitor Polski*, poz. 502.

⁵ Uchwała № 15/2014 Rady Ministrów z dnia 28 stycznia 2014 r. w sprawie programu wieloletniego pod nazwą „Program polskiej energetyki jądrowej”, 2014, *Monitor Polski*, poz. 502. S. 3.

⁶ Krajowy Plan na rzecz Energii i Klimatu na lata 2021—2030, Warszawa, 2019.

Работа над ПАЭ стала менее публичной, продолжалась на уровне переговоров с потенциальными поставщиками технологических решений и проработки инфраструктурных проектов, сопряженных со строительством АЭС. Именно в период с 2016 по 2017 г. возобновились интенсивные переговоры на экспертном и политическом уровнях с профильными правительственными агентствами США, Франции и Японии о возможных технологических решениях при строительстве АЭС и сроках их реализации. В начале 2020 г. начались экспертные консультации аналогичного характера с южнокорейской компанией «Корея Гидро Ньюклар Пауэр» (англ. Korea Hydro & Nuclear Power, далее — КГНП), которая в 2022 г. при политической и финансовой поддержке правительства своей страны официально направило оферту¹ по строительству шести блоков с реакторами APR-1400 общей мощностью 8,4 ГВт (в скобках отметим, что эти реакторы были объектом лицензионного спора со стороны компании «Вестингауз» (англ. Westinghouse), не признающей возможность использования APR-1400 для экспортных поставок). Южнокорейское предложение было логическим развитием начавшегося масштабного военно-технического сотрудничества между двумя странами, в рамках которого Польша не только закупала новейшие образцы военной техники, но и получала доступ к современным технологическим решениям от производителей законтрактованных самолетов, танков и ракетных систем, приспосабливая предприятия ВПК к обслуживанию и — в отдельных случаях — к производству техники (либо ее элементов) на территории страны [2]. Двадцатого августа 2025 г. стало известно о выходе КГНП из проекта в Польше, что фактически лишило польское правительство переговорной позиции в отношении американского технологического партнера в части возможного альтернативного решения по строительству АЭС².

После принятия политического решения о выборе США в качестве поставщика технологий (о чем ниже) возникла необходимость соответствующей корректировки содержания «Программы польской атомной энергетики», целью которой в актуальной на момент исследования версии заявлено введение в эксплуатацию атомных электростанций общей установленной мощностью от 6 до 9 ГВт на основе технологий, использующих реакторы поколения III / III+. Актуальная на момент подготовки исследования версия документа была принята правоконсервативным правительством Матеуша Моравецкого 2 октября 2020 г.³

ПАЭ определила 27 потенциальных площадок для размещения АЭС, среди которых были предложены три приоритетные локации на побережье Балтийского моря, имеющие возможность неограниченно использовать морскую воду в технологическом цикле. Графиком реализации был предусмотрен ввод в эксплуатацию двух АЭС с тремя реакторами на каждой: сооружение первого реактора планируется начать в 2026 г., его фактический запуск в коммерческую эксплуатацию должен состояться в 2036 г., а завершиться программа должна вводом в эксплуатацию последнего реактора на второй АЭС в 2043 г.

Обратим внимание, что в документе предусмотрена закупка топлива на конкурентной основе (не менее двух конкурентов на поставку) по итогам завершения первого 10-летнего топливного контракта с «Вестингаузом», но круг поставщиков политическим решением ограничивается странами «НАТО либо иными стабиль-

¹ Korea's KHNP inks nuclear power plant deal with Poland, 2025, *KED Global*, URL: <https://www.kedglobal.com/energy/newsView/ked202210310017> (дата обращения: 20.08.2025).

² KHNP confirms business closure in Poland amid controversy over Westinghouse deal, 2025, *Yonhap News Agency*, URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20250819010300320> (дата обращения: 20.08.2025).

³ Uchwała № 141 Rady Ministrów z dnia 2 października 2020 r. w sprawie aktualizacji programu wieloletniego pod nazwą „Program polskiej energetyki jądrowej”, 2020, *Monitor Polski*, z dnia 16 października 2020 r., poz. 946.

ными политически странами с рыночной экономикой, с которыми Польша поддерживает хорошие отношения»¹, что сужает круг потенциальных поставщиков топлива до нескольких стран. Договоры на поставку топлива должны будут заключаться в соответствии с требованиями Европейского союза (EURATOM) и руководящими принципами Агентства по поставкам Euratom (Euratom Supply Agency — ESA). До сих пор нерешенным остается вопрос о локализации хранилища отработанного ядерного топлива, но новая версия ПАЭ должна дать ответ на этот вопрос.

Технические, экономические решения и вопросы безопасности АЭС должны получить формальное согласование Европейской комиссии в рамках применения так называемого «уведомления» в рамках действующего договора с «Евроатомом». Это является обязательным требованием для проектов в сфере атомной энергетики в государствах — членах Европейского союза, что позволяет Европейской комиссии сформировать заключение на предмет соответствия реализуемой программы целям «Евроатома», принятым нормам безопасности, техническим и экономическим аспектам проекта.

Финансовая модель «Программы польской атомной энергетики» предусматривает определение одной технологии для всех АЭС и контрактацию с инвестором, связанным с поставщиком технологий. При этом предполагалось сохранение доли Министерства государственного имущества в компании «Польские атомные электростанции»² (пол. *Polskie Elektrownie Jądrowe*) минимум в 51 %. Компания выступает оператором ПАЭ и с польской стороны является ответственным исполнителем «Соглашения между правительством Польши и правительством США о сотрудничестве по развитию гражданской ядерной энергетической программы в Польше» от 2019 г.³

В свете обострения внутривластной борьбы в преддверии парламентских выборов осени 2023 г. правительство Матеуша Моравецкого приступило к «пропаганде успехов» по всем приоритетным направлениям политико-экономической повестки, в том числе и по ПАЭ: результатом чего стало подписание ряда стратегических документов с американскими партнерами, в которых формально был озвучен выбор технологического партнера («Вестингауз»)⁴, определены параметры взаимодействия с «Бектел» — исполнителем строительных работ (англ. *Bechtel*), и 25 мая 2023 г. в Варшаве подписано формальное соглашение консорциума «Вестингауз» и «Бектел» с компанией «Польские атомные электростанции» (пол. *Polskie Elektrownie Jądrowe*) о принципах реализации проекта на этапе проектирования и строительства⁵. Двадцать седьмого сентября 2023 г. — за несколько недель до парламентских выборов — был подписан контракт на оказание инжинирин-

¹ Ibid., s. 8.

² Оператор «Polskie Elektrownie Jądrowe» был создан «Польской энергетической группой» в консорциуме с несколькими польскими энергетическими компаниями в 2009 г. под названием «PGE EJ», в 2021 г. был выкуплен государством и переименован.

³ Porozumienie o współpracy między Rządem Stanów Zjednoczonych Ameryki a Rządem Rzeczypospolitej Polskiej dotyczące strategicznej współpracy w zakresie energii jądrowej wykorzystywanej do celów cywilnych, Waszyngton, 2019, *Instytut Europy Środkowej*, 12.06.2019, URL: <https://www.premier.gov.pl/files/files/porozumienie-tlumaczenierobocze.pdf> (дата обращения: 12.07.2025).

⁴ Uchwała №215/2022 Rady Ministrów z dnia 2 listopada 2022 r. w sprawie budowy wielkoskalowych elektrowni jądrowych w Rzeczypospolitej Polskiej, 2025, *Gov.pl*, URL: <https://www.gov.pl/web/polski-atom/uchwala-rzadu-o-wyborze-usa-do-pierwszej-polskiej-elektrowni-jadrowej> (дата обращения: 12.07.2025).

⁵ Pierwsza elektrownia jądrowa w Polsce powstanie w ramach konsorcjum spółek Westinghouse i Bechtel, 2025, *Gov.pl*, URL: <https://www.gov.pl/web/klimat/pierwsza-elektrownia-jadrowa-w-polsce-powstanie-w-ramach-konsorcjum-spolek-westinghouse-i-bechtel> (дата обращения: 12.07.2025).

говых услуг применительно к конкретной площадке «Любятково-Копалино»¹, что было использовано на решающем этапе предвыборной кампании как один из важнейших результатов работы правительства «Права и справедливости», имеющих долгосрочное политическое и экономическое значение.

После возвращения на пост премьера Дональда Туска в конце 2023 г., возглавившего коалиционное правительство либерально-центристского профиля, началась работа по обновлению ПАЭ, что было продиктовано не только необходимостью определить конкретные механизмы финансирования программы, но и политической задачей девальвации наследия правоконсервативного правительства партии «Право и справедливость». По существующим оценкам, обновленная редакция ПАЭ, которая сохранит принципиальную преемственность с предыдущими версиями в части целей, задач, обоснования необходимости строительства и технологических и инфраструктурных решений, вступит в силу во второй половине 2025 г. (общественные консультации стартовали в конце июня). Важным элементом обновленной ПАЭ должно стать обоснование решения о технологии строительства второй АЭС в стране — южнокорейская альтернатива для проекта «Вестингауз» до середины августа 2025 г. рассматривалась как реальная с размещением в Центральном промышленном районе, продолжаются консультации с представителями японского и французского секторов атомной энергетики (что необходимо оценивать как реализацию стратегии Польши по улучшению своей переговорной позиции в отношении условий финансирования второй АЭС). Этот документ будет решать прежде всего политическую задачу укоренения в политико-экономической повестке стран лидирующей роли «Гражданской платформы» в создании новой отрасли экономики в стране, что имеет потенциал использования во внутривнутриполитической борьбе с оппонентами, которая приобретает в последние годы практически экзистенциальный характер, нередко преодолевая установленные национальным законодательством границы политической конкуренции.

О границах внутривнутриполитической дискуссии

В данной части статьи исследовательским намерением автора стало определение границ политической дискуссии о реализации национальной программы атомной энергетики на показательных примерах, демонстрирующих рамки возможного и допустимого во внутривнутриполитической повестке: политической обусловленности решения о выборе зарубежного поставщика технологий и программных заявлениях об атомной энергетике релевантных² кандидатов на пост президента Польши в выборах 2025 г.

Сама тематика атомной энергетики присутствует в польском экспертном и общественно-политическом дискурсе уже длительное время, с периода создания Института ядерных исследований³ (*пол.* Instytut Badań Jądrowych, *англ.* Institute for Nuclear Research) в 1955 г. под Варшавой, где с 1974 г. и до настоящего времени эксплуатируется единственный в стране атомный реактор «Мария» (мощностью в 30 МВт, изначально спроектированный для использования высокообогащенного урана, но к 2012 г. переведенный на применение низкообогащенного топлива).

¹ Historyczna umowa umożliwiła rozpoczęcie prac dla wskazanej lokalizacji pierwszej w Polsce elektrowni jądrowej, 2025, *Westinghouse Nuclear*, URL: <https://info.westinghousenuclear.com/poland/news-and-insights/historyczna-umowa-umozliwia-rozpoczecie-prac-dla-wskazanej-lokalizacji-pierwszej-w-polsce-elektrowni-jadrowej> (дата обращения: 12.07.2025).

² В следующем понимании: оба кандидата, вышедших во второй тур голосования, и кандидат, занявший третье место.

³ См. Instytut Badań Jądrowych, 2025, *Portal nuclear.pl*, URL: <https://nuclear.pl/polska,ibj,instytut-badan-jadrowych,0,0.html> (дата обращения: 12.07.2025).

В этом же центре с 1958 по 1995 г. работал построенный по советской технологии реактор «ЭВА», обладавший после модернизации в середине 1960-х гг. мощностью до 10 МВт. Нарботанные компетенции в сфере строительства, эксплуатации и модернизации атомных реакторов и создания технологических решений в сфере безопасности систем управления позволили впоследствии Институту и созданным на его основе предприятиям включиться в производственные цепочки при строительстве АЭС и исследовании их характеристик как в самой Польше, так и в других странах (Болгария, Венгрия, СССР / Россия, Чехословакия / Чехия). Институт ядерных исследований был опорной научной организацией¹ для проекта строительства около Гданьска АЭС «Жарновец» с помощью безальтернативных в тот исторический период для Польши советских технологий на основе реакторов серии ВВЭР-440, реализация которого началась в 1982 г. Сроки строительства АЭС несколько раз сдвигались из-за общественно-политического и экономического кризиса в стране, а после Чернобыльской катастрофы рост негативных по отношению к проекту настроений резко усилился, что подкреплялось и общим антисоветским трендом в обществе. Чернобыльская авария в серьезной степени скомпрометировала в польском обществе и саму идею атомной энергетики, и советские технологии в целом [15, с. 20]. В результате массовых протестов экологических активистов и блокировки силами инициативных жителей региона транспортных путей к строительной площадке было решено провести локальный референдум на территории Гданьского воеводства, по итогам которого проект на высокой стадии инфраструктурной готовности был остановлен решением польского правительства.

Последовавшие на рубеже веков процессы социально-политической трансформации в Польше и реализация экстраординарных задач внутренней и внешней политики, связанных со вступлением в евроатлантические структуры, сформировали четкую ориентацию на преодоление исторически сложившегося опыта взаимодействия Польши и России в сфере атомной энергетики. Другими словами, вступление в НАТО и ЕС в польском случае предопределило принципиальную невозможность использования российского технологического партнера в реализации польской программы атомной энергетики, когда в самом начале XX в. идея собственных АЭС вновь появилась на повестке дня в политических и деловых кругах.

На ранних этапах экспертного обсуждения концепции строительства АЭС (2006—2009) оценивались возможности потенциальных поставщиков технологий из пяти стран (США, Япония, Франция, Россия и Китай), причем российская и китайская опции рассматривались скорее для контекста, при четком понимании политической невозможности принятия решения о выборе технологического партнера в их пользу. «Польская энергетическая группа» после получения статуса ответственного исполнителя проекта подписала в 2010 г. рамочные соглашения о сотрудничестве с французской корпорацией «Арева» (англ. Areva Group), американской «Вестингауз» и японско-американским консорциумом «ДжЭ Хитачи» (англ. GE Hitachi Nuclear Energy).

Необходимо упомянуть, что в 2009—2010 г. Росатом на уровне руководства «Польских энергетических сетей» проводил зондирование возможности поставлять на рынок электроэнергию с Балтийской АЭС в Калининградской области, активная фаза строительства которой началась в феврале 2010 г. В 2011—2013 гг. началась полноценная информационная кампания в польских СМИ, главным содержанием которой стал посыл о возможности получения доступной (и чистой) электроэнергии из России, что налагывалось на продвигаемую правительством Дональда

¹ Аналогичная роль Института предполагалась и в планируемой к строительству в Польше второй АЭС «Варта», и в разрабатываемым по «закрытым тематикам» решениям по использованию атомных реакторов для гражданского и военного судостроения на польских верфях.

Туска «перезагрузку» в российско-польских отношениях. Предполагалось, что через трансграничную линию из Калининградской области России¹ может поставляться до 8 % от ежегодной потребности страны по фиксированной цене, причем Росатом обсуждал возможность иностранным инвесторам (в том числе и польским) принять участие в проекте Балтийской АЭС с долей вплоть до 49 %².

Разумеется, что параллельно с экспертными дискуссиями о технических решениях по пересылке энергии из Калининградской области в польских общественно-политических СМИ началось активное обсуждение политической целесообразности покупки российской электроэнергии, что дополнительно повышало бы долю российских энергоресурсов в общем энергобалансе Польши (в дополнение к газу, нефти, углю). Это, очевидно, рассматривалось в категориях энергетической и — шире — национальной безопасности. Более того, гипотетический доступ на рынок недорогой электроэнергии ставил под сомнение экономическую целесообразность строительства собственных АЭС, что также рассматривалось как попытка России оказать влияние на правительственную стратегию по обеспечению энергетической безопасности Польши. Эксперты правительственного «Центра восточных исследований» прямо указывали на необходимость отказа от закупок российской электроэнергии и рекомендовали развивать собственную атомную программу в интересах национальной безопасности³.

В 2013 г. Варшава совместно с Вильнюсом официально заявили об отказе приобретать электроэнергию из Калининградской области (в том числе через энергетические биржи в третьих странах), равно как и об отказе в предоставлении своих энергосетей для пересылки электроэнергии другим потенциальным потребителям без объяснения причин, что однозначно классифицирует решение как обусловленное чисто политическими соображениями⁴. Основанием стало, судя по всему, твердое решение о реализации собственной программы атомной энергетики, основанное на технологической поддержке США, которые уже располагали согласованной национальными регуляторами к экспорту версией новейшего на то время реактора AP1000 от корпорации «Вестингауз», используемого в строящихся с 2008 г. в Китае АЭС «Саньмень» и АЭС «Хайян». Это решение органично укладывается в концепцию «системы многих связей», которую реализует Польша в отношении США, обеспечивая долгосрочную связку с Вашингтоном в сфере чувствительных технологий, что было закреплено в подписанном в 2018 г. «Меморандуме о взаимопонимании о польско-американском стратегическом диалоге в сфере энергетики»⁵. Решение о выборе США в качестве технологического партнера воспринималось как взаимная демонстрация стратегического характера двусторонних отношений и не встретило какого-либо серьезного сопротивления в общественно-политическом

¹ Предполагалось, что указанная трансграничная линия будет построена в районе российско-польского пограничного перехода «Мамоново 2 — Гжехотки».

² Инвесторы Балтийской АЭС смогут заключать с «Росатомом» долгосрочные контракты на поставку электроэнергии, 2010, *Форбс.Ру*, 25 февраля 2010, URL: <https://www.forbes.ru/news/44959-investory-baltiiskoi-aes-smogut-zaklyuchat-s-rosatomom-dolgosrochnye-kontrakty-na-postavku> (дата обращения: 19.08.2025).

³ OSW: elektrownia jądrowa w Kaliningradzie zagrożeniem m.in. dla Polski, 2012, *Centrum informacji o rynku energii*, URL: <https://www.cire.pl/artykuly/atom/73260-osw-elektrownia-jadrowa-w-kaliningradzie-zagrozeniem-min-dla-polski> (дата обращения: 12.07.2025).

⁴ Polski rząd nie zgodził się na import energii z obwodu kaliningradzkiego? 2013, *Energetyka24*, URL: <https://energetyka24.com/polski-rzad-nie-zgodzil-sie-na-import-energii-z-obwodu-kaliningradzkiego> (дата обращения: 12.07.2025).

⁵ Memorandum of Understanding between the Republic of Poland and the United States of America on a Poland — U. S. Strategic Dialogue on Energy, Warsaw, 09.11.2018, *Sejm*, URL: https://www.premier.gov.pl/files/files/memorandum_of_understanding_en.pdf (дата обращения: 12.07.2025).

пространстве и экспертном сообществе страны: предстоящая технологическая и политическая интеграция Польши в систему американских стандартов безопасности, получение доступа к американским технологиям и финансовым инструментам, получение прямой политической поддержки проекта на международном уровне эффективно купировали любые сомнения.

Вторым наблюдением, осуществить которое представляется значимым для достижения целей статьи, является анализ дискурса о ПАЭ в избирательных программах релевантных кандидатов на выборах президента страны в 2025 г. В институциональном дизайне польской политической системы роль президента можно описать как роль «стратегического медиатора», являющегося арбитром над политическими силами и обеспечивающим перспективное планирование в сфере национальной безопасности [25]. В соответствии со ст. 126 Конституции Республики Польша¹ президент выступает гарантом непрерывности государственной власти, обеспечивает соблюдение Конституции, поддерживает суверенитет и безопасность государства, неприкосновенность и территориальную целостность страны. Как было указано выше, ПАЭ рассматривается в документах стратегического планирования в том числе в категориях национальной безопасности, под этим понимается совокупное значение атомной программы для конкурентоспособности национальной экономики, определение долгосрочных внешнеполитических приоритетов и снижение зависимости от внешних поставщиков энергоресурсов. В этой связи установки и приоритеты президента в планировании политики безопасности представляются одними из ключевых внутриполитических факторов в реализации польской программы атомной энергетики.

В кампании 2025 г. в бюллетень для голосования были включены 13 кандидатов, представивших избирательные программы — совокупность концептуальных взглядов кандидата на ключевые вопросы внутренней (преимущественно) и внешней политики страны (подробнее см.: [26]). По итогам голосования в первом туре ни один из кандидатов не набрал требуемого для победы 51 % голосов, что потребовало проведения второго тура с участием двух кандидатов, получивших наибольшую поддержку избирателей, — Рафала Тшасковского (вице-председателя либеральной партии «Гражданская платформа») и Кароля Навроцкого (ставленника правоконсервативной партии «Право и справедливость»). Третье место занял евроскептик Славомир Менцен, выдвинутый конгломератом разнообразных политических партий и объединений консервативного и националистического толка «Конфедерация Свобода и Независимость». Соответственно, три программы указанных кандидатов и являются предметом рассмотрения в целях понимания границ политической дискуссии по тематике программы атомной энергетики.

В избирательной программе Кароля Навроцкого (победителя президентских выборов во втором туре голосования) «Польша — территория нормального!»² представлена комплексная концепция формирования геополитического пространства стабильности, базирующаяся на нескольких стратегических приоритетах: военное могущество государства как фундамент национальной безопасности, следование социально-ориентированной государственной модели и энергетическая автономия, обеспечиваемая диверсификацией источников энергоресурсов. Особое внимание в программе уделяется развитию атомной энергетики как ключевого элемента инфраструктурного проекта, направленного на обеспечение экономического благополучия

¹ Konstytucja Rzeczypospolitej Polskiej z dnia 2 kwietnia 1997 r., *Dziennik Ustaw*, № 78, poz. 483, sprostowanie *Dziennik Ustaw* z 2001 r. № 28, poz. 319, zmiana: *Dziennik Ustaw* z 2006 r. № 200, poz. 1471 *Dziennik Ustaw* z 2009 r. № 114, poz. 946).

² Nawrocki, K., *Polska sferą normalności! 2025*, *Karol Nawrocki 2025*, URL: <https://karolnawrocki2025.pl/program> (дата обращения: 12.05.2025).

граждан и создание благоприятных условий для предпринимательской деятельности — в рамках повышения стратегической автономности страны. При этом в документе отсутствует детализация конкретных механизмов реализации ПАЭ, равно как и указание на желательного зарубежного поставщика технологических решений.

В программном документе «Сильная, богатая Польша»¹, представленном Славомиром Менценом, значительное внимание уделяется приоритету национального суверенитета, что выражается в превалировании норм польского законодательства и национальных интересов над интеграционными политиками Европейского союза. Особо критическую оценку в программе получает климатическая политика ЕС, которая, согласно позиции автора программы, создает существенные риски для промышленного потенциала как всего Европейского союза, так и Республики Польша в частности. Данный аспект рассматривается как потенциальная угроза экономическому суверенитету государства и его конкурентоспособности в рамках интеграционного объединения.

Отвергая климатическую политику как аргумент для развития атомной генерации, Славомир Менцен акцентирует внимание на стратегической необходимости диверсификации энергобаланса страны. Особое внимание, как указано в программе, необходимо уделять развитию атомной энергетики, в частности использованию малых модульных реакторов. Политик считает, что данные решения способствуют формированию энергетической автономии и обеспечению устойчивого энергоснабжения в условиях потенциальных кризисных явлений. В этом случае в программе отсутствует конкретизация относительно международного сотрудничества в сфере энергетики, включая указание на потенциальных зарубежных партнеров для реализации обозначенных стратегических инициатив. Таким образом, программная концепция характеризуется выраженным акцентом на защите национальных интересов и критическим осмыслением отдельных направлений общеевропейской политики при стремлении развивать атомную энергетику с неназванными внешнеполитическими партнерами.

В рамках раздела «Экономический патриотизм» программного документа «Мой план для Польши»² Рафал Тшасковский (проигравший второй тур) рассматривает проблематику энергетической автономии государства через необходимость активизации инвестиционных процессов в сфере современных технологических решений. Примечательно, что в концептуальных положениях программы отсутствует упоминание атомной энергетики как инструмента обеспечения энергетической независимости. Автор документа делает акцент на развитии возобновляемых источников энергии как приоритетном направлении решения энергетического вопроса. Можем оценить, что представленная концепция формирования энергетической независимости базируется на парадигме экологически устойчивого развития с опорой на ВИЭ без упоминания напрямую атомной энергетики в спектре рассматриваемых технологических решений. Тем не менее, понимая Рафала Тшасковского как ставленника (безоговорочного союзника) Дональда Туска и его либеральной партии «Гражданская платформа», становится очевидно, что в случае гипотетической победы этот кандидат содействовал бы реализации ПАЭ в рамках согласованного политического курса — и в части сопровождения зарубежного технологического партнера проекта, и в части продолжения политики «системы многих связей» с США.

¹ Mentzen, S. 2025, *Silna bogata Polska*, *Mentzen2025*, URL: <https://mentzen2025.pl/silna-bogata-polska> (дата обращения: 12.05.2025).

² Trzaskowski, R. 2025, *Mój plan na Polskę*. *Rafał Trzaskowski 2025*, URL: <https://trzaskowski.pl/moj-plan-na-polske> (дата обращения: 12.05.2025).

Выводы. Сценарии и риски реализации программы

Энергетический сектор страны переживает этап активной трансформации, отмечаемой значимыми сдвигами в структуре генерации электроэнергии: в энергетическом балансе последних трех лет постепенно снижается зависимость от угля как в генерации, так и в общем топливном потреблении: с учетом наращивания доли ВИЭ — ветровой, солнечной и биоэнергетики [27] — Польша демонстрирует первые значимые признаки декарбонизации экономики. Происходит расширение ветровой и солнечной генерации, а также увеличение инвестиционной активности в «зеленых» технологиях. Нестабильность, присущая генерации ВИЭ, отсутствие высокоэффективных технологий хранения вырабатываемой энергии для использования в период энергодефицита дают простой выбор для обеспечения гарантированного энергоснабжения вне зависимости от погодных условий: атомная энергетика либо традиционная угольная (газовая) генерация. Атомная энергетика стала для Польши неизбежностью в условиях обязательств перед Европейской комиссией по энергопереходу и необходимостью гарантированно обеспечить выбывающие мощности угольной генерации.

Осуществление комплексного анализа различных аспектов и динамики реализации польской программы развития атомной энергетики представляется значимым для системы внешнеполитического прогнозирования и планирования Российской Федерации. Необходимость изучения польского энергоперехода и его внутривнутриполитических условий обусловлена тем, что ПАЭ оказывает существенное влияние на трансформацию системы международных отношений в регионе, включая изменение баланса сил и формирование геополитических конфигураций с участием внерегиональных игроков, которые, как, например, США, уже являются технологическим партнером ПАЭ и продолжают линию на реализацию «системы многих связей» с Польшей либо, как Франция и Южная Корея (до 20 августа текущего года), предпринимают лоббистские усилия для участия в польской программе атомной энергетики.

Реализация ПАЭ проходит в условиях надпартийного консенсуса в вопросе необходимости создания атомной отрасли как ответ на вызовы в сфере национальной безопасности, энергетической политики, на требования климатической повестки и ожидания субъектов экономической политики. Анализ документов стратегического планирования показал, что, несмотря на изменения в политическом руководстве страны, польская программа атомной энергетики последовательно реализуется в опоре на США как на технологического, финансового и политического партнера. Изучение границ внутривнутриполитической дискуссии на показательных примерах — материалах избирательных программ релевантных кандидатов на пост президента в 2025 г. — и на изучении политической обусловленности выбора США в качестве технологического партнера продемонстрировало фактическое отсутствие реальных альтернатив и самому проекту атомной энергетики, и США как ключевому партнеру. Более того, ПАЭ реализуется в условиях высокой общественной поддержки проекта: согласно данным репрезентативных опросов, проведенных по заказу Министерства промышленности в ноябре 2024 г., более 92,5 % опрошенных высказались в поддержку строительства АЭС¹. Можно утверждать, что польское общественное мнение весьма чувствительно к экономическим аргументам в пользу АЭС, поддерживает создание условий для достижения энергетической независимости

¹ 92,5 proc. Polaków za budową elektrowni jądrowych w Polsce, 2024, *Gov.pl*, URL: <https://www.gov.pl/web/polski-atom/925-proc-polakow-za-budowa-elektrowni-jadrowych-w-polsce> (дата обращения: 21.07.2025).

сти, а также разделяет ощущение технологического и политического престижа, связанного с успешной реализацией сценария создания атомной отрасли экономики на основе американских технологий.

Выбор американского партнера для строительства первой АЭС в Польше представляет собой комплексный внешнеполитический шаг, направленный на укрепление энергетической безопасности страны и символическое подтверждение двустороннего стратегического партнерства. Данный выбор не вызвал существенного противодействия в общественно-политическом пространстве и экспертном сообществе Республики Польша, поскольку комплексный характер преимуществ, связанных с выбором американского технологического партнера (предстоящая технологическая и политическая интеграция Польши в систему американских стандартов безопасности, получение доступа к американским технологиям и финансовым инструментам, получение прямой политической поддержки проекта на международном уровне), эффективно нейтрализовал потенциальные сомнения.

Оценивая сценарии реализации польской программы атомной энергетики, необходимо выделить геополитические, организационно-финансовые, институционально-технологические риски, которые могут оказать влияние на сроки и формат реализации ПАЭ. К геополитическим рискам необходимо отнести возможную эскалацию в регионе Балтийского моря, связанную с обострением взаимоотношений по линии «НАТО — Россия» и/или по двустороннему треку «Польша — Россия». Ситуация конфликта любой степени интенсивности скажется на замедлении сроков строительства АЭС, поставит под сомнение целесообразность размещения объекта повышенной опасности поблизости от российской границы — в пределах прямой досягаемости сил и средств Балтийского флота. Усиление зависимости Польши от США в связи с использованием американских технологий — осознанный выбор Варшавы в рамках реализации стратегии «системы многих связей», что дает возможность Вашингтону использовать в своих целях строительство АЭС в качестве решающего аргумента в иных вопросах двусторонней и международной повестки, которые не обязательно могут быть решены в соответствии с ожиданиями и желаниями Варшавы.

Организационно-финансовые риски проистекают из самой природы формирования многостороннего консорциума по проектированию и строительству АЭС и связанной модели финансирования. Весь проект оценивается приблизительно в 190 млрд польских злотых (около 43 млрд евро по курсу на август 2025 г.)¹. Структура затрат характеризуется высокой долей капитальных вложений (CAPEX), которая составляет около 90 % от общей сметы и включает расходы на проектирование, строительно-монтажные работы, поставку оборудования, а также лицензирование и подготовку площадки. Финансирование проекта осуществляется по смешанной модели, сочетающей государственное участие и долговое финансирование. Согласно утвержденному плану, 30 % от общей стоимости — около 60 млрд злотых — будет профинансировано за счет собственных средств государства в форме прямой государственной поддержки, и такое решение формально принято польскими властями. Двадцать пятого марта 2025 г. президент подписал закон о докапитализации «Польских атомных электростанций» при условии получения согласия Еврокомиссии в рамках правил о государственной помощи, соответствия принципам конкуренции на внутреннем рынке ЕС. Остальная часть — 70 % (примерно 133 млрд злотых) — предполагается к привлечению через долговое финансирование, окончательный облик которого и будет формировать итоговую стоимость

¹ Miliardy na pierwszą elektrownię jądrową, 2025, *Business Insider Polska*, URL: <https://businessinsider.com.pl/wiadomosci/prezydent-andrzej-duda-podpisal-ustawe-ws-polskich-elektrowni-jadrowych/hdrqwj7> (дата обращения: 18.08.2025).

проекта для польского налогоплательщика¹. Стабильность польской бюджетной системы в условиях стремительного роста военных расходов может поставить под вопрос исполнение финансового графика проекта. Многосторонние консорциумы по своей природе (кроме лидеров проекта «Вестингауз» и «Бектел» предполагается участие в проектировании и поставке оборудования на АЭС около сотни предприятий различных форм собственности из более чем десятка стран) снижают качество управления проектом, ставят под угрозу сроки поставки оборудования и повышают внешнеполитические риски, связанные с экспортным контролем за чувствительными технологиями.

Специфика сформированной организационно-управленческой формулы реализации проекта строительства АЭС порождает институционально-технологические риски при реализации проекта: возможны задержки на любом этапе проектирования, строительства и поставок оборудования по причинам двустороннего контроля качества технологических решений разных производителей и их интеграции, необходимости внедрения американских стандартов и практик технологического контроля и безопасности в польскую институциональную и правовую среду, построения локальной производственной базы и решения вопроса подготовки в местной и зарубежной системе образования квалифицированных кадров для строительства и эксплуатации АЭС.

Достижение поставленных целей требует от польского правительства ответа на ряд институциональных, финансовых и регуляторных вызовов, включая привлечение значительных внешних инвестиций (в том числе структурных фондов ЕС), развитие кадрового потенциала отрасли и обеспечение общественного доверия к атомной энергетике. В случае успешной реализации программа польской атомной энергетике способна стать катализатором технологического и экономического развития страны, укрепить энергетическую независимость Польши, одновременно глубже погружаясь в «систему многих связей» с США, что в совокупности отразится на повышении политической, технологической, экономической и финансовой зависимости Польши от США при параллельном повышении политической и экономической роли Польши в Балтийском регионе и — шире — в масштабах Европейского союза.

Финансирование. Статья подготовлена при поддержке гранта Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития № 075-15-2024-551 «Глобальные и региональные центры силы в формирующемся мироустройстве».

Список литературы

1. Кувалдин, С. А. 2024, Постоянная варшавская величина, *Россия в глобальной политике*, т. 22, № 4 (128), с. 98—108, EDN: EINUWJ, <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2024-22-4-98-108>

2. Зверев, Ю. М. 2024, *Наращивание и модернизация вооруженных сил Польши, Литвы и других стран НАТО вокруг Калининградской области*, информационно-аналитический доклад, Калининград, Издательство БФУ им. И. Канта, 68 с., EDN: VXANVZ

3. Кувалдин, С. А. 2022, Атомная энергетика постсоциалистических стран Центральной и Восточной Европы: влияние на энергетическую политику Евросоюза, *Международная экономика*, № 10, с. 699—711, EDN: KZQXZQ, <https://doi.org/10.33920/vne-04-2210-02>

¹ Miliardy na pierwszą elektrownię jądrową, 2025, *Business Insider Polska*, URL: <https://businessinsider.com.pl/wiadomosci/prezydent-andrzej-duda-podpisal-ustawe-ws-polskich-elektrowni-jadrowych/hdrqwj7> (дата обращения: 18.08.2025).

4. Кувалдин, С. А. 2022. Энергетические политики Польши и ЕС: поиск совпадающих интересов, *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*, № 6, с. 106—116, EDN: HGGFRC, <https://doi.org/10.15211/vestnikieran62022106116>
5. Дрыночкин, А. В.
6. Bójarczyk, B., Olchowski, J. 2014, Energetyka jądrowa w konsekwencji bezpieczeństwa energetycznego Polski, *TEKA of Political Science and International Relations*, № 9, p. 7—32, <https://doi.org/10.17951/teka.2014.0.9.7>
7. Подоба, З., Норбоев, Б. 2024, Конкурентоспособность Польши в мировой экономике в XXI веке, *Мировая экономика и международные отношения*, т. 68, № 12, с. 59—71, EDN: KOZPSP, <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2024-68-12-59-71>
8. Габарта, А. А. 2019, Польша: 30 лет от начала социально-экономических трансформаций и 15 лет членства в ЕС, *Современная Европа*, № 7, с. 82—92, EDN: IJUEEM, <https://doi.org/10.15211/soveurope720198292>
9. Кувалдин, С. А. 2020, Экономика Польши 2023, Приоритеты вишеградских стран в углеводородной и атомной энергетике, *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*, № 2, с. 64—72, EDN: OSRBJA, <https://doi.org/10.15211/vestnikieran20236472>
10. Боровский, Ю. В. 2017, Международное соперничество в энергетике: на примере восточноевропейского рынка атомной энергии, *Вестник МГИМО-Университета*, № 5 (56), с. 114—129, EDN: ZTWOWR, <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2017-5-56-114-129>
11. Ланко, Д. А., Зотова, Д. А., Немирова, Н. В. 2025, Страны Балтии на пути к энергетическому изоляционизму: вместе или порознь?, *Балтийский регион*, т. 17, № 1, с. 19—43, EDN: IEYKKO, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2025-1-2>
12. Ажинов, Д. Г., Лапшова, Т. Е. 2023, Типологизация стран Балтийского региона по уровню научно-технологического развития, *Балтийский регион*, т. 15, № 1, с. 78—95, EDN: KZOMRU, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2023-1-5>
13. Жуковский, И. И. 2024, Некоторые вопросы эволюции модели современных международных отношений в Балтийском регионе, *Балтийский регион*, т. 16, № 4, с. 145—160, EDN: ZGCUFQ, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2024-4-7>
14. Офицеров-Бельский, Д. В. 2023, Восточная политика Польши: концептуальные основы и практические аспекты, *Россия и новые государства Евразии*, № IV (LXI), с. 51—61, EDN: DDALCL, <https://doi.org/10.20542/2073-4786-2023-4-51-61>
15. Стрюковатый, В. В. 2024, Геостратегическое положение России на Балтике как угроза морской блокады в современных условиях, *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер. Естественные и медицинские науки*, № 1, с. 57—75, EDN: DUXJPN, <https://doi.org/10.5922/gikbfu-2024-1-4>
16. Каледин, Н. В., Елацков, А. Б. 2024, Геополитическая регионализация Балтики: содержание и историческая динамика, *Балтийский регион*, т. 16, № 1, с. 141—158, EDN: JPXTXQ, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2024-1-8>
17. Jureńczyk, Ł. 2021, Bezpieczeństwo energetyczne Polski a współpraca polsko-amerykańska w zakresie cywilnego programu jądrowego, *Rocznik Instytutu Europy Środkowo-Wschodniej*, vol. 19, z. 1, s. 105—120, <https://doi.org/10.36874/RIESW.2021.1.6>
18. Jureńczyk, Ł. 2022, Perception in the USA of the Polish authorities' efforts to strengthen the Polish-American alliance in the 21st century, *Stosunki Międzynarodowe — International Relations*, № 58, p. 135—156, <https://doi.org/10.12688/stomiedintrelat.17671.1>: конкурентные преимущества и факторы устойчивого роста, *Общественные науки и современность*, № 6, с. 78—89, EDN: FDDNHZ, <https://doi.org/10.31857/S086904990013051-8>
19. Зимаков, А. 2014, Атомная энергетика ЕС: экономика против экологии, *Мировая экономика и международные отношения*, № 9, с. 16—19, EDN: SNJRED, <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2014-9-16-19>
20. Лисенкова, А. Д. 2024, Атомная энергетика в Европейском Союзе в условиях кризиса в отношениях с Российской Федерацией, *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*, № 78, с. 206—214, EDN: RHVIXI, <https://doi.org/10.17223/1998863X/78/17>
21. Kołacińska, K., Sasin, R. 2016, Analiza kosztów i korzyści wdrożenia energetyki jądrowej w Polsce, *Rynek Energii*, № 3 (124), s. 43—57, URL: <https://www.rynek-energii.pl/node/3213> (дата обращения: 15.05.2025).
22. Lipka, M. 2020, Program Polskiej Energetyki Jądrowej a małe reaktory modułowe, *PTJ*, vol. 63, z 4, s. 18—23.

23. Дьяков, А.С. 2023, Малые модульные ядерные реакторы: перспективы развития, *Мировая экономика и международные отношения*, т. 67, №6, с. 47—60, EDN: ASOXXD, <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-6-47-60>

24. Stankiewicz, R., 2010, Kilka uwag o regulacji jako funkcji administracji gospodarczej w rozwoju sektora energetycznego, in: Wierzbowski, M., Stankiewicz, R. (red.), *Współczesne problemy prawa energetycznego*, Warszawa, s. 104—123.

25. Chorążewska, A. 2008, *Model prezydentury w praktyce politycznej po wejściu w życie Konstytucji RP z 1997 r.*, Wydawnictwo Sejmowe, Warszawa, 299 s.

26. Жуковский, И.И. 2025, Президентская кампания 2025 в Польше: кандидаты, программы, сценарии. Аналитическая статья, *Российский совет по международным делам*, 07.05.2025, URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/prezidentskaya-kampaniya-2025-g-v-polshe-kandidaty-programmy-stsenarii/> (дата обращения: 12.07.2025).

27. Kwidziński, K., Dusiło, M. 2025, *Transformacja energetyczna w Polsce. Edycja 2025*, Forum Energii, Warszawa, 76 s.

28. Tchorka, G., 2023, *Łańcuch wartości energetyki jądrowej w Polsce*, Wydział Zarządzania UW, Instytut Energetyki, Warszawa, 36 s.

29. *Energetyka jądrowa w Polsce. Ocena gotowości do budowy pierwszej elektrowni*, 2025, Baker McKenzie, Warszawa, 44 s.

Об авторе

Игорь Игоревич Жуковский, кандидат политических наук, доцент, старший научный сотрудник, ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН, Россия.

<https://orcid.org/0000-0001-8689-3898>

E-mail: igor@izhukovski.ru

Представлено для возможной публикации в открытом доступе в соответствии с условиями лицензии Creative Commons Attribution — Noncommercial — NoDerivativeWorks <https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/deed.en> (CCBY-NC-ND4.0)

POLITICAL AND STRATEGIC FACTORS AND RISKS OF IMPLEMENTING THE NUCLEAR POWER PROGRAM IN POLAND

I. I. Zhukovsky

Primakov National Research Institute of World Economy
and International Relations of the Russian Academy of Sciences,
23 Profsoyuznaya St., Moscow, 117997, Russia

Received 23 July 2025

Accepted 26 August 2025

doi: 10.5922/2079-8555-2025-3-4

© Zhukovsky, I. I., 2025

The introduction of nuclear power is an ambitious, strategically significant undertaking currently being implemented by Poland as it steadily strengthens its political and economic influence both within the European Union and in the broader context of global international relations. Poland intends to use nuclear power to overcome the limitations of its current energy mix, meet European Union climate policy requirements, and strengthen the competitiveness

To cite this article: Zhukovsky, I. I. 2025, Political and strategic factors and risks of implementing the nuclear power program in Poland, *Baltic Region*, vol. 17, № 3, p. 58—80. doi: 10.5922/2079-8555-2025-3-4

of its economy. However, the lack of domestic technological capacity necessitates the involvement of a foreign technology provider—not only for the construction of nuclear power plants but also for the development of related infrastructure. The choice of a foreign partner is shaped by the prevailing geopolitical situation and the network of political and economic relationships that arise from this decision. The progress and eventual completion of the nuclear power program will carry significant foreign policy implications for the regional system of international relations.

This article, drawing on methods of systematic and institutional analysis, represents the first attempt to examine the political and strategic factors underlying the implementation of Poland's nuclear power program as reflected in strategic planning documents. In the framework of the empirical research, the program is understood as a complex political and strategic project. The study highlights the specificity of the domestic political processes surrounding it and, in its applied dimension, identifies foreign policy implications while assessing the risks associated with the program's implementation.

Keywords:

Polish nuclear power program, strategic planning documents, nuclear power plants (NPPs), political dynamics

References

1. Kuvaldin, S. A. 2024, Constant Warsaw Value, *Russia in Global Affairs*, vol. 22, № 4 (128), p. 98—108, EDN: EINUWJ, <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2024-22-4-98-108>
2. Zverev, Yu. M. 2024, *Build-up and modernization of the armed forces of Poland, Lithuania and other NATO countries around the Kaliningrad region, information and analytical report*, Kaliningrad, Immanuel Kant Baltic Federal University Publishing, 68 p. (in Russ.).
3. Kuvaldin, S. A. 2022, Nuclear energetics of postsocialist countries of Central and Eastern Europe: it's influence on forming of eu climate and energy policy, *The World Economics*, № 10, p. 699—711, <https://doi.org/10.33920/vne-04-2210-02>
4. Kuvaldin, S. A. 2022, Energy policies of Poland and the EU: a search for converging interests, *Scientific and Analytical Herald of the Institute of Europe RAS = Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN*, № 6, p. 106—116, <https://doi.org/10.15211/vestnikieran62022106116>
5. Drynochkin, A. 2023, Priorities of the visegrad countries in conventional and nuclear energy, *Scientific and Analytical Herald of the Institute of Europe RAS = Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN*, № 2, p. 64—72, EDN: OSRBJA, <https://doi.org/10.15211/vestnikieran220236472>
6. Borovsky, Yu. V. 2017, International rivalry in the energy sector: the Eastern European market of atomic energy in focus, *MGIMO Review of International Relations*, № 5 (56), p. 114—129, <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2017-5-56-114-129>
7. Lanko, D. A., Nemirova, N. V., Zotova, D. A. 2025, Baltic states on the way towards energy isolationism: united or divided?, *Baltic Region*, vol. 17, № 1, p. 19—43, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2025-1-2>
8. Azhinov, D. G., Lapshova, T. E. 2023, A typology of the Baltic region states according to excellence in science and technology, *Baltic Region*, vol. 15, № 1, p. 78—95, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2023-1-5>
9. Zhukovsky, I. I. 2024, The model of international relations in the Baltic sea region: political shifts and current challenges, *Baltic Region*, vol. 16, № 4, p. 145—160, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2024-4-7>
10. Ofitserov-Bel'skiy, D. 2023, Poland's Eastern Policy: Conceptual Foundations and Practical Aspects, *Russia and New States of Eurasia*, № IV (LXI), p. 51—61 (in Russ.), <https://doi.org/10.20542/2073-4786-2023-4-51-61>
11. Stryukovaty, V. V. 2024, Russia's geostrategic position in the Baltic area as a threat of naval blockade in the current circumstances, *IKBFU's Vestnik. Series: Natural and Medical Sciences*, № 1, p. 57—75, (in Russ.), <https://doi.org/10.5922/gikbfu-2024-1-4>

12. Kaledin, N.V., Elatskov, A.B. 2024, Geopolitical regionalisation of the Baltic area: the essence and historical dynamics, *Baltic Region*, vol. 16, №1, p. 141–158, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2024-1-8>
13. Jureńczyk, Ł. 2021, Bezpieczeństwo energetyczne Polski a współpraca polsko-amerykańska w zakresie cywilnego programu jądrowego, *Rocznik Instytutu Europy Środkowo-Wschodniej*, vol. 19, z. 1, s. 105–120, <https://doi.org/10.36874/RIESW.2021.1.6>
14. Jureńczyk, Ł. 2022, Perception in the USA of the Polish authorities' efforts to strengthen the Polish-American alliance in the 21st century, *Stosunki Międzynarodowe — International Relations*, №58, p. 135–156, <https://doi.org/10.12688/stomiedintrelat.17671.1>
15. Bojarczyk, B., Olchowski, J. 2014, Energetyka jądrowa w konsekwencji bezpieczeństwa energetycznego Polski, *TEKA of Political Science and International Relations*, vol. 9, p. 7–32, <https://doi.org/10.17951/teka.2014.0.9.7>
16. Podoba, Z. S., Norboev, B.N. 2024, International competitiveness of Poland's economy in the 21st century, *World Economy and International Relations*, vol. 68, №12, p. 59–71, <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2024-68-12-59-71>
17. Habarta, A. 2019, Double anniversary in Poland: 30 years of socio-economic transformation and 15 years of membership in the EU, *Sovremennaya Evropa*, №7, p. 82–92, <https://doi.org/10.15211/soveurope720198292>
18. Kuvaldin, S. 2020, Polish economy: competitive advantages and factors of sustainable growth, *SOCIAL SCIENCES AND CONTEMPORARY WORLD*, №6, p. 78–89, <https://doi.org/10.31857/S086904990013051-8>
19. Zimakov, A.V. 2014, EU nuclear energy: economics vs. ecology, *World Economy and International Relations*, №9, p. 16–19 (in Russ.), <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2014-9-16-19>
20. Lisenkova, A.D. 2024, Nuclear energy in the European union in the context of the crisis in relations with the Russian Federation, *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, №78, p. 206–214, <https://doi.org/10.17223/1998863X/78/17>
21. Kołacińska, K., Sasin, R. 2016, Analiza kosztów i korzyści wdrożenia energetyki jądrowej w Polsce, *Rynek Energii*, №3 (124), s. 43–57, URL: <https://www.rynek-energii.pl/pl/node/3213> (accessed 15.05.2025).
22. Lipka, M. 2020, Program Polskiej Energetyki Jądrowej a małe reaktory modułowe, *PTJ*, vol. 63, z 4, s. 18–23.
23. D'Yakov, A.S. 2023, Small modular nuclear reactors: development prospects, *World Economy and International Relations*, vol. 67, №6, p. 47–60, <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-6-47-60>
24. Stankiewicz, R. 2010, Kilka uwag o regulacji jako funkcji administracji gospodarczej w rozwoju sektora energetycznego, in: Wierzbowski, M., Stankiewicz, R. (red.), *Współczesne problemy prawa energetycznego*, Warszawa, s. 104–123.
25. Chorążewska, A. 2008, *Model prezydentury w praktyce politycznej po wejściu w życie Konstytucji RP z 1997 r.*, Wydawnictwo Sejmowe, Warszawa, 299 s.
26. Zhukovsky, I.I. 2025, Presidential campaign 2025 in Poland: candidates, programs, scenarios. Analytical article, Russian International Affairs Council, 07.05.2025 (in Russ.), URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/prezidentskaya-kampaniya-2025-g-v-polshe-kandidaty-programmy-stsenarii/> (accessed 12.07.2025).
27. Kwidziński, K., Dusiło, M. 2025, *Transformacja energetyczna w Polsce. Edycja 2025*, Forum Energii, Warszawa, 76 s.
28. Tchorka, G., 2023, *Łańcuch wartości energetyki jądrowej w Polsce*, Wydział Zarządzania UW, Instytut Energetyki, Warszawa, 36 s.
29. *Energetyka jądrowa w Polsce. Ocena gotowości do budowy pierwszej elektrowni*, 2025, Baker McKenzie, Warszawa, 44 s.

The author

Dr **Igor I. Zhukovsky**, Associate Professor, Senior Research Fellow, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, Russia.

<https://orcid.org/0000-0001-8689-3898>

E-mail: igor@izhukovski.ru

Submitted for possible open access publication under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution – Noncommercial – No Derivative Works <https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/deed.en> (CC BY-NC-ND 4.0)

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА И ПРОСТРАНСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ

XPLCAO

ПРИМОРСКИЕ МУНИЦИПАЛИТЕТЫ В ПРОСТРАНСТВЕННОМ РАЗВИТИИ РОССИИ: МНОГОМЕРНАЯ ТИПОЛОГИЗАЦИЯ

А. Г. Дружинин^{1, 2}

Д. А. Вольхин³

О. В. Кузнецова⁴

¹ Южный федеральный университет,
344006, Россия, Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42

² Институт географии РАН,
119017, Россия, Москва, Старомонетный пер., 29

³ Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
295007, Россия, Симферополь, просп. Академика Вернадского, 4

⁴ Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН,
117418, Россия, Москва, Нахимовский просп., 47

Поступила в редакцию 05.05.2025 г.

Принята к публикации 30.07.2025 г.

doi: 10.5922/2079-8555-2025-3-5

© Дружинин А. Г., Вольхин Д. А.,
Кузнецова О. В., 2025

В пространственной структуре современной России весомую роль играют обширнейшие приморские зоны, чье дальнейшее развитие предполагает предельно полный и дробный (вплоть до «низового» уровня, представленного конкретными приморскими муниципальными образованиями) учет природно-экологических и социально-экономических условий селитебной и хозяйственной активности. В статье предложены методический подход и результаты многомерной типологизации приморских муниципальных образований Российской Федерации (186 городских округов, муниципальных районов и муниципальных округов), базирующейся на межбассейновой природно-хозяйственной зональности, сопоставлении экономического, демографического и площадного «размеров» муниципальных образований, положении их административных центров относительно морских побережий, центр-периферийных отношениях в рамках «опорных баз» морской активности, морехозяйственном функционале, преобладающих локализованных проблемах социально-экономико-экологического развития, а также наличии федеральной поддержки в формате преференциальных режимов ведения хозяйственной деятельности. Представлен алгоритм типологизации, а также ее картографическая визуализация (на основе ГИС). Дана оценка и компаративистика социально-экономической динамики приморских муниципальных образований различных типов и подтипов. Выявлены и конкретизированы разнонаправленные процессы пространственной социально-экономической динамики в приморской зоне России: поляризация, «сжатие» населения и экономики в одних муниципалитетах и пространственное «сжатие» хозяйственного освоения в других. Идентифицированы наиболее проблемные типологические группы приморских муниципальных образований и их локализация (Тихоокеанская Россия, Арктическая зона). Акцентированы направления учета типологической

Для цитирования: Дружинин А. Г., Вольхин Д. А., Кузнецова О. В. Приморские муниципалитеты в пространственном развитии России: многомерная типологизация // Балтийский регион. 2025. Т. 17, № 3. С. 81–101. doi: 10.5922/2079-8555-2025-3-5

специфики приморских муниципалитетов в стратегировании пространственного развития Российской Федерации (в том числе в контексте федеральной поддержки геостратегических территорий и формирования сети опорных населенных пунктов).

Ключевые слова:

приморские муниципальные образования, типологизация, морехозяйственный комплекс, пространственное развитие, Россия

Введение

Проблематика пространственного развития современной России (как зафиксировано в недавно принятой «Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года»¹) неизменно вмещает «морской» (в том числе «приморский») компонент, наиболее четко проявляющийся на «низовом» таксономическом уровне, в качестве которого в аналитических целях, в силу особенностей российской статистики, могут выступать муниципальные образования (муниципалитеты). Обусловленная многоаспектным влиянием «фактора моря» [1] специфичность приморских муниципальных образований (далее — ПМО) сочетается при этом с выраженными природно-хозяйственными и селитебными различиями как между отдельными муниципалитетами, так и между их обособленными (в пределах отдельных морских бассейнов и их субрегионов) группировками. Нарботанные ранее [2—7] немногочисленные подходы в сфере отраслевых и региональных исследований ПМО России (представляя собой преимущественно покомпонентную аналитику либо избирательно фокусируясь на конкретных участках побережья), к сожалению, недостаточно полно охватывают компаративистику системных условий и особенностей развития этого типа территорий в масштабе всей страны на единой критериальной и информационно-аналитической базе. Цель статьи — многомерная (по значимым параметрам) типологизация всей совокупности ПМО Российской Федерации, отражающая специфические факторы, тренды и приоритеты их социально-экономической динамики в общефедеральном контексте пространственного развития.

Обзор ранее выполненных работ. Типологический подход в общественно-географических исследованиях относится к числу неизменно актуализированных и при этом традиционных, базовых [8]. В широком смысле его аппликацией является и обособление (как в российской науке [9—13], так и в трудах зарубежных авторов [14—17]) всей полимасштабной совокупности территорий (зон, регионов, городов и их агломераций), идентифицируемых в качестве «приморских» («coastal»). Эти структуры, в свою очередь, выступают сфокусированным объектом параметризации и классификации по ряду типологически значимых признаков (что, в частности, иллюстрируется соответствующими публикациями [18; 19]).

В последние годы (в русле тренда на «муниципализацию» исследований в сфере пространственного развития [20]) в отечественной науке наработаны продуктивные подходы в области типологизации муниципальных образований. Эти подходы ориентированы как на учет специализации экономики конкретных муниципалитетов и их положения в системах расселения [21], так и на фиксацию четко выраженных в российских условиях (характеризуемых масштабными социально-экономическими градиентами по осям «север — юг» и «запад — восток» [22]) межтерриториальных различий в степени заселенности и хозяйственной освоенности, дополняемых центр-периферийными контрастами и влиянием фактора «столичности» [23]. Что

¹ Стратегия пространственного развития России до 2030 года с прогнозом до 2036 года. Министерство экономического развития Российской Федерации, 2025, URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/regionalnoe_razvitie/strategicheskoe_planirovanie_prostranstvennogo_razvitiya/strategiya_prostranstvennogo_razvitiya_rossii_do_2030_goda_c_prognomom_do_2036_goda/ (дата обращения: 05.02.2025).

касается непосредственно ПМО, то в качестве значимых типологических признаков для них рассматривались «удаленность от моря» [24], положение центра (ядра социально-экономической активности) муниципалитета по отношению к береговой линии («талассоцентрированность» [25]), роль муниципалитета (и их локализованных группировок) в морском хозяйстве страны и ее регионов («опорные базы» морской активности [26]).

Материалы и методы

Презентуемый в статье исследовательский подход к типологизации ПМО является полимасштабным и наряду с этим ориентированным на всю обширную (и «рассредоточенную») совокупность приморских территорий России. С учетом ранее осмысленных критериев «приморскости» (непосредственное соседство с морским побережьем, развитые морехозяйственные функции, функциональная связь с морскими хозяйственными комплексами, в том числе с морскими портами или портами в устьях рек, а также формирование единых локальных приморских систем расселения под воздействием агломерационного эффекта [7]) в качестве суммарного объекта анализа идентифицированы 71 городской округ, 7 закрытых административно-территориальных образований (ЗАТО) и 106 муниципальных районов (либо округов), относящиеся к 21 субъекту Российской Федерации. В выборке по информационным причинам отсутствуют муниципалитеты новых регионов (три новых субъекта РФ являются приморскими), но, напротив, включены два приморских города федерального значения (Санкт-Петербург и Севастополь), далее условно включаемые в число ПМО. На подвергнутые процедурам типологизации приморские территории приходится в итоге 27,6 % общей площади страны и 13,9 % ее населения (на 1 января 2024 г.).

Многомерность типологизации предопределена одномоментной фокусировкой:

- на фактической *межбассейновой природно-хозяйственной зональности*, обуславливающей различия в степени заселенности (плотность населения) и хозяйственной освоенности (налогооблагаемые доходы физических лиц и индивидуальных предпринимателей на единицу территории);

- *экономическом, демографическом и площадном «размере»* ПМО; тип ПМО по данному критерию определен и картографически визуализирован на основе трехкомпонентного индекса (по соотношению показателей доли ПМО в площади территории, численности населения и налогооблагаемых денежных доходах физических лиц и индивидуальных предпринимателей по всей совокупности российских ПМО) по методике [27];

- *позиционных характеристиках* ПМО как сочетании степени их талассоцентрированности и особенностей местоположения в приморских (аква-территориальных) центр-периферийных системах; на этой основе в совокупности ПМО вычленены: 1) ядра опорных баз; 2) периферийные компоненты опорных баз; 3) опорные пункты морской активности вне опорных баз; 4) талассоцентрированные ПМО (с ядром экономической активности у береговой линии); лишенные значимых составляющих морехозяйственной активности; 5) ПМО без выраженных морехозяйственных функций и талассоцентрированности; 6) ПМО с морехозяйственными функциями вне опорных баз;

- *морехозяйственном функционале* ПМО с обособлением их инвариантов: монофункциональных (портовые, индустриальные со связанной с морским хозяйством специализацией, курортно-рекреационные, добыча минеральных ресурсов на шельфе, образовательно-научные ПМО), полифункциональных (с разным сочетанием функций), а также лишенных значимых морехозяйственных функций;

- *превалирующих локализованных проблемах социально-экономико-экологического развития* конкретных ПМО по следующим аспектам: транспортно-логистическая и экономическая изолированность (удаленность от ведущих центров), оцениваемая по предложенной в [28] методике; «сжатие» поселений и в целом освоенного

пространства (прежде всего в аспекте депопуляции); существенное отставание по уровню социального и экономического развития (от средних для ПМО значений в масштабе бассейна и страны); сложные природно-климатические условия жизнедеятельности: прежде всего районы Крайнего Севера, горные районы и районы с активными опасными сейсмическими и вулканическими процессами (чьи характеристики определены по [29; 30]); повышенная уязвимость природных систем, очаги и ареалы экологических проблем; неблагоприятное военно-стратегическое положение, а также сложности ведения хозяйства в связи с геополитическими обстоятельствами;

— наличие *федеральной поддержки* в формате преференциальных режимов ведения предпринимательской деятельности (особые экономические зоны, свободный морской порт и т. п.).

Демографический, экономический, площадной «размеры» ПМО, уровень их социально-экономического развития определялись по данным муниципальной статистики Росстата за 2016—2024 гг. Выбор 2016 г. обусловлен возможностью включения в анализ данных по Республике Крым и г. Севастополю. Наиболее актуальные данные по численности населения доступны на 1 января 2024 г.; по налогооблагаемым денежным доходам населения, используемым нами в качестве основного экономического показателя, по всему кругу ПМО — за 2021 г.¹

Талассоцентрированность ПМО определялась на основе географического положения административных центров ПМО. Опорные базы были выделены ранее в [26], центр и периферия опорных баз определялись исходя из экономического веса ПМО, но не во всей совокупности российских ПМО, а в пределах опорной базы.

Анализ морехозяйственных функций ПМО проводился на основе разнообразных общедоступных источников как качественной, так и количественной информации, отражающих особенности структуры экономики ПМО: данных о деятельности морских портов, морских курортов, наличии связанных с морем конкретных предприятий (судостроения, рыбопереработки и т. д.), данных муниципальной статистики Росстата по объемам выручки по видам экономической деятельности. Разделение на типы в конечном итоге осуществлялось экспертным путем в силу уже указанного сочетания исходной количественной и качественной информации.

Аналогичные подходы использовались при оценке превалирующих локализованных проблем социально-экономико-экологического развития: отчасти эти оценки опираются на статистические данные (сокращения численности населения, уровня налогооблагаемых денежных доходов на душу населения), отчасти на качественные характеристики.

Оценка наличия федеральной поддержки в формате преференциальных режимов основывается на анализе российских нормативно-правовых актов, представленных в соответствующих правовых базах данных.

Результаты и их обсуждение

Любое ПМО России вмещает, как правило, несколько одновременно проявляющихся существенных типологических признаков, порождая (применительно ко всей совокупности приморских муниципалитетов) множественность их комбинаций и, соответственно, вероятностных типологических групп и подгрупп. Так, в частности, из 186 исследуемых ПМО 116 идентифицированы как талассоцентрированные (на них приходится 77 % населения, 76 % площади и около 68 % налогооблагаемых денежных доходов всех ПМО страны); 29 ПМО, концентрируя 63 % населения всех ПМО и более 50 % их экономического потенциала, формируют ядра «опорных баз» морской активности страны; еще 85 ПМО тяготеют к ним в качестве периферийных компонентов; 81 ПМО монофункциональны, в то время как

¹ Муниципальная статистика, 2024, URL: <https://rosstat.gov.ru/munstat> (дата обращения: 06.12.2024).

66 демонстрирует полифункциональность, а 39 (согласно проведенному исследованию) — фактически лишены морехозяйственных функций. Имеющая место поливариантность значимых свойств и характеристик отдельных муниципалитетов сочетается с обособлением их разномасштабных ареалов с выраженными типологическими признаками, придающими всей типологии ПМО России четкую географическую обусловленность.

Специфика российских ПМО предполагает решение задачи типологизации на основе трехзвенного (объединяющего три сопряженных аспекта) подхода.

Первый аспект ориентирован на позиционно-селитебные свойства конкретных ПМО, проявляющиеся как в общероссийском, так и в региональном масштабе. В его рамках уместно вычленить два базовых, обладающих выраженной территориальной обособленностью макротипа ПМО: северо-восточный (Арктическо-Тихоокеанский) с сопоставимо низкой плотностью заселения и «очаговой» хозяйственной активностью и юго-западный (Балтийско-Черноморско-Азово-Каспийский) с повышенной плотностью населения и экономики при превалировании крупных агломерированных форм расселения (рис. 1).

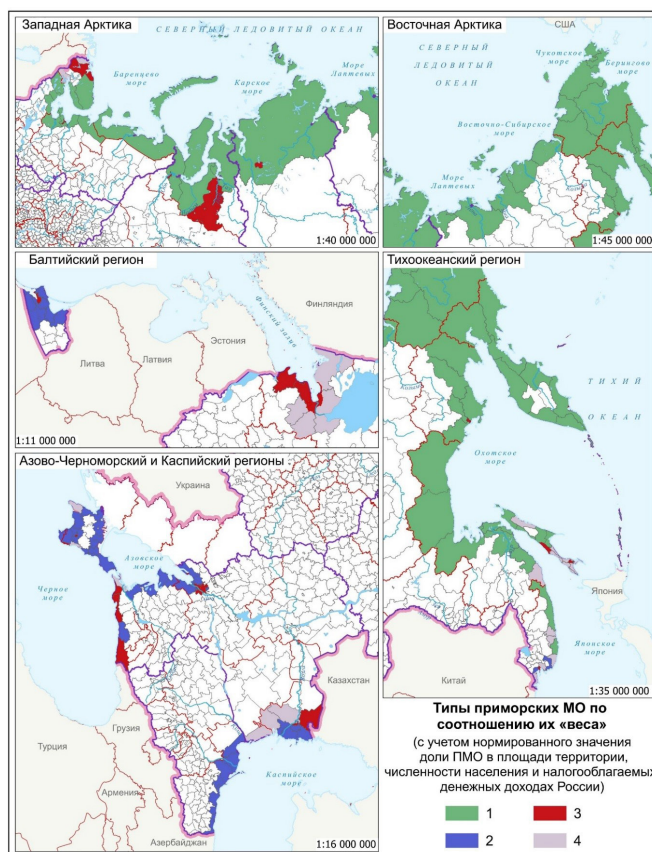

Рис. 1. Типологическая группировка ПМО по соотношению их территориального, демографического и экономического веса: 1 — высокий территориальный вес, средний / низкий демографический и экономический вес; 2 — высокий демографический вес, средний / низкий территориальный и экономический вес; 3 — высокий экономический, средний / низкий территориальный и демографический вес; 4 — без резкого преобладания одного из показателей

Составлено на основе данных Росстата.

Именно на северо-востоке страны локализован основной массив ПМО (97,1 % всей их суммарной территории), в то время как на юго-западе — их преобладающий демографический и (не столь выраженный) хозяйственный потенциал (табл. 1).

Таблица 1

**Группировка ПМО России по приморским регионам (бассейнам),
их вес в основных показателях**

Приморский субрегион (морской бассейн)	Количество ПМО	Численность населения, тыс. чел.		Доля в населении, % (2024)		Доля в площади территории, %		Экономический вес*			
		2016	2024	ПМО РФ	РФ	ПМО РФ	РФ	Млрд руб.		% (2021)	
								2016	2021	ПМО РФ	РФ
Западная Арктика	32	1749	1543	7,6	1,1	41,4	11,4	706,8	1184,8	22,7	3,2
Восточная Арктика	12	75	73	0,4	0,05	27,7	7,6	44,5	70,7	1,4	0,2
Тихо-океанский	54	2203	2070	10,2	1,4	28,0	7,7	725,6	1092,4	20,9	3,0
Балтийский	24	7223	7964	39,2	5,4	0,9	0,2	383,1	740,8	14,2	2,0
Азово-Черноморский	41	5966	6210	30,5	4,2	1,1	0,3	935,5	1737,7	33,3	4,7
Каспийский	23	2423	2480	12,2	1,7	1,0	0,3	376,2	393,6	7,7	1,1
<i>Всего</i>	186	19639	20339	100	13,9	100	27,6	3171,7	5557,3	100	14,2

*Налогооблагаемые денежные доходы физических лиц и индивидуальных предпринимателей (здесь и далее — без учета Санкт-Петербурга, Севастополя и ЗАТО).

Составлено на основе данных Росстата.

К юго-западному макротипу относятся ведущие приморские ареалы «сгущения» экономической активности — Санкт-Петербургская (ПМО Ленинградской области) и Калининградская агломерации на Балтике, кубанские ПМО на Черном море, ПМО Ростовской агломерации, а также частично пересекающиеся с ними ареалы концентрации населения, включая ПМО Крыма, азовского побережья Краснодарского края, ПМО Дагестана и Астраханской области на Каспии.

Северо-восточный макротип, напротив, в выраженной степени обладает чертами периферийности и, еще более явственно, «северности». Переходные, атипичские (для «своего» макротипа) свойства демонстрируют ПМО юга Приморского края и Сахалинской области, а также Мурманской городской агломерации («юг» и «запад» в контуре «севера» и «востока»).

На внутрирегиональном (бассейновом) уровне позиционно-селитебные особенности ПМО позволяют в рамках двух вышеназванных макротипов (в качестве особых самостоятельных типологических подгрупп) вычлениить 1) ПМО, относящиеся к ядрам 14 общефедерально значимых опорных баз морской активности (ранее идентифицированных в [26]); 2) ПМО, являющиеся периферийными их компонентами; 3) ПМО вне «опорных баз» (рис. 2).

Учет феномена «опорных баз» предполагает одновременную фиксацию внимания в типологизации (в качестве ее второго магистрального компонента) на структурных особенностях ПМО, в числе которых наиболее значимыми выступают морехозяйственный функционал, а также талассоцентрированность. В приморской зоне России численно преобладают муниципалитеты, чьи административные центры тяготеют к берегам морей и океанов (выражена талассоцентрированность) — 116 территориальных единиц; центры остальных 70 ПМО удалены от побережий. При этом преимущественной выраженностью талассоцентрированности обладают ПМО северо-восточного макротипа, в структуре которого талассоцентрированные ПМО в сумме концентрируют 73 % общего числа приморских муниципалитетов,

около 75 % их населения и территории, более 65 % — налогооблагаемых доходов физических лиц и индивидуальных предпринимателей. В структуре юго-западного макротипа лишь половина ПМО своими центрами тяготеет к побережьям морей, имея существенный демографический, площадной и экономический вес и формируя более поляризованное социально-экономическое пространство.

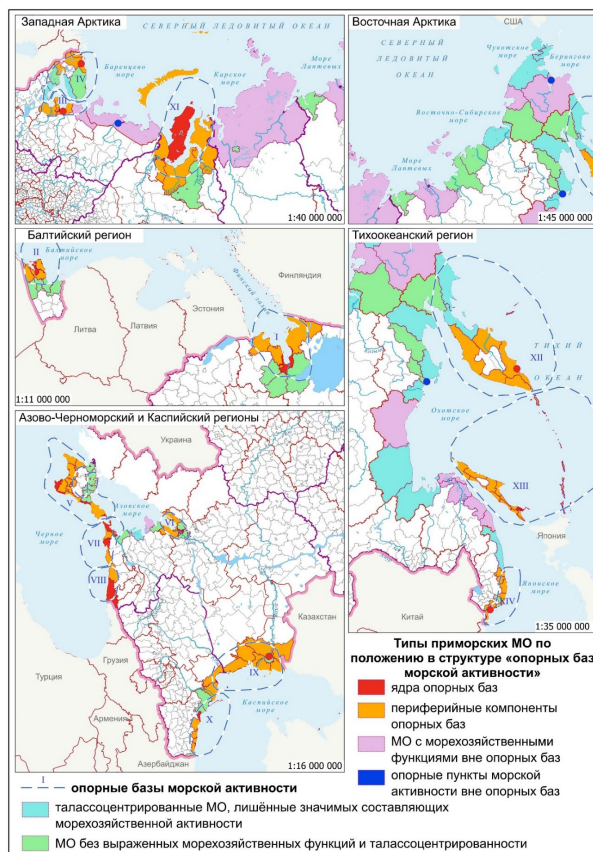

Рис. 2. Типы приморских муниципальных образований России по положению в структуре «опорных баз морской активности»: I — Санкт-Петербургская; II — Калининградская; III — Архангельская; IV — Мурманская; V — Севастопольско-Крымская; VI — Ростовская; VII — Новороссийская; VIII — Сочинско-Туапсинская; IX — Астраханская; X — Махачкалинско-Каспийская (формирующаяся); XI — Ямальная (формирующаяся); XII — Камчатская; XIII — Сахалинская; XIV — Владивостокская

Оценка сопряженности (взаимообусловленности) свойств талассоцентрированности и морехозяйственных функций иллюстрирует выраженный социально-экономический эффект от их сочетания в конкретных ПМО (табл. 2). В целом для России преобладающим подтипом являются талассоцентрированные ПМО с полифункциональным морским хозяйством (58 единиц), на которые приходится существенная доля демографического и экономического веса. В структуре ПМО юго-западного макротипа каркас их морской экономики формируют талассоцентрированные муниципалитеты с полифункциональным морским хозяйством, а в северо-восточном макротипе отмечается паритетное соотношение талассоцентрированных ПМО с моно- и полифункциональным морским хозяйством.

Таблица 2

**Сопряженность свойств талассоцентрированности
и морехозяйственных функций ПМО России**

Подтип ПМО	Макротип ПМО	Количество ПМО	Доля ПМО (в масштабах страны), %		
			В населении, 2024 г.	В площади территории	В доходах населения, 2021 г.
Лишенные свойств талассоцентрированности					
Лишенные значимых морехозяйственных функций	Северо-восток	9	2,1	7,4	6,9
	Юго-запад	22	9,9	0,9	8,6
	Все ПМО	31	12,1	8,2	15,5
С монофункциональным морским хозяйством	Северо-восток	13	1,3	13,2	3,5
	Юго-запад	18	7,1	0,7	6,0
	Все ПМО	31	8,4	13,8	9,5
С полифункциональным морским хозяйством	Северо-восток	4	1,1	3,6	4,7
	Юго-запад	4	1,4	0,3	1,5
	Все ПМО	8	2,6	3,8	6,3
Талассоцентрированные					
Лишенные значимых морехозяйственных функций	Северо-восток	6	0,6	3,3	1,6
	Юго-запад	2	0,5	0,0	0,7
	Все ПМО	8	1,1	3,3	2,3
С монофункциональным морским хозяйством	Северо-восток	37	2,1	32,4	5,0
	Юго-запад	13	3,3	0,2	2,6
	Все ПМО	50	5,4	32,5	7,5
С полифункциональным морским хозяйством	Северо-восток	28	10,7	37,4	22,9
	Юго-запад	30	59,8	0,9	36,0
	Все ПМО	58	70,5	38,3	58,9

Составлено на основе данных Росстата.

Взаимная обусловленность имеет место и в дихотомии типологических свойств «принадлежность опорной базе — наличие морехозяйственных функций». Группировки ПМО, идентифицируемые как «ядра опорных баз морехозяйственной активности», характеризуются высоким демографическим и экономическим весом и плотностью, в их границах локализованы крупные городские агломерации с полифункциональным морским хозяйством на базе развитой портовой инфраструктуры (рис. 3). ПМО, обладающие значительным площадным весом, но низкой степенью селитебной и хозяйственной освоенности территории, занимают периферийное положение в структуре опорных баз или располагаются за их пределами; каркас морской экономики таких таксонов формируют монофункциональные рассредоточенные пункты, лишенные портовой составляющей.

Наиболее многочисленные и значимые типы ПМО юго-западного макротипа представлены как талассоцентрированными, так и лишенными данного свойства территориальными единицами, соотношение которых по основным показателям выглядит асимметрично. Ключевая роль в пространственном развитии принадлежит талассоцентрированным ядрам опорных баз с полифункциональным морским хозяйством, которые дополняются периферийными элементами. В этой части приморской зоны страны происходит рост плотности демографического и экономического потенциалов.

Существенные различия между ПМО (третье направление их типологизации) связаны с присущей им степенью проблемности (в природно-экологическом, соци-

ально-экономическом и геополитическом аспектах), а также мерами (направлениями, инструментами) их целевой государственной (в первую очередь федеральной) поддержки.

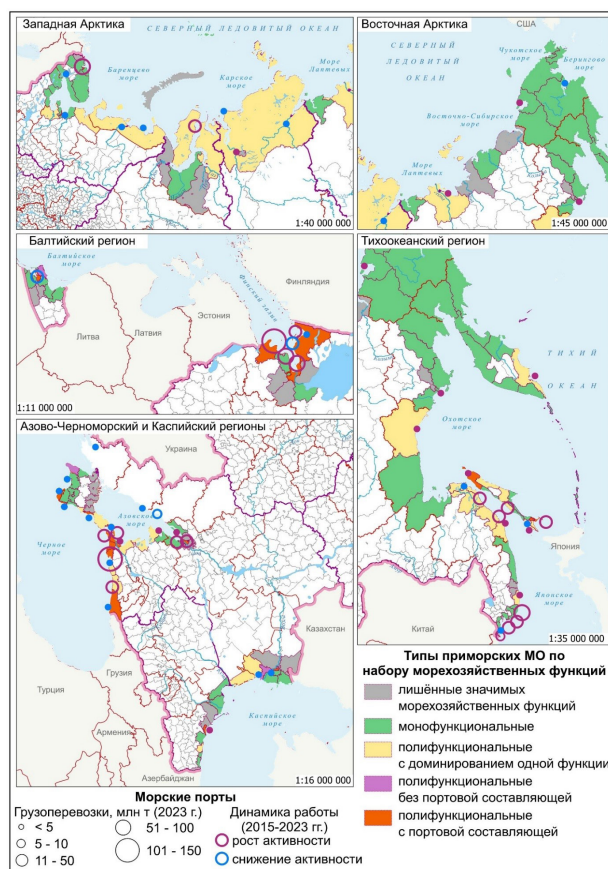

Рис. 3. Типы приморских муниципальных образований России по набору морехозяйственных функций

Как свидетельствует проведенная аналитика, в рамках северо-восточного макротипа количественно преобладают талассоцентрированные ПМО с разными вариантами структурных свойств: наиболее значимыми являются ядра опорных баз морехозяйственной активности с полифункциональным морским хозяйством (на 9 ПМО такого подтипа приходится свыше 40 % демографического потенциала и доходов населения).

Проведенным исследованием идентифицированы, в частности, более 60 ПМО, где социально-экономическое развитие осложняется транспортно-логистической изолированностью (отсутствием прямого круглогодичного наземного транспортного сообщения с крупными экономическими центрами за пределами региона), основная их часть локализована в пределах северо-восточного макротипа (табл. 3) — в Арктике (отдельные ПМО Мурманской области, территории от Ненецкого АО до Чукотки) и Тихоокеанской России (Камчатка, Сахалин, Магаданская область и часть Хабаровского края) [28]. В рамках юго-западного макротипа данная проблема присуща приморским муниципалитетам Калининградской области, чья изоляция в последние годы усилилась из-за барьерной функции российско-литовской границы

[31]. В целом же ПМО данного типа охватывают обширные пространства площадью более 4,6 млн км², или 79 % всей территории ПМО России, в них проживает 1,9 млн чел.

Таблица 3

**Сопряженность наиболее значимых типов ПМО
и проблем пространственного развития**

Подтип			Количество ПМО	Вес типа ПМО, %			Проблемное поле пространственного развития						
Талассоцентрированность	Вхождение в опорную базу морской активности	Морехозяйственные функции		Население	Территория	Доходы	Отставание по уровню социально-экономического развития	Неблагоприятное военное-стратегическое положение	Сложности ведения хозяйства в связи с геополитическими обстоятельствами	Повышенная уязвимость природных комплексов	Изолированность	Депопуляция	Сложные природно-климатические условия
Юго-западный макротип													
Нет	Нет	Нет	20	11,6	21,0	14,5	Да	Да	Да	—	—	—	—
Нет	Периферия	Моно	12	5,1	17,5	3,5							
Да	Периферия	Моно	11	3,7	6,3	3,8	—	Да	—	Да	Да	—	—
Да	Периферия	Поли	12	7,2	19,7	10,6	—	Да	Да	Да	—	—	—
Да	Ядра	Поли	15	64,3	7,7	53,2							
Всего			70	91,8	72,2	85,7	—						
Северо-восточный макротип													
Да	Нет	Моно	12	1,9	17,3	1,6	Да	—	—	—	Да	Да	Да
Да	Периферия	Моно	17	4,2	4,8	2,9							
Да	Нет	Поли	6	3,7	28,6	3,3	—	—	—	—	Да	Да	Да
Да	Периферия	Поли	13	7,6	9,8	7,9	—	—	—	Да	Да	—	Да
Да	Ядра	Поли	9	47,9	0,1	40,1	—	—	—	Да	—	—	Да
Всего			57	65,3	60,6	55,8	—						

Составлено по данным Росстата.

Сложные природно-климатические условия жизнедеятельности в большей степени присущи ПМО северо-восточного макротипа. В границах районов Крайнего Севера, горных территорий и зон с активными опасными сейсмическими и вулканическими процессами локализованы 88 ПМО, которые занимают 97 % площади приморских муниципалитетов страны и концентрируют около 2,6 млн чел. Проблемы природно-экологического характера в ПМО северо-восточного макротипа, преимущественно за пределами ядер морских баз, связаны с глобальными климатическими изменениями, тогда как пространственное развитие большей части ПМО юго-западного макротипа сопряжено с локальными экстерналиями селитебной и экономической динамики, генерируемыми плотнозаселенными ядрами опорных баз морехозяйственной активности.

В развитии ПМО прослеживается сопряженность и с проблемами социально-экономического и геополитического характера. В ПМО северо-восточного макротипа в большей степени проявлены депопуляция и существенное отставание периферийных территорий по уровню социально-экономического развития. Некоторые

ПМО юго-западного типа в последнее десятилетие испытывают сложности ведения хозяйства в связи с геополитическими обстоятельствами, а также с изменением военно-стратегического положения.

В пределах приморской зоны России уместно выделить следующие наиболее «проблемные ареалы» развития (рис. 4):

- 1) ПМО Мурманской области в северной части Кольского полуострова, исключая Мурманск и Североморск;
- 2) все приморские муниципалитеты Якутии;
- 3) ПМО северной части Тихоокеанской России, занимающие территорию от Чукотского района Чукотского АО до ПМО Магаданской области и Камчатки, имеющие выход к заливу Шелихова в Охотском море;
- 4) ПМО центральной части Тихоокеанской России, простирающиеся от Ольского городского округа Магаданской области на севере до Тугуро-Чумиканского района Хабаровского края на юге;
- 5) ПМО северной части Сахалинской области.

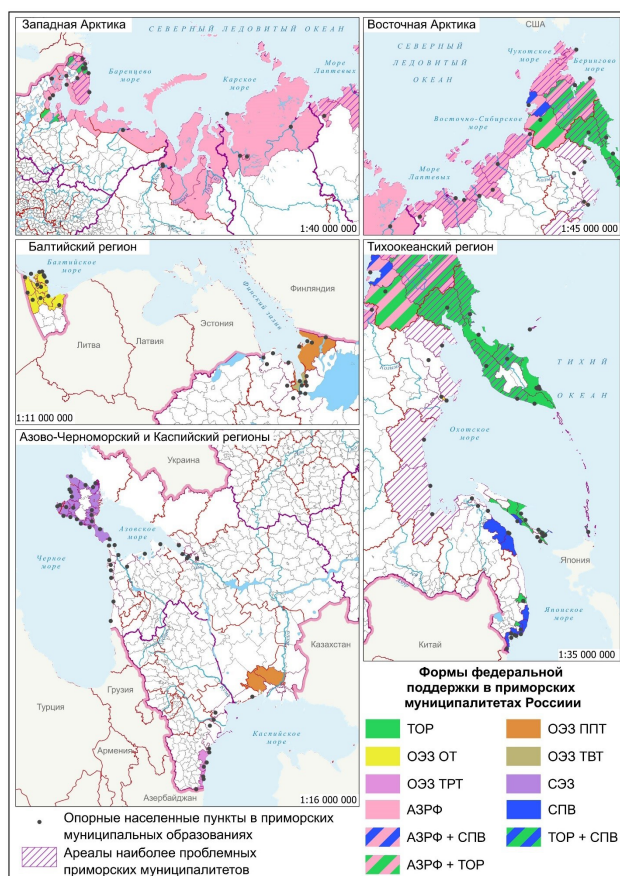

Рис. 4. Сопряженность «проблемных ареалов» и форм федеральной поддержки развития ПМО России

Примечание: ТОР — территория опережающего развития; ОЭЗ — особая экономическая зона, в том числе ОТ — общего типа, ППТ — промышленно-производственного типа, ТВТ — технико-внедренческого типа, ТРТ — туристско-рекреационного типа; СЭЗ — свободная экономическая зона; СПВ — Свободный порт Владивосток; АЗРФ — Арктическая зона РФ.

Приоритетность ПМО для страны, ее геополитики и экономики, сопряженная с проблемностью социально-экономического развития значительного числа ПМО, находит свое отражение в федеральной пространственной политике. Так, все ПМО северо-восточного макротипа, а также Калининградской области, Крыма, Дагестана включены в состав геостратегических территорий России (ПМО северо-восточного макротипа — как входящие в состав Арктической зоны РФ и/или Дальневосточного федерального округа, Дагестана — как входящего в состав Северо-Кавказского федерального округа). По геостратегическим территориям приняты государственные программы их социально-экономического развития, что позволяет получать им повышенные объемы федеральных инвестиций; геостратегические территории в значительной степени охвачены преференциальными режимами ведения хозяйственной деятельности. Так, во всех арктических ПМО действует преференциальный режим Арктической зоны РФ, территория Калининградской области является особой экономической зоной, территория Крыма (Республики Крым и Севастополя) — свободной экономической зоной. В северо-восточном макрорегионе функционируют также особая экономическая зона в Магаданской области и на Курильских островах Сахалинской области, территории опережающего развития в 37 дальневосточных и арктических ПМО, режим Свободного порта Владивосток — в 16 ПМО пяти дальневосточных субъектов федерации. В регионах юго-западного макротипа создано 9 особых экономических зон всех возможных типов в соответствии с федеральным законом «Об особых экономических зонах в Российской Федерации». В конечном итоге преференциальными режимами ведения хозяйственной деятельности охвачено более $\frac{2}{3}$ ПМО — 125 собственно ПМО, а также Санкт-Петербург и Севастополь (рис. 4).

Вместе с тем федеральная политика в отношении ПМО сохраняет еще немало проблем и «узких мест». Прежде всего преференциальными режимами ведения хозяйственной деятельности охвачены отнюдь не все проблемные ПМО, в том числе в северо-восточном макрорегионе за пределами Арктической зоны РФ (рис. 4). Территории опережающего развития, Свободный порт Владивосток созданы в тех дальневосточных ПМО, где есть потенциал экономического роста, а это, как правило, более экономически развитые территории в пределах макрорегиона, поскольку приморские территории опережающего развития — это преимущественно монопрофильные (рыбохозяйственные, портовые или добывающие) ПМО с присущим им комплексом сложных социально-экономических проблем.

Вместе с тем, как было показано ранее [32], распространение преференциального режима Арктической зоны Российской Федерации на все входящие в нее муниципалитеты тоже отнюдь не способствует ускоренному росту экономики самых проблемных территорий, поскольку большинство инвесторов предпочитают реализовывать свои проекты в относительно благоприятных для этого условиях, концентрируясь в итоге в агломерациях Архангельска и Мурманска и оставляя почти без внимания ПМО Якутии. Иначе говоря, перспективы социально-экономического развития наиболее проблемных, периферийных территорий нуждаются в дальнейшей серьезной проработке.

Сказанное справедливо и в отношении Дагестана: для Северного Кавказа, в отличие от всех других геостратегических территорий России, не был разработан свой, «особый» преференциальный режим, поддержка ПМО Дагестана ограничилась созданием в них особых экономических зон туристско-рекреационного типа. Это важно, поскольку преференции для инвесторов особых экономических зон

Калининградской и Магаданской областей, свободной экономической зоны Крыма, Арктической зоны Российской Федерации, территорий опережающего развития и Свободного порта Владивосток гораздо масштабнее.

Еще одной проблемой является недостаточная ориентированность преференциальных режимов на использование преимуществ именно приморского положения муниципалитетов. В северо-восточном макротипе очевидным исключением является режим Свободного порта Владивосток (который ограничивается только Дальним Востоком и не распространен, к примеру, на арктические порты), в юго-западном — Каспийский кластер в Астраханской области, объединивший портовую особую экономическую зону в Лиманском районе и промышленно-производственную особую экономическую зону в Наримановском районе, и промышленно-производственная зона «Усть-Луга» в Кингисеппском районе Ленинградской области.

Крайне неудачным оказался опыт создания туристско-рекреационных особых экономических зон в ПМО Краснодарского края, и сейчас это единственный из приморских субъектов РФ, где нет преференциальных режимов ведения хозяйственной деятельности [33]. Решение о создании особой экономической зоны (промышленно-производственного типа) в Ростовской области было принято только в марте 2024 г., и местом для нее выбран Новочеркасск — муниципалитет не приморский сам по себе, но входящий в состав агломерации Ростова-на-Дону.

Аналогичная ситуация — отсутствия четкого позиционирования ПМО среди других типов муниципальных образований — хорошо видна также по Единому перечню опорных населенных пунктов, который в недавно вступившей в действие «Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года» назван в качестве одного из основных механизмов реализации Стратегии¹. Из 2160 опорных населенных пунктов России 158 относятся непосредственно к приморским муниципалитетам (рис. 4), из них наиболее широко представлены следующие типы: более трети (59) — населенные пункты, которые являются основными центрами предоставления социальных услуг для одного или нескольких муниципальных образований, в 20 населенных пунктах реализуются новые инвестиционные проекты, существенно влияющие на экономику территории, еще 20 — это опорные пункты, основная функция которых состоит в обслуживании критически важной инфраструктуры — основная их часть влияет на пространственное развитие преимущественно на локальном или муниципальном уровнях. В приморском пространстве России выделены 10 опорных населенных пунктов, которые являются ядром городской агломерации (численность населения города свыше 250 тыс. чел.). Наиболее густая сеть опорных населенных пунктов сформирована в ПМО юго-западного макротипа, что коррелирует с географическими особенностями расселения в России.

На наш взгляд, в Едином перечне опорных населенных пунктов важно было бы отразить множественность функций таковых, в том числе обратив особое внима-

¹ Стратегия пространственного развития России до 2030 года с прогнозом до 2036 года, 2025, Министерство экономического развития Российской Федерации, URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/regionalnoe_razvitie/strategicheskoe_planirovanie_prostranstvennogo_razvitiya/strategiya_prostranstvennogo_razvitiya_rossii_do_2030_goda_s_prognozom_do_2036_goda/ (дата обращения: 05.02.2025). Согласно тексту Стратегии, «“опорный населенный пункт” — населенный пункт, приоритетное развитие которого способствует достижению национальных целей и обеспечению национальной безопасности, в том числе за счет обеспечения доступности образования, медицинской помощи, услуг в сфере культуры и реализации иных потребностей для жителей прилегающей территории».

ние на центры морехозяйственной активности. В самой Стратегии ставится задача обеспечения эффективного использования морских акваторий в увязке с развитием прибрежных территорий, однако разработка реальных шагов по решению этой задачи еще только предстоит.

Заключение

1. Зафиксированное в Морской доктрине Российской Федерации стратегическое понимание «развития морской деятельности и морского потенциала»¹ как одного из решающих условий устойчивого социально-экономического развития Российской Федерации требует не только приоритетного внимания к приморским территориям страны, к их селитебной и хозяйственной специфике, но и культивирования полимасштабного и детализированного подхода к их анализу. Это, в свою очередь, предполагает вычленение в качестве ключевых, обладающих наиболее явной «приморскостью» именно территориальных образований муниципального уровня.

2. Присущая России множественность ПМО (186 территориальных единиц) и их выраженная разнородность по спектру базовых условий и важнейших параметров социально-экономического развития инициирует применение к ним инструментария многомерной типологизации. В его основу (выделение конкретных типов ПМО и их агрегированных макротипов) должен быть положен учет зональных (природно-селитебно-хозяйственных) и азональных (центр-периферийные структуры урбанистического типа) признаков, соотнесенных с «морскими» функционалом и позицией (эффектом талассоцентрированности), а также спектром узловых локализованных социально-экономико-экологических проблем и сфокусированными (территориально адаптированными) направлениями и мерами федерального регулирования пространственного развития.

3. Учет характеристик приморских территорий позволяет наряду с двумя их четко идентифицируемыми макротипами («северо-восточным» и «юго-западным») обособить атипические ПМО (Мурманская и Владивостокская агломерации, юг Сахалина), а также ряд наиболее широко представленных интегрированных типов. Превалирующими (по численности, демографическому и экономическому потенциалу) являются ПМО, совмещающие талассоцентрированность с «морским» хозяйственным функционалом, а также диверсифицированные морехозяйственные функции с приуроченностью к опорным базам морской активности.

4. В пространственном развитии ПМО северо-восточного макротипа фактор тяготения административных центров к морю и развитость морехозяйственных функций имеет большую значимость, чем для ПМО юго-запада, где природно-климатические условия детерминировали более сложную территориально-отраслевую структуру экономики. Для ряда приморских муниципалитетов Арктики и Тихоокеанской России приморское положение при текущем уровне освоения побережий страны — вызов, а не преимущество географического положения.

5. Основной вектор пространственного развития ПМО России связан с диверсификацией их морехозяйственных функций, повышением транспортной связности с внутренними районами страны и эшелонированием морского хозяйства вглубь приморских территорий (регионов) и прилегающих акваторий с учетом принципов и подходов комплексного аква-территориального планирования.

¹ Об утверждении Морской доктрины Российской Федерации (с изменениями и дополнениями), Указ Президента РФ от 31 июля 2022 г., 2022, №512, *Справочно-правовая система «Гарант»*, URL: https://base.garant.ru/405077499/#block_1000 (дата обращения: 27.04.2025).

6. Заявленная в Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 г. с прогнозом до 2036 г. задача развития морского пространственного планирования, обеспечивающего взаимную увязку планирования развития морских акваторий и прибрежных территорий, потребует учета всего разнообразия ПМО, представленного в данной статье, особенно в части понимания талассоцентрированности и хозяйственной специализации приморских территорий. В федеральной пространственной политике важна проработка вопросов создания условий для экономического развития тех приморских муниципалитетов, которые в настоящее время отличаются высокой степенью проблемности, периферийностью, слабой вовлеченностью в морехозяйственную деятельность.

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23-18-00180 «Поливариантность детерминант и трендов экономической динамики муниципальных образований России: концептуализация, идентификация и типологизация в интересах государственного регулирования пространственного развития») в Институте народнохозяйственного прогнозирования РАН.

Список литературы

1. Дружинин, А. Г. 2023, Геополитическая обусловленность воздействия «фактора моря» на пространственное развитие постсоветской России: балтийская специфика, *Балтийский регион*, т. 15, № 4, с. 6—23, EDN: WQJCIK, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2023-4-1>
2. Курило, А. Е., Дружинин, П. В., Шкиперова, Г. Т., Прокопьев, Е. А. 2020, Социально-экономическое развитие прибрежных муниципальных районов Беломорья, *Арктика: экология и экономика*, № 2, с. 97—108, EDN: DXMLXM, <https://doi.org/10.25283/2223-4594-2020-2-97-108>
3. Федоров, Г. М. 2018, Калининградская область среди приграничных приморских субъектов России, *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Естественные и медицинские науки*, № 2, с. 5—20, EDN: XTLEDR
4. Гуменюк, И. С., Гуменюк, Л. Г., Белов, Н. С. 2019, «Приморский фактор» в программах пространственного развития муниципальных образований Калининградской области, *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Естественные и медицинские науки*, № 2, с. 5—22, EDN: WNBWO
5. Кузнецова, О. В. 2024, Федеральная Арктическая политика и ее муниципальная составляющая, *Научные труды Вольного экономического общества России*, т. 246, № 2, с. 96—115, EDN: IXIGZX, <https://doi.org/10.38197/2072-2060-2024-246-2-96-115>
6. Бакланов, П. Я., Мошков, А. В., Ткаченко, Г. Г., Ушаков, Е. А. 2024, Производственно-технические структуры в приморских поселениях Тихоокеанской России, *Тихоокеанская география*, № 1, с. 5—19, EDN: WVIYMS, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-1-1>
7. Дружинин, А. Г., Лялина, А. В. 2020, Приморские муниципалитеты России: концептуализация, идентификация, типологизация, *Геополитика и экогеодинамика регионов*, т. 6, № 2, с. 20—35, EDN: LPVNCG
8. Тикунов, В. С. 1997, *Классификации в географии: ренессанс или увядание? (Опыт формальных классификаций)*, Москва, Смоленск, Изд-во СГУ.
9. Бондаренко, В. С. 1981, Экономико-географическое изучение приморских зон, *Вестник МГУ. География*, № 1, с. 36—41.
10. Бакланов, П. Я. 2022, Устойчивое развитие приморских регионов: географические и геополитические факторы и ограничения, *Балтийский регион*, т. 14, № 1, с. 4—16, EDN: FTZLKK, <https://doi.org/2079-8555-2022-1-1>

11. Лачининский, С. С., Лачининский, А. С., Семенова, И. В. 2016, Геоэкономический фактор в формировании пространственной структуры Санкт-Петербургского приморского региона, *Известия Русского географического общества*, т. 148, № 2, с. 52—67, EDN: VRWWXT
12. Махновский, Д. Е. 2014, Приморские регионы Европы: развитие экономики на рубеже XX и XXI веков, *Балтийский регион*, № 4, с. 59—78, EDN: TIGDMV, <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2014-4-4>
13. Михайлова, А. А., Горочная, В. В., Гуменюк, И. С., Плотникова, А. П., Михайлов, А. С. 2021, Влияет ли приморское положение муниципалитетов на их инновационное развитие?, *Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле*, т. 66, № 3, с. 460—486, EDN: RTJFKN, <https://doi.org/10.21638/spbu07.2021.303>
14. Barragán, J. M., de Andrés, M. 2015, Analysis and trends of the world's coastal cities and agglomerations, *Ocean and Coastal Management*, № 114, p. 11—20, <https://doi.org/10.1016/j.ocecoaman.2015.06.004>
15. Kaulins, J., Ernsteins, R. et. al. 2017, Municipal thematical and territorial indicator systems for sustainable socio-ecological coastal governance, *Proceedings of The International Scientific Conference*, p. 318—329, URL: <https://cibmee.vgtu.lt/index.php/verslas/2017/paper/view/141/85> (дата обращения: 15.03.2025).
16. Seingier, G., Espejel, I., Fermán-Almada, J. L., González, O. D., Montaña-Moctezuma, G., Azuz-Adeath, I., Aramburo-Vizcarra, G. 2011, Designing an integrated coastal orientation index: a cross-comparison of Mexican municipalities, *Ecological Indicators*, vol. 11, № 2, p. 633—642, <https://doi.org/10.1016/j.ecolind.2010.08.009>
17. Pomianowski, A., Doburzyński, S. 2021, The Importance of Coastal Cities and Regions in Selected European Countries, *European Research Studies Journal*, vol. XXIV, № 4, p. 578—589, EDN: WCRVSM, <https://doi.org/10.35808/ersj/2608>
18. Mikhaylov, A. S., Mikhaylova, A. A., Kuznetsova, T. Y. 2018, Coastalization effect and spatial divergence: Segregation of European regions, *Ocean and Coastal Management*, № 161, p. 57—65, EDN: XXLJXV, <https://doi.org/10.1016/j.ocecoaman.2018.04.024>
19. Федоров, Г. М., Корнеев, В. С. 2015, Социально-экономическая типологизация приморских регионов России, *Балтийский регион*, № 4, с. 121—134, EDN: VCYWWD, <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2015-4-7>
20. Кузнецова, О. В. 2022, Развитие муниципальной проблематики в государственной пространственной политике России, *Региональные исследования*, № 2, с. 16—24, EDN: MAFVDK, <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2022-2-2>
21. Ромашина, А. А. 2019, Типология муниципальных образований России по специализации экономики и положению в системе расселения, *Региональные исследования*, № 3, с. 42—52, EDN: HBEJUG, <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2019-3-4>
22. Нефедова, Т. Г., Тревиш, А. И., Шелудков, А. В. 2022, Полимасштабный подход к выявлению пространственного неравенства в России как стимула и тормоза развития, *Известия Российской академии наук. Серия географическая*, № 86 (3), с. 289—309, EDN: FCOHMS, <https://doi.org/10.31857/S2587556622030128>
23. Кузнецова, О. В. 2024, Муниципальные образования России: новые подходы к типологизации и оценке социально-экономической ситуации, *Региональные исследования*, № 3, с. 4—15, EDN: OTDVOT, <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2024-3-1>
24. Вольхин, Д. А. 2024, ГИС-моделирование типов муниципалитетов для целей пространственного развития (на примере регионов Российского Причерноморья), *Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. География. Геология*, т. 10, № 2, с. 42—60, EDN: NFNDA
25. Дружинин, А. Г. 2023, Талассоцентрированность приморских территорий России: селитебное и хозяйственное измерение, *Региональные исследования*, № 4, с. 18—28, EDN: EIHUJD, <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2023-4-2>

26. Дружинин, А. Г. 2020, Опорные базы морского порубежья России: экономическая динамика в условиях геополитической турбулентности, *Балтийский регион*, т. 12, № 3, с. 89—104, EDN: CHWNEA, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2020-3-6>

27. Тикунов, В. С., Черешня, О. Ю. 2015, Индекс экономического развития регионов Российской Федерации, *Вестник Московского университета. Серия 5: География*, № 6, с. 41—47, EDN: VYTUTV

28. Бадина, С. В., Панкратов, А. А., Янков, К. В. 2020, Проблемы транспортной доступности изолированных населенных пунктов европейского сектора Арктической зоны России, *ИнтерКарто. ИнтерГИС*, т. 26, № 1, с. 305—317, EDN: НМНХКЕ, <https://doi.org/10.35595/2414-9179-2020-1-26-305-317>

29. Бокучава, Д. Д., Бородина, Т. Л., Виноградова, В. В., Глезер, О. Б., Золотокрылин, А. Н., Соколов, И. А., Титкова, Т. Б., Черенкова, Е. А., Ширяева, А. В. 2018, *Природно-климатические условия и социально-географическое пространство России*, Москва, Институт географии РАН, EDN: VTAYEG, <https://doi.org/10.15356/ncsgsrus>

30. Оценка природно-географических условий для жизни населения и хозяйственной деятельности, *Национальный атлас России, т. 3. Население. Экономика*, URL: <https://nationalatlas.ru/tom3/50-51.html> (дата обращения: 05.02.2025).

31. Федоров, Г. М., Зверев, Ю. М. 2024, *Россия на Балтике: 2014—2023 годы*, Калининград, Издательство БФУ им. И. Канта, EDN: BLYKYU, URL: <https://publish.kantiana.ru/catalog/non-periodical/monografii/978-5-9971-0839-7/> (дата обращения: 20.02.2025).

32. Кузнецова, О. В. 2024 Экономическая дифференциация и восприимчивость муниципалитетов российской Арктики к федеральным преференциальным режимам, *Экономика региона*, т. 20, № 2, с. 462—476, EDN: NDHCXU, <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2024-2-8>

33. Кузнецова, О. В. 2016, Особые экономические зоны: эффективны или нет? *Пространственная экономика*, № 4, с. 129—152, EDN: XEDUEZ, <https://doi.org/10.14530/se.2016.4.129-152>

Об авторах

Александр Георгиевич Дружинин, доктор географических наук, профессор, директор Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем, Южный федеральный университет, Россия; главный научный сотрудник, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Россия; ведущий научный сотрудник, Институт географии РАН, Россия.

<https://orcid.org/0000-0002-1642-6335>

E-mail: alexdru9@mail.ru

Денис Антонович Вольхин, кандидат географических наук, доцент кафедры социально-экономической географии им. Н. В. Багрова, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Россия.

<https://orcid.org/0000-0001-6975-559X>

E-mail: lomden@mail.ru

Ольга Владимировна Кузнецова, доктор экономических наук, профессор, профессор РАН, заместитель директора по научной работе, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Россия.

<https://orcid.org/0000-0003-4341-0934>

E-mail: kouznetsova_olga@mail.ru

COASTAL MUNICIPALITIES IN THE SPATIAL DEVELOPMENT OF RUSSIA: MULTIDIMENSIONAL TYPOLOGIZATION

A. G. Druzhinin^{1, 2}

D. A. Volkhin³

O. V. Kuznetsova⁴

¹ Southern Federal University,
105/42 Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don, 344006, Russia

² Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences,
29 Staromonetny Lane, Moscow, 119017, Russia

³ V. I. Vernadsky Crimean Federal University,
4 Prospekt Akademika Vernadskogo, Simferopol, 295007, Russia

⁴ Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences,
47 Nakhimovsky Prospekt, Moscow, 117418, Russia

Received 05 May 2025

Accepted 30 July 2025

doi: 10.5922/2079-8555-2025-3-5

© Druzhinin, A. G., Volkhin, D. A.,
Kuznetsova, O. V., 2025

In the spatial structure of modern Russia, vast coastal zones play a significant role. Their further development requires a highly detailed and localized approach (down to the level of specific coastal municipalities) that considers the natural, ecological, and socio-economic conditions of settlement and economic activity. This article presents a methodological approach and the results of a multidimensional typology of Russia's coastal municipalities (186 urban districts, municipal districts, and municipal okrugs (a type of municipality in Russia)). The typology is based on interbasin natural and economic zonation; comparison of the economic, demographic, and areal size of municipalities; the position of their administrative centres relative to the coastline; central-peripheral relations within the framework of the 'main bases' of marine activity; marine economic functionality; prevailing local socio-economic and environmental problems; and the availability of federal support through preferential business regimes. The typologization algorithm is described along with its cartographic visualization (using GIS). The article also provides an assessment and comparative analysis of the socio-economic dynamics of different types and subtypes of coastal municipalities. The study identifies multidirectional trends in the spatial socio-economic development of Russia's coastal zone: polarization, population and economic concentration in some municipalities, and economic contraction in others. The most problematic typological groups and their geographic locations (Pacific Russia and the Arctic zone) are identified. Finally, the article emphasizes the importance of accounting for these typological features in Russia's spatial development strategy, including in the context of federal support for geostrategic territories and the creation of a network of anchor settlements.

Keywords:

coastal municipalities, typology, marine complex, spatial development, Russia

References

1. Druzhinin, A. G. 2023, The geopolitical effect of the maritime factor on the spatial development of Post-Soviet Russia: the baltic case, *Baltic Region*, vol. 15, №4, p. 6—23, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2023-4-1>

To cite this article: Druzhinin, A. G., Volkhin, D. A., Kuznetsova, O. V. 2025, Coastal municipalities in the spatial development of Russia: multidimensional typologization, *Baltic Region*, vol. 17, № 3, p. 81—101.
doi: 10.5922/2079-8555-2025-3-5

2. Kurilo, A. E., Druzhinin, P. V., Shkiperova, G. T., Prokopiev, E. A. 2020, Socio-economic development of coastal municipal areas of the white sea region, *Arktika Ekologia I Ekonomika*, vol. 39, № 2, p. 97—108, <https://doi.org/10.25283/2223-4594-2020-2-97-108>
3. Fedorov, G. M. 2018, The Kaliningrad Region as a coastal border region of Russia, *IKBFU's Vestnik. Series: Natural and Medical Sciences*, № 2, p. 5—20.
4. Gumenyuk, I. S., Gumenyuk, L. G., Belov, N. S. 2019, The coastal factor in spatial development programmes for the municipalities of the Kaliningrad region, *IKBFU's Vestnik. Series: Natural and Medical Sciences*, № 2, c. 5—22.
5. Kuznetsova, O. V. 2024, Federal arctic policy and its municipal dimension, *Proceedings of the VEO of Russia*, vol. 246, № 2, p. 96—115, <https://doi.org/10.38197/2072-2060-2024-246-2-96-115>
6. Baklanov, P. Ya., Moshkov, A. V., Tkachenko, G. G., Ushako, E. A. 2024, Industrial and technical structures in the coastal settlements of Pacific Russia, *Pacific Geography*, № 1, p. 5—19, https://doi.org/10.35735/26870509_2024_17_1
7. Druzhinin, A., Lialina, A. 2020, The Russian coastal municipalities: conceptualization, identification, classification, *Geopolitics and Ecogeodynamics of regions*, vol. 6, № 2, p. 20—35 (in Russ.).
8. Tikunov, V. S. 1997, *Classifications in Geography: Renaissance or Decline? (An Experience of Formal Classifications)*, Moscow, Smolensk, SSU Publishing House (in Russ.).
9. Bondarenko, V. S. 1981, Economic and geographical study of coastal zones, *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seria 5, Geografia*, № 1, p. 36—41 (in Russ.).
10. Baklanov, P. Y. 2022, Sustainable development of coastal regions: geographical and geog political factors and limitations, *Baltic Region*, vol. 14, № 1, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-1-1>
11. Lachininskii, S. S., Lachininskii, A. S., Semenova, I. V. 2016, Geoeconomic factor in formation of spatial structure of the St. Petersburg coastal region, *Proceedings of the Russian Geographical Society*, vol. 148, № 2, p. 52—67 (in Russ.).
12. Makhnovsky, D. 2014, The coastal regions of Europe: economic development at the turn of the 20th century, *Baltic Region*, № 4, p. 50—66, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2014-4-4>
13. Mikhaylova, A. A., Gorochnaya, V. V., Gumenyuk, I. S., Plotnikova, A. P., Mikhaylov, A. S. 2021, Does the coastal location of municipalities influence their innovation development?, *Vestnik of Saint Petersburg University Earth Sciences*, vol. 66, № 3, p. 1—31, <https://doi.org/10.21638/spbu07.2021.303>
14. Barragán, J. M., de Andrés, M. 2015, Analysis and trends of the world's coastal cities and agglomerations, *Ocean and Coastal Management*, № 114, p. 11—20, <https://doi.org/10.1016/j.oceecoaman.2015.06.004>
15. Kaulins, J., Ernsteins, R. et al. 2017, Municipal thematical and territorial indicator systems for sustainable socio-ecological coastal governance, *Proceedings of The International Scientific Conference*, p. 318—329, URL: <https://cibmee.vgtu.lt/index.php/verslas/2017/paper/view/141/85> (accessed 15.03.2025).
16. Seingier, G., Espejel, I., Fermán-Almada, J. L., González, O. D., Montaña-Moctezuma, G., Azuz-Adeath, I., Aramburo-Vizcarra, G. 2011, Designing an integrated coastal orientation index: a cross-comparison of Mexican municipalities, *Ecological Indicators*, vol. 11, № 2, p. 633—642, <https://doi.org/10.1016/j.ecolind.2010.08.009>
17. Pomianowski, A., Doburzyński, S. 2021, The Importance of Coastal Cities and Regions in Selected European Countries, *European Research Studies Journal*, vol. XXIV, № 4, p. 578—589, EDN: WCRVSM, <https://doi.org/10.35808/ersj/2608>
18. Mikhaylov, A. S., Mikhaylova, A. A., Kuznetsova, T. Y. 2018, Coastalization effect and spatial divergence: Segregation of European regions, *Ocean and Coastal Management*, № 161, p. 57—65, EDN: XXLJXV, <https://doi.org/10.1016/j.ocecoaman.2018.04.024>
19. Fedorov, G., Korneevets, V. 2015, Socioeconomic Typology of Russia's coastal regions, *Baltic Region*, № 4, p. 89—101, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2015-4-7>
20. Kuznetsova, O. V. 2022, Development of municipal issues in the state spatial policy of Russia, *Regional Research*, № 2, p. 16—24 (in Russ.), <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2022-2-2>

21. Romashina, A. A. 2019, Typology of Russia municipalities by economic specialization and status in settlement systems, *Regional Research*, № 3, p. 42—52, <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2019-3-4>
22. Nefedova, T. G., Treivish, A. I., Sheludkov, A. V. 2022, A Multi-Scale Approach to Identifying Spatial Inequality in Russia as Incentive and Obstacle in Development, *Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk Seriya Geograficheskaya*, vol. 86, № 3, p. 289—309, <https://doi.org/10.31857/S2587556622030128>
23. Kuznetsova, O. V. 2024, Municipalities of Russia: new approaches to typologization and assessment of socio-economic situation, *Regional Research*, № 3, p. 4—15, <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2024-3-1>
24. Volkhin, D. A. 2024, Gis modeling of municipality types for spatial development purposes (using the example of the regions of the Russian black sea region), *Scientific Notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Geography. Geology*, vol. 10, № 2, p. 42—60, EDN: NFNDA
25. Druzhinin, A. G. 2023, Thalassocentricity of the coastal territories of Russia: residential and economic measurement, *Regional Research*, № 4, p. 18—28, <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2023-4-2>
26. Druzhinin, A. G. 2020, The strongholds of Russian coastal borderlands: economic dynamics amid geopolitical turbulence, *Baltic Region*, vol. 12, № 3, p. 89—104, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2020-3-6>
27. Tikunov, V. S., Cheresnaya, O. Yu. 2015, Economic index for the regions of the Russian federation, *Vestnik Moskovskogo Universiteta, Seriya Geografiya*, № 6, p. 41—47.
28. Badina, S. V., Pankratov, A. A., Yankov, K. V. 2020, Transport accessibility problems of the isolated settlements in Russian European Arctic zone, *Yankov, K. V. Intercarto Intergis*, № 26, p. 305—317, <https://doi.org/10.35595/2414-9179-2020-1-26-305-317>
29. Bokuchava, D. D., Borodina, T. L., Vinogradova, V. V., Glezer, O. B., Zolotokrylin, A. N., Sokolov, I. A., Titkova, T. B., Cherenkova, E. A., Shiryayeva, A. V. 2018, *Natural and climatic conditions and sociogeographical space of Russia*, Moscow, Institute of Geography RAS (in Russ.), <https://doi.org/10.15356/ncsgsrus>
30. Assessment of natural and geographical conditions for the life of the population and economic activity, *National Atlas of Russia, v. 3. Population. Economy* (in Russ.), URL: <https://nationalatlas.ru/tom3/50-51.html> (accessed 05.02.2025).
31. Fedorov, G. M., Zverev, Yu. M. 2024, *Russia in the Baltic: 2014—2023*, Kaliningrad, I. Kant Baltic Federal University Publishing House (in Russ.), URL: <https://publish.kantiana.ru/catalog/non-periodical/monografii/978-5-9971-0839-7/> (accessed 20.02.2025).
32. Kuznetsova, O. V. 2024, Economic Differentiation of Municipalities of the Russian Arctic and their receptivity to Federal Preferential Treatment, *Economy of Regions*, vol. 20, № 2, p. 462—476, <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2024-2-8>
33. Kuznetsova, O. V. 2016, SPECIAL ECONOMIC ZONES: EFFICIENT OR NOT? *Spatial Economic=Prostranstvennaya ekonomika*, № 4, p. 129—152 (in Russ.), <https://doi.org/10.14530/se.2016.4.129-152>

The authors

Prof **Alexander G. Druzhinin**, Director, North Caucasus Institute of Economic and Social Problems, Southern Federal University, Russia; Senior Research Fellow, Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences, Russia.

<https://orcid.org/0000-0002-1642-6335>

E-mail: alexdru9@mail.ru

Dr **Denis A. Volkhin**, Assistant Professor, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Russia.

<https://orcid.org/0000-0001-6975-559X>

E-mail: lomden@mail.ru

Prof **Olga V. Kuznetsova**, Deputy Director for Research, Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences, Russia.

<https://orcid.org/0000-0003-4341-0934>

E-mail: kouznetsova_olga@mail.ru

Submitted for possible open access publication under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution – Noncommercial – No Derivative Works <https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/deed.en> (CC BY-NC-ND 4.0)

ЗВКБАА

ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ ОБРАБАТЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ БАЛТИЙСКИХ РЕГИОНОВ НА ОСНОВЕ ГЛОБАЛЬНОГО И ЛОКАЛЬНОГО ИНДЕКСА МОРАНА

С. С. Красных

Институт экономики Уральского отделения
Российской академии наук,
620014, Россия, Екатеринбург, ул. Московская, 29

Поступила в редакцию 01.05.2025 г.
Принята к публикации 23.07.2025 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2025-3-6
© Красных С. С., 2025

Обрабатывающая промышленность балтийских регионов России столкнулась с серьезными глобальными вызовами в последние годы, включая пандемию COVID-19 и санкционное давление западных стран. Цель исследования заключается в выявлении пространственно-временных эффектов данных внешних шоков на динамику промышленности Санкт-Петербурга, Ленинградской и Калининградской областей и установлении локальных кластеров промышленного роста и спада. Методологической основой выступил пространственный анализ с применением дифференциального глобального и локального индекса Морана, позволяющего оценить пространственную автокорреляцию изменений промышленного производства на муниципальном уровне в период 2019—2023 гг. В качестве исходных данных использованы официальные статистические данные Росстата, нормализованные (очищенные от инфляции) относительно докризисного уровня. Исследование выявило значительную неоднородность реакции регионов: в Калининградской области сформировались обширные зоны упадка из-за высокой зависимости от импорта, в то время как отдельные муниципалитеты Ленинградской области продемонстрировали рост благодаря диверсификации производства и мерам государственной поддержки. Полученные результаты позволили выявить локальные полюса промышленного спада и роста, отражающие значительные пространственные диспропорции в устойчивости промышленности балтийских регионов.

Ключевые слова:

балтийские регионы, обрабатывающая промышленность, муниципалитеты, пространственно-временная автокорреляция, пандемия, санкции

Введение

Балтийские регионы (г. Санкт-Петербург, Ленинградская и Калининградская области) традиционно играют важную роль в экономике страны. Санкт-Петербург является крупным промышленным, научным и транспортным центром Балтийского побережья России. Ленинградская область примыкает к Санкт-Петербургу и обладает развитым машиностроением и агропромышленным комплексом, а

Для цитирования: Красных С. С. Пространственный анализ обрабатывающей промышленности Балтийских регионов на основе глобального и локального индекса Морана // Балтийский регион. 2025. Т. 17, № 3. С. 102—122. doi: 10.5922/2079-8555-2025-3-6

Калининградская область — российская прибрежная область, специализирующаяся на судостроении, пищевой и легкой промышленности. Все три региона известны высокоразвитой обрабатывающей промышленностью и активными внешнеторговыми связями (в частности, Калининград — резидент особой экономической зоны с интенсивной внешней торговлей) [1].

В последние годы обрабатывающая промышленность России столкнулась с двумя ключевыми внешними шоками: пандемией COVID-19 и беспрецедентными западными санкциями. Пандемия вызвала резкие разрывы в глобальных цепочках поставок и снижение спроса (например, в 2020—2021 гг. спад мирового ВВП и промышленного производства) [2]. Одновременно вводились локдауны, ограничивая деятельность предприятий. Санкционное давление ограничило доступ к зарубежным рынкам технологий и капиталов, вызывая перебои с импортом (особенно высокотехнологичного и комплектующих) [3]. В результате в 2022—2023 гг. в России наблюдалось разнонаправленное развитие отраслей: одни регионы и сектора (добывающие, высокотехнологичные) демонстрировали рост, а другие (включая машиностроение) испытывали трудности.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью выявления пространственных закономерностей реакции обрабатывающей промышленности на системные внешние шоки — пандемию COVID-19 и санкционное давление. Балтийские регионы — важные промышленные узлы и зоны внешнеэкономической активности, в значительной степени интегрированные в глобальные производственные и логистические цепочки. В условиях резкого разрыва этих связей остро встал вопрос о степени устойчивости территорий с различной отраслевой структурой и логистическим положением. При этом реакция экономики на кризисы имеет выраженную пространственную неоднородность, что требует применения методов пространственного анализа, способных выявить как очаги спада, так и полюса роста. Сочетание геоаналитики и муниципального уровня анализа позволяет уточнить региональную картину кризисных изменений и выработать адресные меры поддержки промышленности. Цель исследования — выявить пространственно-временные эффекты внешних шоков на динамику обрабатывающей промышленности балтийских регионов России и установить локальные кластеры промышленного роста и спада на муниципальном уровне с использованием методов пространственного анализа, в частности дифференциального индекса Морана.

Для реализации данной цели были сформулированы следующие задачи:

- провести обзор теоретических и методологических подходов пространственного анализа, применимых к исследованию промышленной динамики на региональном и муниципальном уровнях;
- оценить пространственно-временную автокорреляцию изменений промышленного производства с использованием дифференциального локального индекса Морана (LISA), выявить кластеры роста и спада на муниципальном уровне;
- сформулировать рекомендации по территориально-дифференцированной промышленной политике, направленной на преодоление последствий кризисов и повышение устойчивости обрабатывающей промышленности в балтийских регионах.

Отметим, что настоящее исследование имеет ряд ограничений. Во-первых, пространственный автокорреляционный анализ проводится на агрегированных данных по обрабатывающей промышленности без отраслевой детализации. Во-вторых, для муниципалитетов применялся единый дефлятор, соответствующий определенному региону, поскольку отсутствуют локальные индексы потребительских цен для каждого из муниципальных образований. В-третьих, применяемый дифференциальный локальный индекс Морана фиксирует лишь пространственные паттерны

изменений и не раскрывает детерминанты обнаруженных различий, поэтому для выявления данных различий необходим дополнительный анализ. Указанные ограничения определяют направления дальнейших исследований.

Теоретический обзор

Мировая обрабатывающая промышленность понесла серьезные потери из-за пандемии. Исследования указывают, что пандемия вызвала перебои с поставками, вынужденное закрытие заводов и значительные логистические задержки. Влияние было неоднородным: в одних секторах (например, производство средств индивидуальной защиты, электронных компонентов) был взрывной рост, а в других (автомобильная промышленность, авиастроение) — резкое падение. Одновременно по мере адаптации правительств и бизнеса эффект кризиса снижался [2]. Глобальные отчеты МВФ подчеркивали: промышленное производство начало восстанавливаться уже во второй половине 2021 г., став особенно устойчивым в Китае и России¹.

В России влияние пандемии на регионы также оказалось неоднородным. Крупные города, такие как Москва и Санкт-Петербург, несмотря на высокую заболеваемость и уязвимость сектора услуг, продемонстрировали относительную экономическую устойчивость благодаря диверсифицированной экономике, высокому инновационному потенциалу и развитой цифровой инфраструктуре. Это позволило компенсировать спад в одних отраслях ростом в других, особенно в IT и фармацевтике. В то же время регионы с узкой отраслевой специализацией, особенно ориентированные на автопром и топливно-энергетический комплекс, испытали более глубокий экономический спад из-за снижения глобального спроса [5]. Отмечается, что структурные особенности российской экономики: низкая доля непродовольственных услуг и малого бизнеса, а также ограниченное развитие финансового сектора — способствовали снижению негативного воздействия кризиса. Кроме того, менее строгие ограничения в отраслях, таких как сельское хозяйство, строительство и сырьевой сектор, позволили сохранить экономическую активность в ряде регионов [6].

В первые месяцы пандемии предприятия столкнулись с прекращением поставок, нехваткой компонентов и резким сокращением спроса. Так, эксперты отмечают, что рынок труда Калининградской области оказался серьезно ослаблен ограничительными мерами: особенно сильно пострадали организации из наиболее уязвимых секторов — обрабатывающей промышленности, транспорта и логистики [7]. По оценкам Всемирного банка, в 2020 г. в России были утрачены около 1,78 млн рабочих мест, причем значительная часть этих потерь пришлась на обрабатывающую промышленность². В Санкт-Петербурге и Ленинградской области, хотя локдаун прошел несколько мягче, многие предприятия (особенно машиностроительные и автомобильные) также зафиксировали спад производства.

В 2020—2021 гг. темпы роста промышленного производства заметно различались по регионам. В Калининградской области, например, за период первых двух лет кризиса промышленный выпуск упал почти на 27 %, тогда как в некоторых других регионах наблюдался рост (например, в Брянской области +38 % за тот же период) [4]. Существенные различия во многом объясняются специализацией: крупнейшие

¹ ТАСС, 2025, *В МВФ заявили, что мировая экономика восстанавливается быстрее, чем ожидалось*, URL: <https://tass.ru/ekonomika/10955549> (дата обращения: 25.04.2025).

² World Bank Group, 2025, *How has Russia's economy fared in the pandemic era?*, URL: <https://www.worldbank.org/en/news/opinion/2021/06/08/how-has-russia-s-economy-fared-in-the-pandemic-era> (дата обращения: 25.04.2025).

сокращения (помимо Калининграда) произошли в традиционно экспортно-ориентированных отраслях: лесопереработке, металлургии и особенно автомобильном секторе. Как отмечает Н. Зубаревич, среди регионов с развитой автомобильной промышленностью сильнейший спад пришелся как раз на Калининградскую область [8]. Это связано и с тем, что зарубежные компоненты, необходимых для сборки машин, перестали поступать, а параллельный импорт не успевал компенсировать разрыв. В целом падение производства в регионах с высоким уровнем внешней зависимости оказалось заметным.

Санкции 2022—2023 гг. стали еще более масштабным шоком. Еще до 2022 г. российская обрабатывающая промышленность испытывала давление санкций, но после февральских событий ситуация резко ухудшилась. Исследования показывают, что промышленность страдает сильнее прочих секторов из-за интеграции в глобальные цепочки создания стоимости. Так, А. В. Степанов и соавторы выявили сложный эффект влияния санкций на динамику промышленности регионов и описали сценарии импортозамещения и перестройки логистики [3].

Снижались объемы и импорта комплектующих и оборудования, что усугубляло проблемы предприятий балтийских регионов, тесно вовлеченных в мировые производственные сети. По данным исследований, Калининградская и Ленинградская области обладают высокой степенью импортной зависимости в машиностроении, особенно в автопроме, за счет активной интеграции в глобальные цепочки поставок [9]. В 2022 г. это привело к значительному нарушению кооперации: предприятия были вынуждены перенастраивать логистику, искать новых поставщиков и ориентироваться на внутренний рынок (особенно в условиях растущего спроса на отечественные товары) [10]. Заметным итогом стала перестройка экономики региона: в Калининградской области власти шли на радикальную трансформацию внешнеэкономических связей и производственной политики ради минимизации убытков.

Однако уже к 2022—2023 гг. начался процесс адаптации. Согласно данным исследования [11], общая зависимость промышленного производства России от импорта к концу 2023 г. сократилась почти в 1,5 раза по сравнению с началом 2022 г. Это отражает масштабное импортозамещение: предприятия в балтийских регионах стали активнее выпускать продукцию из отечественных компонентов. География зависимости сместилась: вместо сборочных предприятий с высоким импортным содержанием (как было характерно для автозаводов) появились новые лидеры импортозависимости — это территории с проектами с иностранным участием и большим объемом закупок иностранного оборудования. Например, в Санкт-Петербурге такую высокую импортозависимость демонстрируют отдельные фармацевтические производства, опирающиеся на зарубежное оборудование (Biocad, Цитомед, Solopharm и др.), а в Ленинградской области — некоторые химические предприятия, реализующие проекты с иностранным участием (Полипласт Северо-Запад, EuroChem-Северо-Запад, Фосфорит и др.). Одновременно зависимость промышленного производства от импортных поставок в Калининградской области снизилась на 57,5 п. п., а в Ленинградской — на 17,9 п. п. [11]. Такое резкое переупорядочивание указывает, что регионы проводят импортозамещение по широкой номенклатуре и развивают локальные поставки.

При этом изменения шли неравномерно. В наиболее ориентированных на экспорт территориях Северо-Запада: Санкт-Петербурге, Калининградской и Ленинградской областях — из-за санкционного давления в 2022 г. ожидалось существенное падение экономической активности. По оценкам, в 2022 г. Северо-Запад (включая Калининградскую область) пострадал сильнее среднероссийского уровня: многие опрошенные предприятия в мае — июне 2022 г. сообщили о необ-

ходимости кардинально пересмотреть поставщиков и направлять продукцию на внутренний рынок [12]. С января по осень 2023 г. влияние этих факторов стало заметно слабее — благодаря принятым мерам адаптации (изменению логистических цепочек, развитию новых рынков, расширению господдержки) эффект санкций существенно смягчился.

Важную роль сыграло вмешательство государства и развитие региональной индустриальной политики. В 2022—2023 гг. регионы активизировали меры по стимулированию локальных производств (кластеры, индустриальные парки, государственные субсидии, специальные налоговые режимы), что повышало устойчивость промышленности. Исследования показывают, что уже к 2023 г. доля обрабатывающей промышленности в региональном ВРП стала важным фактором роста производства. Увеличение государственного участия (рост доли госсобственности и бюджетных вливаний) стало одним из факторов поддержки промышленного развития в кризисный период. [4]. Политика импортозамещения и поддержки реального сектора приносила результаты: падение импорта комплектующих хотя и было неизбежно, но разрыв в поставках все более перекрывался локальной кооперацией и параллельными схемами поставок.

Таким образом, пандемия и санкции оказали неоднородное воздействие на обрабатывающую промышленность балтийских регионов. С одной стороны, наблюдался резкий спад производства, особенно в секторах с высокой импортной составляющей (автомобилестроение Калининграда, экспортоориентированные предприятия). С другой — уже в 2022—2023 гг. произошли заметные изменения: падение промышленной активности оказалось менее глубоким, чем ожидалось, благодаря импульсу на импортозамещение и локализацию. В результате этого наблюдается сокращение зависимости производства от зарубежных комплектующих по всем ключевым отраслям.

Местные эксперты отмечают: за два года пересмотр потребностей и перестройка логистических цепочек позволили частично нивелировать неблагоприятные эффекты санкций. После ухода иностранных автосборочных гигантов появились новые направления: на освободившихся площадках началось локальное производство автомобилей (например, Solaris на месте Hyundai)¹. Завод «Измерон» под управлением «Бронка групп» в 2023 г. получил 2 млрд рублей на расширенные мощности для нефтегазового оборудования, что отражает реинжиниринг производства с упором на высокотехнологичные ниши². В Калининградской области адаптация прошла через программу «Восток», перезапущенную в начале 2025 г.: регион удвоил лимиты льготных займов, чтобы стимулировать создание новых производств в восточной зоне³. В индустриальном парке Черняховска компания «ДМС Восток» с инвестицией около 2,3 млрд рублей запустила завод глубокой молочной переработки — производит сухое молоко и сливочное масло, экспортные планы — до 40—60 % продукции, запуск намечен на 2025 г. Ленинградская область растет за счет химических компаний, перенаправивших деятельность на внутренний рынок и Восток. Локализация антикоррозионных покрытий началась

¹ РИА новости, 2025, *В Санкт-Петербурге запустили производство автомобилей Solaris*, URL: <https://ria.ru/20240222/avto-1928999404.html> (дата обращения: 25.06.2025).

² Деловой Петербург, 2025, *С новыми вводными: главные инвестпроекты года в Петербурге*, URL: https://www.dp.ru/a/2023/01/11/S_novimi_vvodnimi (дата обращения: 25.06.2025).

³ РБК, 2025, *В Калининграде возобновили программу поддержки бизнеса «Восток»*, URL: <https://kaliningrad.rbc.ru/kaliningrad/31/03/2025/67ea65c29a79472b8f09f70d> (дата обращения: 25.06.2025).

в конце 2022 г., а предприятия удобрений (EuroChem, Фосфорит) адаптировались к закупкам отечественного оборудования и внутренним перераспределениям цепочек поставок.

В целом индустриальный комплекс Санкт-Петербурга, Ленинградской и Калининградской областей в итоге продемонстрировал явную адаптивность: несмотря на серьезный шок, власти и бизнес нашли новые ниши (в том числе на внутреннем рынке и в рамках поворота на Восток) и продолжили развитие перерабатывающих производств.

Также рассмотрим существующие методические подходы для анализа структур и тенденций в обрабатывающей промышленности. В последние десятилетия в экономико-географических и региональных исследованиях применяется широкий спектр методов пространственного моделирования для анализа структур и тенденций в обрабатывающей промышленности.

Классические регрессионные модели (например, МНК-регрессии) предполагают независимость наблюдений и не учитывают пространственную автокорреляцию. В работах по пространственной эконометрике традиционные методы часто дают искажения при наличии пространственной автокорреляции в данных [13]. Для исправления этой проблемы были предложены специальные пространственные модели регрессии. В модели пространственного лага (SAR) зависимая переменная в регионе учитывает влияние соседних регионов через включение пространственно-лаговой переменной [14]. Модель пространственной ошибки (SEM) включает пространственную структуру в остаток регрессии [15]. Оба подхода формализуют явление взаимовлияния производственных показателей между географически близкими регионами и позволяют получить более надежные оценки факторов производства. Однако они требуют формирования матрицы пространственных весов и усложняют эконометрическую интерпретацию (например, устанавливается наличие мультипликативных эффектов). В частности, задача выбора подходящей матрицы весов и правильной спецификации модели представляет серьезную методическую проблему. Расширением этих моделей является пространственная модель Дарбина (SDM), учитывающая пространственные лаги как зависимых, так и независимых переменных [16]. Это повышает гибкость оценки взаимодействий между регионами, но приводит к росту числа параметров и проблеме мультиколлинеарности.

Альтернативный подход — это регрессионные модели с пространственной нестационарностью [17]. Географически взвешенная регрессия (ГВР) позволяет коэффициентам модели меняться в зависимости от местоположения, что дает учет локальной гетерогенности данных. В ГВР для каждой точки строится свой МНК (метод наименьших квадратов) на основе ближайших наблюдений; таким образом снимается допущение о постоянстве факторов влияния по пространству [18]. Это приводит к лучшей подгонке при существенной неоднородности регионов и упрощает интерпретацию локальных эффектов. Как отмечают Д. Мамонтов и Е. Островская, преимуществом ГВР является простота расчетной процедуры и интерпретируемости результатов при наличии выраженной неоднородности региональных характеристик. К недостаткам ГВР можно отнести снижение обобщаемости выводов — модель уже не дает единой глобальной зависимости для всей выборки — а также риски мультиколлинеарности и сложности интерпретации статистики качества модели. Тем не менее авторы заключают, что при анализе данных о российской конвергенции ГВР является наиболее предпочтительным методом моделирования из-за сильных различий регионов [19]. Для задач пространственного моделирования производства это означает, что ГВР позволяет выявлять только зависимости между исследуемыми переменными в пространстве.

Отдельной группой методов являются инструменты анализа пространственной автокорреляции — измерения, оценивающие степень схожести значений близких по расположению территорий. Ключевыми методическими подходами в этой области выступают глобальные и локальные индексы пространственной автокорреляции, например индекс Морана (Moran's I) [20], коэффициент Джири (Geary's C) [21] и индексы «горячих и холодных точек» Гетиса — Орда (Getis—Ord G и G_i^*) [22; 23]. Глобальный индекс Морана оценивает общую тенденцию к кластеризации значений по всей области исследования: положительное значение индекса указывает на то, что соседние регионы имеют схожие (либо одновременно высокие, либо низкие) уровни изучаемой переменной, а отрицательное — на чередование высоких и низких значений. Например, исследование пространственного распределения производственных предприятий показало значимую положительную автокорреляцию: производственные объекты не распределены случайно, а образуют кластеры [24]. Недостатком данной группы методов является их обобщенность: они сообщают лишь о наличии или отсутствии кластеризации в среднем по региону, но не указывают ее конкретные локализации.

Для выявления кластеров используются локальные индексы, в первую очередь локальный индекс Морана (LISA, Anselin's Local Moran's I). Локальный индекс Морана позволяет выявлять горячие точки (концентрации высоких значений) и холодные точки (концентрации низких значений), а также пространственные выбросы — регионы с необычно высоким значением, окруженные низкими (или наоборот). Стоит учесть, что результаты чувствительны к выбору матрицы весов и к масштабу анализа. Помимо индекса Морана для изучения пространственных паттернов иногда применяются статистики Гетиса — Орда (для выявления горячих / холодных зон) и статистика Geary (альтернативная глобальная мера автокорреляции). Такие методы широко используются в геоинформационном анализе. Например, М. М. Nassan и соавторы применяли при анализе деятельности предприятий комбинацию ядра плотности, функции Рэйли и глобальных и локальных индексов Морана, выявив отчетливую кластеризацию ряда отраслей и существенную связь размещения предприятий с доступом к инфраструктуре [25].

Геоинформационные методы дополняют статистический анализ: системы ГИС позволяют визуализировать пространственные закономерности, накладывать и анализировать различные картографические слои, выполнять буферизацию и агрегировать данные в заданных областях. Однако ГИС-анализ часто носит описательный характер: хотя он и выявляет локальные скопления, но детально не учитывает причинно-следственные связи. Кроме того, результаты сильно зависят от качества исходных, что следует принимать во внимание при интерпретации.

Для исследования временных изменений объемов производства стандартные пространственные индексы применяются не напрямую, поскольку они оценивают статическую автокорреляцию. При сравнении двух временных моментов полезно использовать специальные пространственно-временные статистики. Одним из таких инструментов является дифференциальный локальный индекс Морана, который фактически вычисляет локальный индекс Морана для изменений исследуемого показателя между двумя периодами. В отличие от обычного локального индекса Морана, основанного на абсолютных значениях, дифференциальный индекс берет разность между временными периодами (например, прирост или падение производства в регионе) и строит статистику по этим изменениям [26]. Этот метод уточняет анализ глобальных индексов: если глобальный дифференциальный индекс Морана указывает на общую тенденцию к кластеризации, то локальный дифференциальный показатель находит конкретные районы со значимыми изменениями.

Таким образом, в ходе анализа существующих методических подходов было выявлено, что использование дифференциального локального индекса Морана — более всего подходит для изучения динамики производства в балтийских регионах, поскольку этот метод предназначен для оценки пространственно-временной автокорреляции изменений, позволяя выявлять локальные кластеры роста или спада производства. С учетом задач исследования — анализа пространственных-временных изменений объемов обрабатывающих производств и формулировки рекомендаций по развитию отрасли — именно он обеспечивает необходимую детализацию и статистическую строгость.

Методический подход

В рамках данного исследования использовался локальный индекс пространственной автокорреляции Л. Анселина, адаптированный для оценки двухмоментных разностей показателя, — дифференциальный индекс Морана [13]. Этот индекс позволяет определить, насколько изменения изучаемого признака в конкретной точке зависят от аналогичных изменений у соседних территорий. Простыми словами, индекс выявляет наличие кластеров муниципалитетов с близкими темпами роста или спада промышленного производства в течении рассматриваемого периода.

На первом этапе была оценена глобальная пространственная автокорреляция с использованием глобального индекса Морана [20]:

$$I = \frac{N}{W} \cdot \frac{\sum_{i=1}^N \sum_{j=1}^N w_{ij} (x_i - \bar{x}) (x_j - \bar{x})}{\sum_{i=1}^N (x_i - \bar{x})^2}, \quad (1)$$

где N — общее число территориальных единиц;

x_i — значение показателя на территории i (объем отгруженной продукции товаров собственного производства обрабатывающей промышленности в муниципалитете, приведенный к сопоставимым ценам 2019 г.);

$\bar{x}$ — среднее значение показателя по всем территориям;

w_{ij} — элемент матрицы пространственных весов, определяющий степень соседства между i и j ;

$\sum_{i=1}^N (x_i - \bar{x})$ — сумма всех элементов матрицы весов.

Если значение индекса положительно (находится в диапазоне от 1,0 до 0,01), то это свидетельствует о наличии положительной пространственной автокорреляции (кластеризации территорий с близкими значениями — высокими или низкими). При этом чем ближе значение индекса к 0,01, тем слабее пространственная взаимосвязь между изменениями на рассматриваемых территориях; напротив, чем ближе индекс к 1,0, тем сильнее выражена пространственная взаимозависимость и устойчивее кластеры. Отрицательное значение (интервал от -1,0 до -0,01) указывает на отрицательную автокорреляцию (соседство территорий с контрастными значениями). Чем ближе значение индекса к -0,01, тем слабее пространственная взаимосвязь; напротив, чем ближе индекс к -1, тем сильнее выражена пространственная дезинтеграция, при которой рост на одной территории соседствует со снижением на другой. Значение близкое к нулю (диапазон от -0,01 до 0,01), говорит о случайном распределении и отсутствии выраженной пространственной структуры.

Матрица пространственных весов w_{ij} размером $N \times N$ (где $N = 167$) была сформирована на основе расстояний между географическими административными центрами муниципальных образований, рассчитанных по формуле евклидова расстояния с использованием координат широты и долготы. Диагональные элементы матрицы весов были установлены равными нулю $w_{ij} = 0$, поскольку муниципалитет

не рассматривается как влияющий сам на себя. После определения исходных весов выполнялась нормализация матрицы путем масштабирования каждой строки так, чтобы сумма всех элементов в строке была равна единице. Для этого каждый элемент строки делился на сумму всех элементов этой строки, что обеспечивало сопоставимость и корректность последующих результатов пространственного анализа.

В исследовании применяется линейная матрица пространственных весов, поскольку муниципальные образования характеризуются неравномерностью распределения территорий по площади и плотности населения, наличием крупных городских агломераций и значительных различий в уровнях экономического развития. Это делает невозможным использование простых бинарных матриц весов, основанных только на факте граничной смежности, поскольку такие подходы игнорируют степень взаимодействия между удаленными муниципальными образованиями.

Заметим, что в статье термины «территория», «муниципалитет» и «район» употребляются как синонимы, обозначая муниципальные образования (городские округа и муниципальные районы) трех рассматриваемых регионов (всего 167 единиц анализа). Под «кластером» понимается группа муниципалитетов, демонстрирующих схожую динамику промышленного производства.

Далее для каждого муниципалитета рассчитывался локальный индекс Морана:

$$I_i = c (x_{i,t} - x_{i,t-1}) \sum_j w_{ij} (x_{i,t} - x_{i,t-1}), \quad (2)$$

где c — коэффициент масштаба, который рассчитывается как обратная дисперсия изменений объемов обрабатывающих производств, чтобы обеспечить сопоставимость значений индекса; t — временной момент.

Локальный индекс принимает положительные значения, если изменения на территории совпадают с тенденциями соседних территорий (либо совместно растут выше среднего, формируя кластер роста, либо совместно демонстрируют спад). Отрицательные значения индекса означают, что динамика территории резко отличается от динамики соседей, то есть территория выступает пространственным выбросом.

Статистическая значимость локальных индексов определялась методом перестановочного теста с использованием 999 перестановок (уровень значимости $p < 0,05$). По результатам расчетов муниципалитеты были классифицированы по категориям пространственной автокорреляции (LISA):

— High—High (HH): высокая динамика территории и ее соседей, кластер роста (обозначен желтым на рисунках 2, 4);

— Low—Low (LL): низкая динамика территории и ее окружения, зона упадка (обозначен синим на рисунках 2—4);

— High—Low (HL): территория с высоким ростом, выделяющаяся среди соседей с низкими темпами, полюс роста (обозначен красным на рисунках 1—4).

— Low—High (LH): территория с низкой динамикой среди соседей, демонстрирующих рост, остров депрессии (обозначен зеленым на рисунках 3, 4).

— все остальные территории с незначимыми индексами (без выраженной пространственной зависимости).

Расчет индекса Морана проводился отдельно для каждого муниципального образования, что позволило изучить пространственное распределение именно динамики обрабатывающих производств (рост или спад), а не статичных уровней показателей. Все вычисления были выполнены автором, карты кластеров были подготовлены с помощью программ GeoDa и QGIS.

Исходные данные и подготовка

В исследовании использованы муниципальные данные о динамике объемов обрабатывающих производств за 2019—2021 и 2023 гг. В качестве базового (предкризисного) периода принят 2019 г. для нормализации и обеспечения сопоставимости показателей. Рассмотрены два кризисных этапа: пандемийные ограничения (2020—2021) и период санкционного давления (2022—2023). В качестве источника данных выступают официальные статистические материалы Росстата по муниципальным образованиям Санкт-Петербурга¹, Ленинградской² и Калининградской областей³.

С целью уменьшения инфляционного воздействия все стоимостные показатели за 2023 и 2021 гг. были приведены к сопоставимым ценам 2019 г. посредством дефлатирования по индексам потребительских цен, что обеспечило проведение расчетов в реальном выражении. Использовались единые дефляторы для регионов без выделения их значений для муниципалитетов.

Первый кризисный этап характеризовался жесткими ограничениями, связанными с пандемией COVID-19 (2019—2021), что сопровождалось закрытием предприятий и разрывами производственных цепочек (особенно в легкой и автомобильной промышленности). Второй кризисный этап отражает влияние международных санкций и экономических контршоков (2022—2023), проявившееся в нехватке импортного оборудования и комплектующих. Несмотря на вводимые с 2022 г. программы импортозамещения, восстановление в регионах носило неоднородный характер, а технологический дефицит способствовал усилению инфляционных процессов.

Результаты исследования

Перед проведением пространственной кластеризации обрабатывающих производств балтийских регионов был осуществлен анализ дифференциального индекса Морана за период 2019—2020 гг. Полученное значение индекса ($-0,016$) указывает на слабую отрицательную пространственную автокорреляцию, свидетельствующую о незначительной пространственной неоднородности муниципалитетов по динамике развития обрабатывающей промышленности. Статистически значимые пространственные кластеры оказались крайне редкими: лишь два муниципалитета Ленинградской области — Сланцевский и Бокситогорский муниципальные районы (МР) (кластеры типа HL) (рис. 1).

Данные кластеры характеризуются высокими значениями обрабатывающих производств, когда их соседи имеют низкое значение исследуемого показателя. Два значимых кластера составляют всего 1,2 % от общего числа муниципалитетов. Это подтверждает общий вывод о том, что пандемийный кризис 2020 г. носил преимущественно абсолютный характер и затронул муниципалитеты равномерно, без формирования устойчивых пространственных групп роста или падения [27].

Последующий анализ дифференциального индекса Морана за период между 2019 и 2021 гг. выявил аналогичные тенденции. Значение индекса составило

¹ Росстат, 2025, *База данных муниципальных образований Санкт-Петербурга*, URL: <https://rosstat.gov.ru/dbscripts/munst/munst40/DBInet.cgi> (дата обращения: 25.04.2025).

² Росстат, 2025, *База данных муниципальных образований Ленинградской области*, URL: <https://rosstat.gov.ru/dbscripts/munst/munst41/DBInet.cgi> (дата обращения: 25.04.2025).

³ Росстат, 2025, *База данных муниципальных образований Калининградской области*, URL: <https://rosstat.gov.ru/dbscripts/munst/munst27/DBInet.cgi> (дата обращения: 25.04.2025).

–0,011, также подтверждая слабую отрицательную пространственную автокорреляцию и, следовательно, незначительное расслоение уровней развития обрабатывающей промышленности муниципалитетов балтийских регионов (рис. 2).

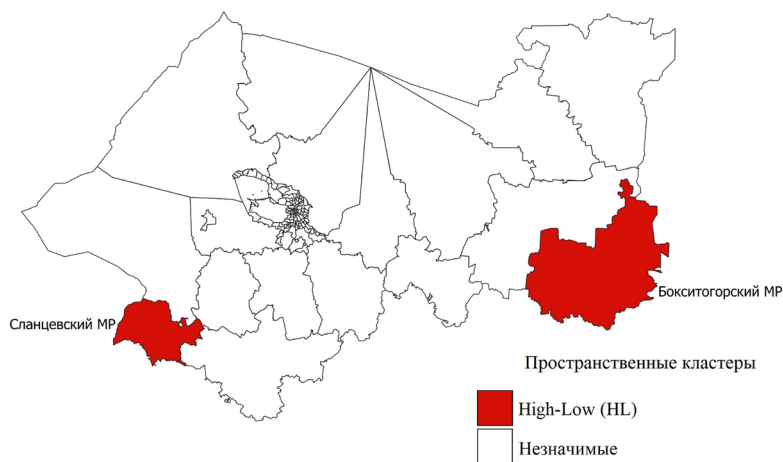

Рис. 1. Пространственная кластеризация обрабатывающих производств балтийских регионов в 2019—2020 гг.

Примечание: Калининградская область не представлена на карте ввиду отсутствия статистически значимых муниципальных образований.

Рассчитано на основе данных Росстата.

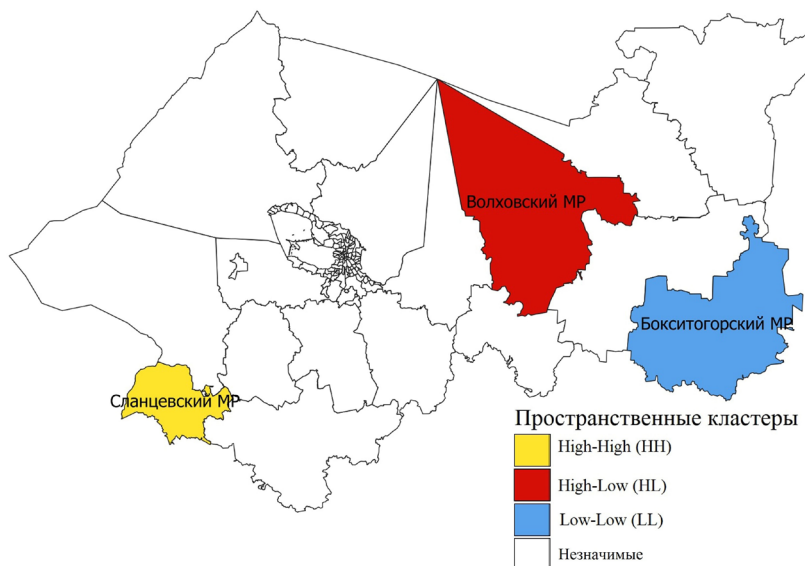

Рис. 2. Пространственная кластеризация обрабатывающих производств Ленинградской области и г. Санкт-Петербурга в 2019—2021 гг.

Примечание: Калининградская область не представлена на карте ввиду отсутствия статистически значимых муниципальных образований.

Рассчитано на основе данных Росстата.

В рамках локального анализа на территории Ленинградской области были выявлены всего три значимых кластера. Сланцевский МР вошел в кластер типа НН, где наблюдалась высокая динамика роста производства и у территории, и у ее соседей. Данный район избежал значительного падения производства за счет относительной устойчивости крупных предприятий, действующих в химической отрасли, что подтверждается отраслевой статистикой региона. Бокситогорский МР, напротив, сформировал кластер типа LL с низкой динамикой роста и снижением объемов производства как в самом муниципалитете, так и у соседних территорий, что связано с общей слабостью локальной промышленной структуры и зависимостью от отраслей, наиболее пострадавших во время пандемии (например, добывающая промышленность и производство строительных материалов). Волховский МР обозначился как полюс роста (кластер типа HL), где наблюдался рост выше, чем у соседних муниципалитетов, благодаря реализации инвестиционных проектов, например строительства завода «ФосАгро» по производству азотно-фосфорных удобрений.

В Санкт-Петербурге и Калининградской области значимых пространственных кластеров за рассматриваемые периоды не выявлено. Причиной этому стала относительно равномерная структура обрабатывающих производств и однородное влияние кризисных факторов, таких как разрывы логистических цепочек и приостановка деятельности предприятий из-за пандемийных ограничений. В Ленинградской области более выраженная кластеризация объясняется значительной неоднородностью структуры промышленности, когда отдельные районы зависят от узкого круга отраслей и конкретных предприятий, по-разному адаптировавшихся к внешнему кризисному воздействию.

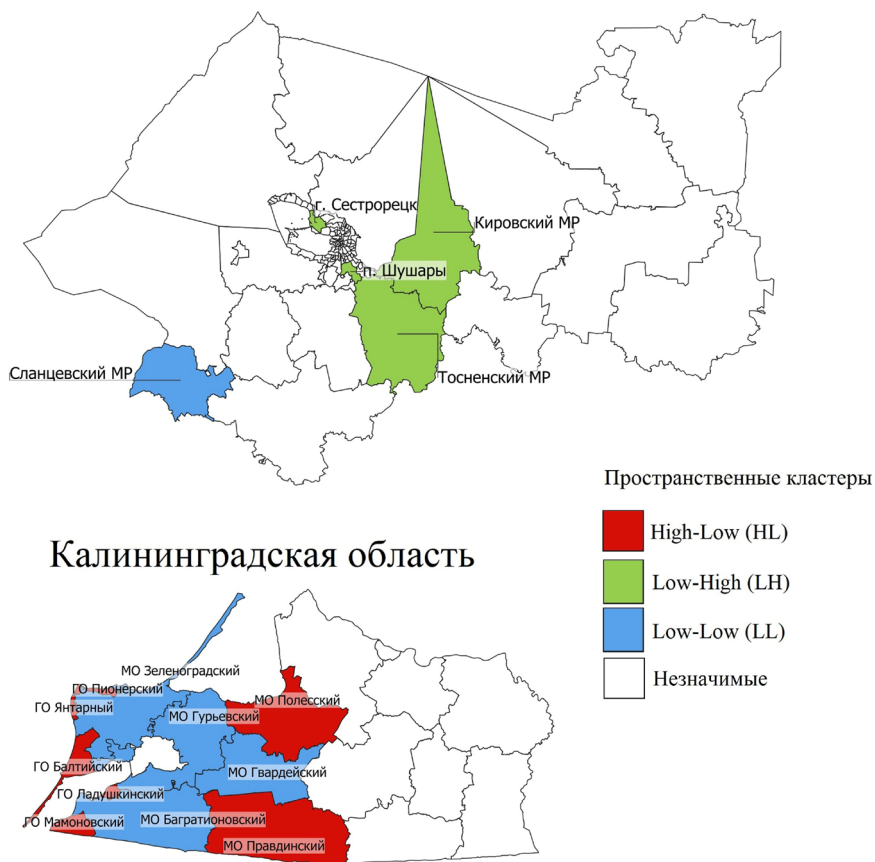
Для периода 2021—2023 гг. дифференциальный глобальный индекс Морана оказался практически нулевым (0,001), что свидетельствует о слабой, практически отсутствующей пространственной автокорреляции, отражающей наличие устойчивых пространственных взаимосвязей в размещении обрабатывающих производств (рис. 3).

Число значимых кластеров заметно выросло. Из 167 муниципалитетов статистически значимых территорий стало 26 (16 %). Из них 21 — в Калининградской области, 3 — в Ленинградской и 2 — в Санкт-Петербурге.

В Калининградской области выделяется крупная зона упадка: Светловский городской округ (ГО), Гвардейский муниципальный округ (МО), Багратионовский МО, Гурьевский МО, Зеленоградский МО — все они показали низкие темпы роста производства вместе с аналогичным падением у своих соседей. Также в Калининградской области есть выявленные полюсы роста (HL): Полесский МО, Правдинский МО, Ладушкинский ГО, Светлогорский ГО, Мамоновский ГО, Янтарный ГО, Балтийский ГО — здесь регионы имели относительно высокие темпы (либо меньшие падения), в то время как окружающие их муниципалитеты остались на низком уровне. В целом по Калининградской области крупный кластер типа LL охватил большую часть области (снижение производства повсеместно). Это связано с утратой транзитных логистических коридоров и зависимостью региона от экспорта и импорта. Так, весной 2022 г. Литва запретила железнодорожный транзит угля, металлов, цемента, лесоматериалов и стройматериалов в Калининград, что затронуло до 40—50 % груза региона. Одновременно упала сборка автомобилей на «Автоторе»: завод был вынужден приостановить производство BMW, Hyundai и Kia и лишь осенью 2022 г. стал осваивать сборку китайских брендов. Эти факторы вызвали резкое сокращение промышленного выпуска: по оценке экспертов, в 2024 г. объем промышленности Калининграда стал на 23 % ниже уровня 2021 г. В то же время в Калининградской области появились и «локальные полюсы роста» (HL) — районы с относительно высоким темпом (меньшим спадом) на фоне

общего спада соседей. Эти территории выиграли благодаря отдельным успешным предприятиям или субсидиям (например, развивают экспортные производства в сельхозмашиностроении или пищевой отрасли).

Ленинградская область и г. Санкт-Петербург

Калининградская область

Рис. 3. Пространственная кластеризация обрабатывающих производств балтийских регионов в 2021 — 2023 гг.

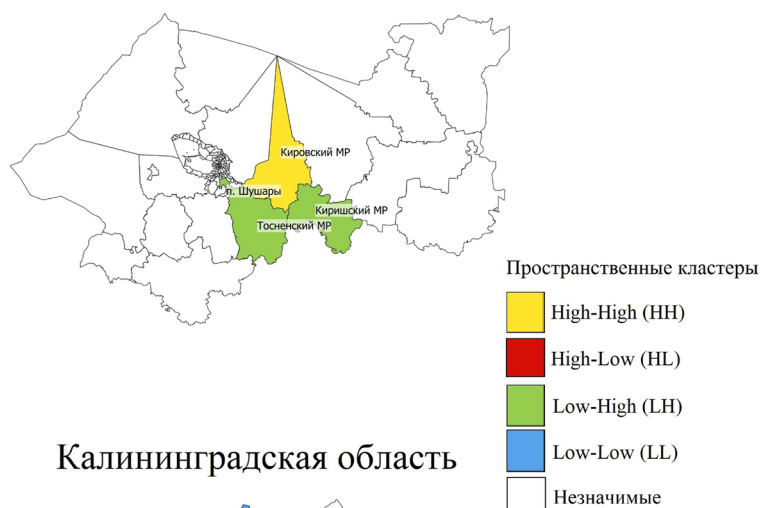
Рассчитано на основе данных Росстата.

В Ленинградской области были определены следующие территории: Сланцевский МР вновь вошел в зону типа LL — к 2023 г. даже химические предприятия региона испытали снижение спроса и проблем с экспортом, в результате динамика падения оказалась близкой к показателям соседей. Тосненский и Кировский МР стали островами депрессии (LH): их собственные темпы роста остались низкими по сравнению с соседними территориями. В Тосненском районе раньше реализовывались проекты по производству железобетонных конструкций и бытовых химикатов, но они столкнулись с дефицитом импортных комплектующих и падением внутреннего спроса. Ключевые промышленные отрасли Кировского муниципального района, такие как судостроение и машиностроение, столкнулись с сокращением инвестиций и трудностями с поставками оборудования.

В Санкт-Петербурге определены следующие «острова депрессии» — пос. Шушары и г. Сестрорецк (кластеры типа LH). Это указывает, что их промышленность росла слабее, чем промышленность окружающих территории. Поселок Шушары — крупная индустриальная зона на юге Санкт-Петербурга (цементный и химический заводы, легкая промышленность), которая пострадала от проблем с логистикой и снижения спроса. Одновременно другие районы Санкт-Петербурга получили поддержку благодаря госзаказу: например, выпуск кораблей на верфях и рост оборонных заказов улучшили общую динамику развития города.

Для совокупного периода 2019—2023 гг. глобальный дифференциальный индекс Морана составил $-0,013$, что свидетельствует о наличии отрицательной пространственной автокорреляции и указывает на тенденцию к расхождению уровней развития обрабатывающей промышленности в соседних муниципальных образованиях (рис. 4).

Ленинградская область и г. Санкт-Петербург

Калининградская область

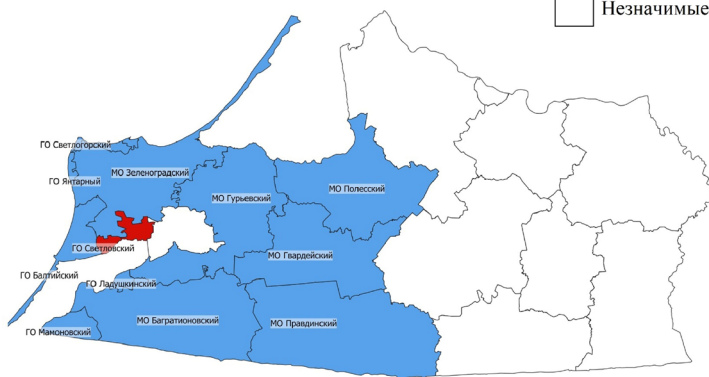

Рис. 4. Пространственная кластеризация обрабатывающих производств балтийских регионов в 2019—2023 гг.

Рассчитано на основе данных Росстата.

Значимыми стали 25 территорий: 21 в Калининградской области, 3 в Ленинградской области и 1 в Санкт-Петербурге. Практически все калининградские тер-

ритории снова образуют общий кластер типа LL (низкие темпы по всей области), подтверждая устойчивую депрессию промышленности. В Ленинградской области кластер типа HH выявлен для Кировского района, который показал относительно высокую динамику производства, тогда как Тосненский и Киришский МР остались LH (их собственный рост ниже, чем у соседей). Это связано с тем, что Кировский муниципальный район ориентирован на судостроение (где спрос поддерживается госзаказом), тогда как Тосненский и Киришский МР зависят от строительных и нефтеперерабатывающих производств, которые сильнее пострадали от санкций и сокращения спроса. В Санкт-Петербурге к кластеру LH отнесен только пос. Шушары, данный населенный пункт в целом отстал от позитивных изменений в близлежащих районах.

Таким образом, пространственная структура изменений промышленности в балтийских регионах выявляет четкие кластеры: Калининградская область в обоих кризисах сгруппирована как зона упадка, особенно ярко в 2023 г. (кластер типа LL охватывает большую часть области). Это согласуется с зависимостью Калининградской области от внешней торговли и с трудностями доступа к технологиям. Напротив, Кировский муниципальный район Ленинградской области за 2019—2023 гг. стал полюсом роста. Заметны кластеры типа HL в Калининградской области (например, Светловский ГО в 2023 г. стал полюсом роста: он показал рост на фоне общего спада у соседей), что может указывать на развитие успешных предприятий или субсидии в отдельных муниципалитетах. В Ленинградской области кластеры типа LH (Тосненский и Киришский МР) и LL (Сланцевский МР) фиксируют пространственную неоднородность: у одних районов были худшие показатели, тогда как соседние росли.

Обобщая, можно выделить следующие тенденции. Во-первых, санкции придали пространственному воздействию большую неоднородность, чем пандемия. К 2023 г. на общем фоне восстановления оказались ярко выраженные зоны спада (Калининградская область) и опережения (Кировский МР Ленинградской области). Во-вторых, прослеживается четкая связь между структурой экономики и кластеризацией: индустриально развитые районы (например, Кировский МР) смогли обеспечить рост даже в кризис, тогда как территории с уязвимыми отраслями (Сланцевский МР, вблизи нефте-, энергетиков) — напротив, оказались в зоне упадка. Это подтверждает релевантность концепции пространственной устойчивости промышленных кластеров [28]. В-третьих, выявленные пространственные кластеры коррелируют с известными факторами: экспортно-ориентированная Калининградская область, где санкции сильно ударили по поставкам, стала зоной упадка; а более диверсифицированная Ленинградская область, например Кировский район, оказалась кластером высоких значений. Наконец, широкое пространство зоны упадка в Калининградской области указывает на системную проблему области, тогда как единичные кластеры типа HL / HH демонстрируют эффект конкретных локальных инициатив или инвестиций.

На основе выявленных закономерностей можно утверждать, что для данных муниципальных образований необходимы меры поддержки. Во-первых, следует сосредоточить поддержку на кластерах упадка. Для Калининградской области нужны особые меры: ускоренное развитие импортозамещения (переориентация предприятий на отечественные комплектующие), логистическая диверсификация (развитие морских коридоров с дружественными странами), и поощрение инвестиций в приоритетные отрасли (фармацевтику, приборостроение), где в других регионах уже достигнут прогресс [29]. Во-вторых, в регионах с кластером типа HH стоит усилить уже работающие конкурентные преимущества — например, способствовать расширению крупных производств и кластеров (судостроения, электроники). В-третьих,

в МР типа Тосненского и Киришского (ЛН) необходимо стимулировать взаимодействие: поддерживать мелкие предприятия, укреплять образовательные программы для повышения квалификации персонала (учитывая, что качество человеческого капитала было выделено в качестве ключевого фактора роста). Дополнительно целесообразно продолжать государственную поддержку агломераций и опорных корпораций, поскольку в таких условиях на первые роли выходит доля государства и госкомпаний.

На стратегическом уровне справедливо подчеркнуть: балтийские регионы должны использовать свои внешнеторговые связи не для импорта дефицитных технологий, а для экспорта переработанной продукции. Следует делать упор на глубину переработки, инновации и цифровизацию производства. Формирование гибкой логистики, диверсификация рынков сбыта (например, укрепление сотрудничества с Китаем, СНГ и другими дружественными странами) также минимизирует риск внешних сбоев.

Заключение

Таким образом, выявленная пространственная неоднородность во многом обусловлена различиями в отраслевой структуре и устойчивости муниципальных экономик. Так, Ленинградская область характеризуется значительной отраслевой неоднородностью: в Сланцевском МР (кластер типа НН) доминирует химическая промышленность (большие производители смогли сравнительно безболезненно пережить кризис), наоборот, Бокситогорский МР специализируется на добывающих производствах и стройматериалах, слабо пострадавших от пандемии, — здесь наблюдалось глубокое сокращение объема выпуска (кластер типа LL). В Волховском МР, напротив, локальный рост выше окружающих районов, что объясняется новыми инвестиционными проектами (например, завод «ФосАгро» по выпуску удобрений). Причиной такой неоднородности являются то, что различная доля химической промышленности, машиностроения, добычи и легкой промышленности создает неодинаковые внешние риски и потенциалы роста. Например, регионы с развитым ВПК и машиностроением показывали устойчивый рост, тогда как сырьевые кластеры — колебания и спад. Устойчивость крупных предприятий (металлургических и химических) в Ленинградской области создала локальные острова стабильности, тогда как районы с уязвимыми предприятиями быстрее входили в кризис. Инвестиционные проекты (удобрения, судостроение) формировали HL-полюса роста даже на общем фоне спада.

Пандемия COVID-19 и последующие санкционные ограничения повлияли на все территории. В Санкт-Петербурге и Калининградской области нарушение логистики, разрывы цепочек поставок и массовые простои предприятий затронули отрасли почти равномерно. В Калининградской области зависимость от внешней торговли и запрет поставок привели к общему индустриальному упадку, что усилило общий характер снижения производства и привело к LL-кластеризации по всей области — регион находится среди немногих, так и не вышедших из спада 2022 г.

Ленинградская область выделилась на фоне соседей тем, что ее районы по-разному реагировали на пандемию 2020—2021 гг. Именно здесь сформировались все значимые кластеры указанного периода. Так, Сланцевский МР практически избежал падения производства за счет опоры на крупные химические предприятия, в то время как Бокситогорский продемонстрировал заметный спад и попал в кластер типа LL. Волховский МР, получивший новые инвестиции, оказался полюсом роста (кластер типа HL). Такая картина свидетельствует о том, что в Ленинградской области сильна внутрирегиональная дифференциация: одни муниципалитеты обла-

дали консолидированными ресурсами и государственными контрактами, тогда как другие зависели от узкой группы отраслей. В противоположность этому в Санкт-Петербурге и Калининградской области кластеры не образовывались: их индустриальная структура оказалась более однородной, а кризисные факторы воздействовали на большинство предприятий примерно равномерно. Отсутствие статистически значимых HH- или LL-групп означает, что локальные изменения производственных объемов в этих регионах носят в основном случайный характер (глобальный индекс Морана близок к нулю). Это соответствует ситуации, когда при равномерном распределении отраслевых шоков и сходной структуре предприятий пространственная автокорреляция не формирует выраженных кластеров.

Полученные результаты позволяют сделать вывод о необходимости территориально-дифференцированного подхода в формировании промышленной политики. Приоритетным направлением в кратко- и среднесрочной перспективе должна стать целевая поддержка муниципалитетов, входящих в кластеры упадка: развитие механизмов импортозамещения, стимулирование логистической адаптации и формирование устойчивых производственно-сбытовых связей с ориентиром на внутренний рынок и альтернативные внешние направления. В то же время муниципалитеты, входящие в кластеры устойчивого роста, требуют мер, направленных на масштабирование их производственного потенциала и углубление промышленной специализации. Кроме того, на стыке зон роста и спада целесообразно развитие связующей инфраструктуры, поддержка малого и среднего предпринимательства и формирование межмуниципальных производственных цепочек, что будет способствовать выравниванию пространственного промышленного развития.

В перспективе целесообразно расширить аналитическую рамку исследования за счет включения дополнительных социально-экономических индикаторов, таких как уровень инвестиций, занятости и инновационной активности, а также апробировать регрессионные модели с пространственными зависимостями (в том числе пространственным лагом и ошибкой) для более глубокой интерпретации факторов, определяющих территориальные различия в промышленной динамике.

Список литературы

1. Федоров, Г. М. 2022, Экономика регионов России на Балтике: уровень и динамика развития, структура, внешнеторговые партнерства, *Балтийский регион*, т. 14, № 4, с. 20—38, EDN: QYCBII, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-4-2>
2. Kapoor, K., Bigdeli, A. Z., Dwivedi, Y. K., Raman, R. 2021, How is COVID-19 altering the manufacturing landscape? A literature review of imminent challenges and management interventions, *Annals of Operations Research* (advance online publication), EDN: RJRHRW, <https://doi.org/10.1007/s10479-021-04397-2>
3. Stepanov, A. V., Burnasov, A. S., Valiakhmetova, G. N., Ilyushkina, M. Y. 2022, The impact of economic sanctions on the industrial regions of Russia (the case of Sverdlovsk region), *R-economy*, vol. 8 (3), p. 295—305, EDN: JJRZI, <https://doi.org/10.15826/recon.2022.8.3.023>
4. Малкина, М. Ю. 2024, Промышленность российских регионов в условиях новых антироссийских санкций, *Пространственная экономика*, т. 20, № 3, с. 39—66, EDN: DNNMZK, <https://doi.org/10.14530/se.2024.3.039-066>
5. Kuznetsova, O. V. 2021, Economy of Russian regions in the pandemic: Are resilience factors at work? *Regional Research of Russia*, vol. 11 (4), p. 419—427, EDN: BPQBWE, <https://doi.org/10.1134/S2079970521040237>
6. Shirov, A. 2022, The Russian economy under the impact of the pandemic crisis, *Herald of the Russian Academy of Sciences*, vol. 92 (4), p. 536—543, EDN: QPEDGB, <https://doi.org/10.1134/S1019331622040232>

7. Емельянова, Л. Л., Лялина, А. В. 2020, Рынок труда эксклавной Калининградской области в условиях пандемии COVID-19, *Балтийский регион*, т. 12, № 4, с. 61—82, EDN: DRMHKM, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2020-4-4>
8. Зубаревич, Н. В. 2025, Влияние санкций на развитие регионов России в 2022—2024 годах, *Журнал Новой экономической ассоциации*, № 1 (66), с. 274—281, EDN: SUZWO0, https://doi.org/10.31737/22212264_2025_1_274-281
9. Земцов, С. П. 2024, Санкционные риски и региональное развитие (на примере России), *Балтийский регион*, т. 16, № 1, с. 23—45, EDN: ZJSZOM, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2024-1-2>
10. Alov, I. N., Pilyasov, A. N. 2023, The spread of the COVID-19 infection in Russia's Baltic macro-region: internal differences, *Baltic Region*, vol. 15, № 1, p. 96—119, EDN: WEIABP, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2023-1-6>
11. Землянский, Д. Ю., Чуженькова, В. А. 2025, Производственная зависимость от импорта в регионах России после 2022 года, *Журнал Новой экономической ассоциации*, № 1, с. 282—290, EDN: OYFRAB, https://doi.org/10.31737/22212264_2025_1_282-290
12. Lukin, E., Leonidova, E., Shirokova, E., Rumyantsev, N., Sidorov, M. 2023, Russian economy under sanctions (case of the Northwest of Russia), *National Accounting Review*, vol. 5, № 2, p. 145—158, EDN: JHTEBQ, <https://doi.org/10.3934/NAR.2023009>
13. Anselin, L. 1988, *Spatial Econometrics: Methods and Models*, Dordrecht, Springer Dordrecht, 284 p., <https://doi.org/10.1007/978-94-015-7799-1>
14. Гафарова, Е. А. 2017, Эмпирические модели регионального экономического роста с пространственными эффектами: результаты сравнительного анализа, *Вестник Пермского университета. Серия: Экономика*, т. 12, № 4, с. 561—574, EDN: ZXFQCX, <https://doi.org/10.17072/1994-9960-2017-4-561-574>
15. Беляева, А. В. 2012, Использование пространственных моделей в массовой оценке стоимости объектов недвижимости, *Компьютерные исследования и моделирование*, т. 4, № 3, с. 639—650, EDN: PJFGFT
16. Шаклеина, М. В., Шаклеин, К. И. 2022, Факторы регионального развития предпринимательства России: оценка и роль пространственных взаимосвязей, *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*, т. 15, № 5, с. 118—134, EDN: FOGSTV, <https://doi.org/10.15838/esc.2022.5.83.6>
17. Brunson, C., Fotheringham, A., Charlton, M. 1996, Geographically weighted regression: a method for exploring spatial nonstationarity, *Geographical Analysis*, vol. 28, № 4, p. 281—298, <https://doi.org/10.1111/j.1538-4632.1996.tb00936.x>
18. Comber, A., Brunson, C., Charlton, M., Dong, G., Harris, R., Lu, B., Lü, Y., Murakami, D., Nakaya, T., Wang, Y., Harris, P. 2023, A route map for successful applications of geographically weighted regression, *Geographical Analysis*, vol. 55, № 1, p. 155—178, EDN: RDYVPG, <https://doi.org/10.1111/gean.12316>
19. Мамонтов, Д., Островская, Е. 2022, *Региональная конвергенция в России: подход на основе географически взвешенной регрессии*, Москва, Центральный банк России, № 98, 37 с., URL: https://www.cbr.ru/statichtml/file/138725/wp_98.pdf (дата обращения: 15.03.2025).
20. Moran, P. A. P. 1950, Notes on continuous stochastic phenomena, *Biometrika*, vol. 37, № 1/2, p. 17—23, EDN: ILMNB, <https://doi.org/10.2307/2332142>
21. Geary, R. C. 1954, The contiguity ratio and statistical mapping, *Incorporated Statistician*, vol. 5, p. 115—145, <https://doi.org/10.2307/2986645>
22. Grekousis, G. 2020, *Spatial Analysis Methods and Practice*, Cambridge, Cambridge University Press, 518 p., <https://doi.org/10.1017/9781108614528>
23. Getis, A., Ord, J. K. 1992, The analysis of spatial association by use of distance statistics, *Geographical Analysis*, vol. 24, № 3, p. 189—206, <https://doi.org/10.1111/j.1538-4632.1992.tb00261.x>
24. Yang, Y., Liu, Y., Zhu, C., Chen, X., Rong, Y., Zhang, J., Huang, B., Bai, L., Chen, Q., Su, Y., Yuan, S. 2022, Spatial identification and interactive analysis of urban production — living — ecological spaces using point of interest data and a two-level scoring evaluation model, *Land*, vol. 11, № 10, art. № 1814, EDN: EPCBKK, <https://doi.org/10.3390/land11101814>

25. Hassan, M. M., Alenezi, M. S., Good, R. Z. 2020, Spatial pattern analysis of manufacturing industries in Keraniganj, Dhaka, Bangladesh, *GeoJournal*, vol. 85, № 1, p. 269—283, EDN: XYTHPC, <https://doi.org/10.1007/s10708-018-9961-5>

26. Окунев, И. Ю. 2024, Глобальная и локальная пространственная автокорреляция: методы расчета и картографирования, *Псковский регионологический журнал*, т. 20, № 2, с. 170—191, EDN: WNKQSS, <https://doi.org/10.37490/S221979310030291-3>

27. Pletnev, D. A., Kozlova, E. V., Naumova, K. A. 2024, Regional features of Russian gazelles during the pandemic, *Economy of Regions*, vol. 20, № 3, p. 686—701, EDN: DJGMDR, <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2024-3-6>

28. Dai, R., Mookherjee, D., Quan, Y., Zhang, X. 2021, Industrial clusters, networks and resilience to the COVID-19 shock in China, *Journal of Economic Behavior and Organization*, № 183, p. 433—455, EDN: FBWSVL, <https://doi.org/10.1016/j.jebo.2021.01.017>

29. Карлова, Н., Пузанова, Е. 2023, *Российская обрабатывающая промышленность в условиях санкций: результаты опроса предприятий*, аналитическая записка, Москва, Центральный банк России, 19 с. URL: https://www.cbr.ru/content/document/file/154320/analytic_note_20230926_dip.pdf (дата обращения: 15.03.2025).

Об авторах

Сергей Сергеевич Красных, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук, Россия.

<https://orcid.org/0000-0002-2692-5656>

E-mail: krasnykh.ss@uiec.ru

Представлено для возможной публикации в открытом доступе в соответствии с условиями лицензии Creative Commons Attribution — Noncommercial — NoDerivative Works <https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/deed.en> (CCBY-NC-ND 4.0)

REGIONAL PATTERNS OF THE MANUFACTURING INDUSTRY IN THE BALTIC REGIONS OF RUSSIA: A MORAN'S I SPATIAL ANALYSIS

S. S. Krasnykh

Institute of Economics Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
29 Moskovskaya St., Ekaterinburg, 620014, Russia

Received 1 May 2025

Accepted 23 July 2025

doi: 10.5922/2079-8555-2025-3-6

© Krasnykh, S. S., 2025

The manufacturing industry of Russia's Baltic regions has faced major global challenges in recent years, including the COVID-19 pandemic and Western sanctions. This study aims to identify the spatiotemporal effects of these external shocks on industrial dynamics in Saint Petersburg, Leningrad and Kaliningrad regions, and to identify local clusters of industrial growth and decline. The methodological framework of the study is spatial analysis based on differential

To cite this article: Krasnykh, S. S. 2025, Regional patterns of the manufacturing industry in the Baltic Regions of Russia: a Moran's I spatial analysis, *Baltic Region*, vol. 17, № 3, p. 102—122.
doi: 10.5922/2079-8555-2025-3-6

global and local Moran's I statistics, which allows for the assessment of spatial autocorrelation in changes in industrial output at the municipal level during 2019–2023. Official Rosstat data, normalized (deflated) to pre-crisis levels, serve as the empirical basis of the study. The findings reveal pronounced heterogeneity in regional responses. In the Kaliningrad region, extensive zones of industrial decline emerged, reflecting the region's high dependence on imports. By contrast, several municipalities in the Leningrad region demonstrated growth, supported by production diversification and government measures. These results make it possible to identify local poles of decline and growth, highlighting significant spatial disparities in the resilience of the manufacturing sector across Russia's Baltic regions.

Keywords:

Baltic regions, Russia, manufacturing industry, municipalities, spatiotemporal autocorrelation, pandemic, sanctions

References

1. Fedorov, G. M. 2022, The economy of Russian Baltic regions: development level and dynamics, structure and international trade partners, *Baltic Region*, vol. 14, №4, p. 20–38, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-4-2>
2. Kapoor, K., Bigdeli, A. Z., Dwivedi, Y. K., Raman, R. 2021, How is COVID-19 altering the manufacturing landscape? A literature review of imminent challenges and management interventions, *Annals of Operations Research* (advance online publication), <https://doi.org/10.1007/s10479-021-04397-2>
3. Stepanov, A. V., Burnasov, A. S., Valiakhmetova, G. N., Ilyushkina, M. Y. 2022, The impact of economic sanctions on the industrial regions of Russia (the case of Sverdlovsk region), *R-economy*, vol. 8 (3), p. 295–305, <https://doi.org/10.15826/recon.2022.8.3.023>
4. Malkina, M. Y. 2024, Industry of Russian Regions Under New Anti-Russian Sanctions, *Spatial Economics*, №3, p. 39–66, <https://doi.org/10.14530/se.2024.3.039-066>
5. Kuznetsova, O. V. 2021, Economy of Russian regions in the pandemic: Are resilience factors at work? *Regional Research of Russia*, vol. 11 (4), p. 419–427, <https://doi.org/10.1134/S2079970521040237>
6. Shirov, A. 2022, The Russian economy under the impact of the pandemic crisis, *Herald of the Russian Academy of Sciences*, vol. 92 (4), p. 536–543, <https://doi.org/10.1134/S1019331622040232>
7. Yemelyanova, L. L., Lyalina, A. V. 2020, The labour market of Russia's Kaliningrad exclave amid COVID-19, *Baltic Region*, vol. 12, №4, p. 61–82, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2020-4-4>
8. Zubarevich, N. V. 2025, The impact of sanctions on the development of Russian regions in 2022–2024, *Zhurnal Novoi Ekonomicheskoi Associacii Journal of the New Economic Association*, №1-66, p. 274–281, https://doi.org/10.31737/22212264_2025_1_274-281
9. Zemtsov, S. P. 2024, Sanctions risks and regional development: Russian case, *Baltic Region*, vol. 16, №1, p. 23–45, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2024-1-2>
10. Alov, I. N., Pilyasov, A. N. 2023, The spread of the COVID-19 infection in Russia's Baltic macro-region: internal differences, *Baltic Region*, vol. 15, №1, p. 96–119, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2023-1-6>
11. Zemlyanskii, D. Yu., Chuzhenkova, V. A. 2025, Production dependence on import in the Russian regions after 2022, *Zhurnal Novoi Ekonomicheskoi Associacii Journal of the New Economic Association*, №1-66, p. 282–290, https://doi.org/10.31737/22212264_2025_1_282-290
12. Lukin, E., Leonidova, E., Shirokova, E., Rummyantsev, N., Sidorov, M. 2023, Russian economy under sanctions (case of the Northwest of Russia), *National Accounting Review*, vol. 5, №2, p. 145–158, <https://doi.org/10.3934/NAR.2023009>
13. Anselin, L. 1988, *Spatial Econometrics: Methods and Models*, Dordrecht, Springer Dordrecht, 284 p., <https://doi.org/10.1007/978-94-015-7799-1>
14. Gafarova, E. A. 2017, Empirical models of regional economic growth with spatial effects: comparative analysis results, *Perm University Herald. Economy*, vol. 12, №4, p. 561–574, <https://doi.org/10.17072/1994-9960-2017-4-561-574> (in Russ.).

15. Belyaeva, A. V. 2012, Spatial models in mass appraisal of real estate, *Computer Research and Modeling*, vol. 4, № 3, p. 639—650 (in Russ.).
16. Shackleina, M. V., Shacklein, K. I. 2022, Drivers of entrepreneurship development in Russia's regions: assessment and the role of spatial interrelations, *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, vol. 15, № 5, p. 118—134, <https://doi.org/10.15838/esc.2022.5.83.6>
17. Brunson, C., Fotheringham, A., Charlton, M. 1996, Geographically weighted regression: a method for exploring spatial nonstationarity, *Geographical Analysis*, vol. 28, № 4, p. 281—298, <https://doi.org/10.1111/j.1538-4632.1996.tb00936.x>
18. Comber, A., Brunson, C., Charlton, M., Dong, G., Harris, R., Lu, B., Lü, Y., Murakami, D., Nakaya, T., Wang, Y., Harris, P. 2023, A route map for successful applications of geographically weighted regression, *Geographical Analysis*, vol. 55, № 1, p. 155—178, EDN: R DYVPG, <https://doi.org/10.1111/gean.12316>
19. Mamontov, D., Ostrovskaya, E. 2022, *Regional Convergence in Russia: An Approach Based on Geographically Weighted Regression*, Moscow, Central Bank of Russia, № 98, 37 p. (in Russ.), URL: https://www.cbr.ru/statichtml/file/138725/wp_98.pdf (accessed 15.03.2025).
20. Moran, P. A. P. 1950, Notes on continuous stochastic phenomena, *Biometrika*, vol. 37, № 1/2, p. 17—23, <https://doi.org/10.2307/2332142>
21. Geary, R. C. 1954, The contiguity ratio and statistical mapping, *Incorporated Statistician*, vol. 5, p. 115—145, <https://doi.org/10.2307/2986645>
22. Grekousis, G. 2020, *Spatial Analysis Methods and Practice*, Cambridge, Cambridge University Press, 518 p., <https://doi.org/10.1017/9781108614528>
23. Getis, A., Ord, J. K. 1992, The analysis of spatial association by use of distance statistics, *Geographical Analysis*, vol. 24, № 3, p. 189—206, <https://doi.org/10.1111/j.1538-4632.1992.tb00261.x>
24. Yang, Y., Liu, Y., Zhu, C., Chen, X., Rong, Y., Zhang, J., Huang, B., Bai, L., Chen, Q., Su, Y., Yuan, S. 2022, Spatial identification and interactive analysis of urban production — living — ecological spaces using point of interest data and a two-level scoring evaluation model, *Land*, vol. 11, № 10, art. № 1814, <https://doi.org/10.3390/land11101814>
25. Hassan, M. M., Alenezi, M. S., Good, R. Z. 2020, Spatial pattern analysis of manufacturing industries in Keraniganj, Dhaka, Bangladesh, *GeoJournal*, vol. 85, № 1, p. 269—283, <https://doi.org/10.1007/s10708-018-9961-5>
26. Okunev, I. 2024, Global and local spatial autocorrelation: methods of calculation and mapping, *Pskov Journal of Regional Studies*, vol. 20, № 2, p. 170—191, <https://doi.org/10.37490/S221979310030291-3>
27. Pletnev, D. A., Kozlova, E. V., Naumova, K. A. 2024, Regional features of Russian gazelles during the pandemic, *Economy of Regions*, vol. 20, № 3, p. 686—701, <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2024-3-6>
28. Dai, R., Mookherjee, D., Quan, Y., Zhang, X. 2021, Industrial clusters, networks and resilience to the COVID-19 shock in China, *Journal of Economic Behavior and Organization*, № 183, p. 433—455, <https://doi.org/10.1016/j.jebo.2021.01.017>
29. Karlova, N., Puzyanova, E. 2023, *Russian manufacturing industry under sanctions: results of a survey of enterprises, analytical note*, Moscow, Central Bank of Russia, 19 p. (in Russ.), URL: https://www.cbr.ru/content/document/file/154320/analytic_note_20230926_dip.pdf (accessed 15.03.2025).

The author

Dr **Sergey S. Krasnykh**, Senior Research Fellow, Institute of Economics Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia.

<https://orcid.org/0000-0002-2692-5656>

E-mail: krasnykh.ss@uiiec.ru

Submitted for possible open access publication under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution — Noncommercial — No Derivative Works <https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/deed.en> (CC BY-NC-ND 4.0)

ZXVKBX

ОЦЕНКА ВЗАИМОСВЯЗИ ПРЯМЫХ ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТИЦИЙ И ТОРГОВОЙ ОТКРЫТОСТИ В КОНТЕКСТЕ ЭКОНОМИКИ РФ С ПОМОЩЬЮ ГРАНИЧНОГО ТЕСТА НА ОСНОВЕ АВТОРЕГРЕССИОННОЙ МОДЕЛИ С РАСПРЕДЕЛЕННЫМИ ЛАГАМИ

Э. Йебоа

Университет Менделя в Брно,
ул. Земедельская 1, Брно,
61300, Чехия

Поступила в редакцию 25.01.2025 г.
Принята к публикации 24.03.2025 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2025-3-7
© Йебоа Э., 2025

На основе годовых временных рядов за период с 1993 по 2022 г. анализируется взаимосвязь между прямыми иностранными инвестициями (ПИИ), торговой открытостью и ростом российской экономики. Результаты, полученные с использованием метода граничного тестирования с авторегрессионным распределенным лагом (ARDL), показывают, что ПИИ и торговля положительно влияют на экономическую активность в России в краткосрочной перспективе, при этом долгосрочное воздействие не наблюдается. Дополнительные переменные, например реальный эффективный валютный курс, положительно влияют на экономический рост как в краткосрочном, так и в долгосрочном периодах. Безработица среди молодежи оказывает разнонаправленное воздействие в краткосрочной перспективе и отрицательное в долгосрочной. Военные расходы не оказывают влияния в краткосрочной перспективе, но отрицательно сказываются на экономике России в долгосрочной, в то время как уровень инфляции имеет как положительный, так отрицательный эффекты в краткосрочной перспективе, влияя негативно на экономический рост в долгосрочной. Тест на причинность по Грейнджеру выявляет однонаправленную зависимость между экономическим ростом, торговой открытостью, военными расходами и реальным эффективным валютным курсом. Для достижения устойчивых результатов рекомендуются меры по привлечению иностранных инвестиций, стимулированию торговли, снижению безработицы среди молодежи, пересмотру оборонных расходов и обеспечению сбалансированной денежно-кредитной политики.

Ключевые слова:

ВВП на душу населения, ПИИ, торговая открытость, инфляция, реальный эффективный валютный курс

Для цитирования: Йебоа Э. Оценка взаимосвязи прямых иностранных инвестиций и торговой открытости в контексте экономики РФ с помощью граничного теста на основе авторегрессионной модели с распределенными лагами // Балтийский регион. 2025. Т. 17, № 3. С. 123–149. doi: 10.5922/2079-8555-2025-3-7

Введение

Прямые иностранные инвестиции (ПИИ) и торговая открытость — ключевые компоненты экономической глобализации, традиционно рассматриваемые как важнейшие движущие силы экономического роста, развития и вовлечения в глобальную экономику. В случае стран с обширными природными ресурсами, таких как Россия, ПИИ и торговая открытость не только стимулируют экономическую активность, но и влияют на их стратегическое позиционирование в системе глобальных торговых отношений. Для России, стремящейся к модернизации промышленности и экономической диверсификации, эти два фактора играют ключевую роль, содействуя международному сотрудничеству, поддерживая экономические реформы и стимулируя технологический прогресс.

ПИИ, то есть инвестиции, осуществляемые иностранными субъектами в национальную экономику, стали для России источником капитала, экспертного знания и технологий, выступая в качестве фактора преобразования, что наиболее ярко проявилось после распада Советского Союза. После перехода к рыночно ориентированной экономике в начале 1990-х гг. Россия активно привлекала ПИИ для модернизации основных фондов, повышения конкурентоспособности и поддержки экономического развития [1; 2]. Энергетический сектор, в особенности нефтегазовая отрасль, традиционно привлекал наибольшую долю притока ПИИ, внося значительный вклад в разведку месторождений, добычу и развитие инфраструктуры [3]. Однако постепенно ПИИ стали распространяться и на другие отрасли, такие как телекоммуникации, обрабатывающая промышленность, финансы и технологии, тем самым стимулируя диверсификацию экономики и ускоряя процессы модернизации [4; 5].

Несмотря на достигнутые успехи, потоки ПИИ в Россию не отличались стабильностью, находясь под воздействием внешних шоков, геополитической нестабильности и общемировой экономической конъюнктуры [6]. Торговая открытость, также являющаяся важнейшим элементом экономической стратегии России, характеризуется степенью интеграции страны в систему глобальных торговых отношений. Вступление России во Всемирную торговую организацию (ВТО) в 2012 г. стало важной вехой на пути страны к либерализации торговли и закреплению позиций в качестве конкурентоспособного игрока на мировых рынках [7]. Опираясь на свои обширные природные ресурсы, квалифицированную рабочую силу и промышленный потенциал, Россия стремилась увеличить объемы торговли, привлечь иностранные инвестиции и диверсифицировать торговые связи [8]. Торговая открытость позволила России извлечь выгоду из имеющихся сравнительных преимуществ в добыче ресурсов и энергетике, а также получить доступ к новым технологиям и инвестиционным возможностям.

Тем не менее Россия испытывает значительные затруднения в привлечении ПИИ и поддержании торговой открытости. Геополитическая напряженность, экономические санкции, законодательная неопределенность и структурная неэффективность создают значительные препятствия на пути экономической глобализации [9; 10]. Пандемия COVID-19 еще больше усугубила эти проблемы, нарушив глобальные цепочки поставок, снизив спрос на экспорт и ослабив доверие инвесторов [11]. В свете вышеперечисленного возникает вопрос, в какой мере Россия может извлекать пользу из ПИИ и торговой открытости для обеспечения устойчивого роста в условиях нестабильности мировой экономики.

Цель данного исследования — изучение динамики ПИИ и торговой открытости и их воздействия на рост российской экономики. В частности, рассматривается влияние данных факторов на ВВП на душу населения и общие показатели эконо-

мической деятельности в краткосрочной и долгосрочной перспективах. Кроме того, оценивается роль ключевых переменных, таких как военные расходы, инфляция и колебания валютного курса с целью проведения комплексного анализа взаимосвязанных вызовов российской экономики. В основе исследования лежит гипотеза о том, что, хотя ПИИ и торговая открытость обладают потенциалом стимулирования экономического роста, их эффективность ограничивается внутренними факторами (такими как качество институтов и нормативно-правовая база) и внешними экономическими шоками. Путем анализа тенденций, вызовов и возможностей, связанных с ПИИ и торговой открытостью в данной работе предпринимается попытка представить картину экономической динамики России в глобальном контексте. Полученные результаты могут быть использованы при разработке мер по обеспечению положительного воздействия ПИИ и либерализации торговли в свете структурных и геополитических препятствий, ограничивающих полезный эффект данных факторов.

Обзор теоретических исследований

Взаимосвязь между ПИИ, торговой открытостью и экономическим ростом обосновывается рядом авторитетных экономических теорий, объясняющих, в частности, как данные факторы взаимодействуют, стимулируя экономику РФ. Согласно неоклассической теории роста, например модели Солоу — Свана [12; 13], ПИИ играют ключевую роль в увеличении основного капитала страны, что, в свою очередь, ведет к расширению производственных мощностей и росту объема производства. ПИИ служат дополнением к внутренним сбережениям, привлекая необходимый для инвестиций капитал в том числе в тех секторах, где внутренние ресурсы недостаточны. В России ПИИ значительно способствовали развитию капиталоемких отраслей, таких как энергетика и производство. Тем не менее неоклассическая модель предполагает, что воздействие ПИИ на рост со временем снижается из-за убывающей отдачи от капитала. Следовательно, для поддержания устойчивого долгосрочного роста необходимы постоянные технологические усовершенствования, где ПИИ могут играть поддерживающую роль, облегчая доступ к передовым технологиям и производственным процессам. Вместе с тем структурные и институциональные ограничения, включая нормативные и геополитические вызовы, могут сдерживать способность ПИИ влиять на долгосрочный рост в РФ.

Теория эндогенного роста, развиваемая, в частности, П.М. Ромером [14] и Р.Е. Лукасом [15], напротив, предлагает более оптимистичный взгляд на долгосрочное влияние ПИИ на экономический рост. Модели эндогенного роста показывают, что ПИИ не только увеличивают основной капитал, но и способствуют инновациям и технологическому прогрессу за счет эффекта перелива. Инвестирующие в Россию многонациональные компании приносят в страну передовые технологии, управленческий опыт и технические знания, которые, усваиваясь местной экономикой, способствуют повышению производительности и устойчивому экономическому росту. Однако эффективность этих внешних воздействий зависит от поглощающей способности принимающей экономики. Их результативность зависит от таких факторов, как человеческий капитал, качество институтов и технологическая инфраструктура. В своей работе Н. Смит и Э. Томас [16] подтверждают эту точку зрения, показывая, что ПИИ положительно влияют на региональные инновации в России, особенно в регионах с более высоким уровнем человеческого капитала.

Торговая открытость играет ключевую роль в стимулировании экономического роста посредством различных передаточных механизмов. Теория Хекшера — Олина

утверждает, что торговля позволяет странам специализироваться в тех отраслях, где у них имеются сравнительные преимущества, способствуя повышению эффективности и увеличению национального дохода. Для России торговая открытость облегчает экспорт природных ресурсов, таких как нефть и газ, являющихся неоспоримым сравнительным преимуществом страны. Получая доступ к крупным мировым рынкам, российские компании получают выгоду от эффекта масштаба, повышая производительность и увеличивая объем производства. Однако чрезмерная зависимость от экспорта ресурсов делает российскую экономику уязвимой к внешним шокам, таким как колебания цен на сырье и геополитические напряженности. Эти уязвимости подробно описаны в литературе, при этом, как правило, подчеркивается значимость экономической диверсификации для снижения подобных рисков.

Новая теория торговли Р.П. Кругмана [17] вносит дополнительное измерение, акцентируя значение эффекта масштаба и сетевых эффектов в международной торговле. Торговая открытость позволяет отечественным компаниям получать доступ к международным рынкам, способствуя росту производительности посредством углубления специализации и повышения конкуренции. Эта теория актуальна и в случае российского производственного сектора, где фирмы получают выгоду от экспорта на более крупные рынки и импорта передового оборудования и промежуточных товаров. Такие действия не только расширяют внутренние производственные возможности, но и способствуют передаче знаний, а следовательно, инновациям и долгосрочному экономическому росту.

Сочетание ПИИ и торговой открытости прокладывает мощную траекторию для экономического роста. ПИИ привносит капитал и технологии, в то время как торговая открытость обеспечивает доступ к международным рынкам, позволяя компаниям эффективно использовать эти ресурсы. Большое значение здесь имеют каналы передачи, такие как накопление капитала и распространение технологий и инноваций. ПИИ увеличивает объем основного капитала в стране-реципиенте, а торговая открытость способствует импорту средств производств и технологий, что также вносит вклад в расширение производственных возможностей. В России ПИИ в капиталоемкие секторы и торговля природными ресурсами сыграли значительную роль в экономическом росте. Однако качество институтов и человеческий капитал играют ключевую роль в извлечении выгоды из данных преимуществ. Согласно имеющимся данным, без сильных институтов и квалифицированной рабочей силы потенциальные преимущества ПИИ и торговой открытости могут оставаться не полностью реализованными.

Торговля, ПИИ и динамика российского рынка труда

В структуре экономики РФ прослеживается взаимосвязь между динамикой торговли, потоками ПИИ, торговыми отношениями с соседними регионами и уровнем безработицы среди молодежи, при этом каждый из этих факторов влияет на другие. Экспорт и импорт имеют решающее значение для экономического состояния страны, существенно влияя на торговый баланс и рост. Будучи крупным экспортером энергетических ресурсов, таких как нефть, природный газ и уголь, Россия получает значительную часть своих доходов из этих секторов [18—20]. Опора на экспорт энергоресурсов, возможный благодаря обширным запасам и развитой трубопроводной инфраструктуре, закрепляет за Россией роль мирового энергетического лидера. Стремление расширить экспорт в таких секторах, как аэрокосмическая промышленность, автомобильная промышленность, машиностроение и технологии, отражает более широкую стратегию сокращения зависимости от экспорта сырья и повышения экономической устойчивости [21].

Россия, в свою очередь, импортирует товары и услуги, необходимые для модернизации производств и удовлетворения потребительского спроса, включая технологически сложные изделия и сельскохозяйственную продукцию [22; 23]. При этом импорт станков и оборудования играет существенную роль в обеспечении промышленного производства и развитии инфраструктуры.

На приток ПИИ в Россию оказывает влияние сочетание экономических, политических и институциональных факторов, таких как размер рынка, наличие природных ресурсов, состояние инфраструктуры и макроэкономическая стабильность [24]. Однако геополитическая напряженность и санкции, особенно после присоединения Крыма в 2014 г., привели к сокращению западных инвестиций [25; 26]. Так, объем ПИИ снизился до примерно 18 млрд долл. в 2022 г. [27], что отражает ослабление доверия инвесторов. Данная тенденция усугубляется высоким уровнем безработицы среди молодежи, свидетельствующим об экономической неэффективности и структурных ограничениях и вызывающим озабоченность потенциальных инвесторов. Высокий уровень безработицы среди молодежи зачастую указывает на несоответствие системы образования требованиям рынка труда, что снижает его привлекательность для иностранных инвесторов [28; 29].

В торговле РФ со странами Балтийского региона также прослеживается взаимосвязь указанных экономических факторов. Исторически страны Балтии выступали ключевыми импортерами российских энергетических ресурсов. Однако предпринятые ими усилия по диверсификации источников энергии и сокращению зависимости от российских поставок кардинально изменили динамику отношений [30; 31]. Инвестиции Стран Балтии (Литва, Латвия, Эстония) в возобновляемую энергетику и инфраструктуру привели к снижению российских доходов от экспорта энергоресурсов, повлияв тем самым на торговый баланс и привлекательность страны для ПИИ. Несмотря на сохранявшиеся российские инвестиции в Балтийском регионе в недвижимость, финансы и розничную торговлю [32], политическая напряженность и санкции периодически оказывали негативное влияние на экономические связи. Кроме того, туризм и транспортные сети, способствующие торговле между Россией и странами Балтии, также оказались под воздействием геополитических факторов, что не могло не сказаться на торговых потоках и инвестиционных возможностях [33; 34]. Интеграция стран Балтии в ЕС и НАТО привела к диверсификации их торговых связей и снижению зависимости от России, хотя экономические отношения с последней оставались тесными [35].

Безработица среди российской молодежи добавляет еще один уровень сложности в эти экономические процессы. Высокие показатели безработицы среди молодежи отражают структурные проблемы на рынке труда, например несоответствие образовательной системы требованиям рынка. Это несоответствие ограничивает внутреннее потребление и снижает спрос на импорт, включая технологически сложные изделия, необходимые для промышленной модернизации [36]. Неофициальный сектор дополнительно осложняет ситуацию на рынке труда, удерживая многих молодых работников на низкоквалифицированных рабочих местах без социальных гарантий [28]. Региональные различия усугубляют эти проблемы: в крупных городах, таких как Москва и Санкт-Петербург, перед молодежью открываются более привлекательные карьерные перспективы, чем в сельских районах, что приводит к неравномерному экономическому развитию и более высокой безработице среди молодых россиян в менее развитых регионах [29; 36]. Решение этих проблем требует целевых реформ рынка труда и принятия мер в сфере образования для создания устойчивых возможностей трудоустройства [37]. Структура внешней торговли России, динамика ПИИ и безработица среди молодежи имеют взаимозависимый характер. Каждый элемент определяется более широким экономическим

и геополитическим контекстом, внося при этом свой вклад в его формирование. Такое взаимовлияние лишь подчеркивает важность скоординированного подхода к решению изложенных выше проблем.

Проблемы российской экономики

Российская экономика сталкивается с рядом серьезных проблем, сдерживающих рост и подрывающих ее устойчивость. Санкции, введенные западными странами после присоединения Крыма в 2014 г. и обострения конфликта между Россией и Украиной в 2022 г., также оказывают влияние на экономику страны. Эти ограничения затруднили доступ к международным финансовым рынкам, передовым технологиям и иностранным инвестициям, усугубляя экономическую изоляцию [38]. Кроме того, сильная зависимость России от природных ресурсов, особенно нефти и газа, делает экономику уязвимой к колебаниям мировых цен на сырье. Такая зависимость подрывает усилия по диверсификации и снижает долгосрочную устойчивость [39]. Недавние действия европейских стран по сокращению зависимости от российских энергоресурсов сократили потоки доходов, повлияв на динамику экспорта.

Структурные несовершенства также препятствуют экономическому росту. Неэффективность, чрезмерная бюрократизация и отсутствие институциональных реформ сдерживают иностранные инвестиции и затрудняют экономическую активность внутри страны [40]. Кроме того, вызывают озабоченность и демографические проблемы. Старение населения и снижение рождаемости продолжают создавать нагрузку на систему социального обеспечения, сокращая участие населения в рабочей силе. Эти проблемы усугубляются недавним увеличением оттока населения на фоне геополитической напряженности, что приводит к утечке квалифицированных кадров и создает дополнительные риски для производительности в долгосрочной перспективе [27; 41].

Еще одна серьезная проблема — технологический разрыв. Снижение объема инвестиций в научные исследования и разработки в сочетании с санкционными ограничениями на доступ к современным технологиям замедлили прогресс России в области цифровизации и инноваций [42]. Технологический разрыв значительно снижает конкурентоспособность российской промышленности и препятствует переходу к экономике, основанной на знаниях.

Неравенство доходов продолжает расти в результате концентрации богатства в руках немногочисленной элиты. Такое неравномерное распределение ресурсов подрывает социальную сплоченность и ограничивает потенциал экономического роста [43]. Более того, геополитическая и военная напряженность создает значительную экономическую неопределенность. Эти факторы нарушают торговые связи и препятствуют притоку иностранных инвестиций, одновременно увеличивая фискальное давление из-за роста расходов на оборону и экономических издержек затяжного конфликта [27; 40].

Обзор эмпирических исследований

Взаимосвязь между ПИИ, торговой открытостью и экономическим ростом широко изучалась в контексте развивающихся экономик, включая РФ. Например, в статье И. Ивасаки и К. Суганума [44] анализируется влияние иностранных инвестиций на производительность в российских регионах до и после 2003 г. Авторы приходят к выводу, что в регионах с высоким уровнем иностранных инвестиций наблюдает-

ся более значительный рост производительности. В исследовании подчеркивается решающая роль ПИИ в развитии России, но стоит отметить, что недавние геополитические изменения и санкции создают сложности, не рассматриваемые авторами.

В работе Л. Дж. Бурандже и соавторов [8] исследуется взаимосвязь между торговой открытостью и экономическим ростом в странах БРИКС. Авторами приводятся аргументы в пользу обусловленности роста как экспортом, так и импортом в Китае и Южной Африке. В то же время для Бразилии и России четкие причинно-следственные связи не устанавливаются. Данный вывод подчеркивает необходимость дальнейшего изучения влияния торговой открытости на экономические показатели РФ с учетом ее зависимости от экспорта ресурсов.

В том же ключе в работе М. Х. Шаха и Я. Хана [45] исследуется взаимосвязь между либерализацией торговли и притоком ПИИ в шести развивающихся экономиках, включая Россию. Авторы приходят к выводу, что снижение барьеров в торговле и инвестициях способствует привлечению ПИИ и экономическому росту.

О. Мариев и соавторы [46], оценивая структуру ПИИ в РФ, приходят к выводу, что крупные развитые экономики «переинвестируют» в страну, в то время как меньшие, развивающиеся страны «недоинвестируют» в российскую экономику. Следовательно, приток ПИИ в Россию определяется как экономическим масштабом страны, так и стратегическими соображениями. М. Арман и соавторы [47] рассматривают динамику торговли между странами Центральной Азии. Согласно их данным, более открытые экономики выигрывают от снижения торговых издержек, тогда как менее открытые страны в значительной степени зависят от экспорта ресурсов. Полученные результаты показывают, что торговая открытость оказывает влияние на региональную экономическую динамику, что можно экстраполировать и на структуру внешней торговли России. С. Гюриш и К. Гезгер [48] рассматривают роль торговой открытости в привлечении ПИИ в Турцию, приходя к выводу, что большая торговая открытость способствует притоку ПИИ за счет снижения барьеров и улучшения доступа к рынкам. Хотя эти выводы применимы к развивающимся экономикам, геополитические и институциональные факторы, воздействующие на Россию, в том числе санкции, создают более сложную среду для взаимодействия торговли и инвестиций.

С. Гусарова [49] оценивает потенциальный вклад стран БРИКС в глобальный экономический рост за счет углубления торговых и инвестиционных связей. Особое внимание уделяется положению Китая как основного инвестора и импортера, а также вкладу торговли внутри БРИКС в экономическое развитие. При этом в исследовании не уделяется внимание меняющейся роли России в рамках БРИКС под давлением санкций и геополитической напряженности. В работе Р. Рани и Н. Кумара [50] рассматриваются взаимовлияние и причинно-следственная связь между экономическим ростом, торговой открытостью и валовым накоплением основного капитала в странах БРИКС. Полученные результаты свидетельствуют о значительном влиянии торговой открытости на экономический рост в этих странах, а также указывают на важность интеграции в мировую торговлю. Тем не менее авторы не в полной мере учитывают те проблемы, с которыми сталкивается Россия, например институциональные слабости и политические риски.

Н. Смит и Э. Томас [16], в свою очередь, рассматривают взаимосвязь между ПИИ и инновациями в России, подчеркивая позитивное влияние ПИИ на инновационную деятельность на региональном уровне. Авторы указывают на роль восприимчивости к новым знаниям, человеческого капитала и качества институтов в максимизации выгод от ПИИ. Схожим образом, М. Канева и Дж. Унтура [51] подчеркивают роль, которую ПИИ и импорт играют в региональном развитии посредством передачи знаний, а также значимость ПИИ для технологического прогресса и регионального экономического роста в РФ.

Т.-Х. Фархад и соавторы [52] анализируют особенности энергетической торговли между Россией и странами Азиатско-Тихоокеанского региона, указывая на наличие позитивной связи между экспортными потоками и экономическим ростом. Данный вывод демонстрирует ключевое значение экспорта энергоресурсов для экономики России, при этом не рассматривается, каким образом ПИИ и торговая открытость взаимодействуют с энергетическим сектором в условиях глобальных экономических и политических вызовов. Р. Непал и соавторы [53] рассматривают энергетическую безопасность, ПИИ и объемы производства в Индии, указывая на устойчивую долгосрочную связь между потреблением энергии и экономическим ростом. Несмотря на актуальность данного исследования для стран — экспортеров энергоресурсов, его применимость к России ограничена из-за необходимости принимать во внимание уникальные проблемы, связанные с санкциями и институциональными ограничениями.

И. Чхон и соавторы [54] рассматривают влияние торговой открытости на качество окружающей среды в СНГ. В работе делается вывод о двойственном влиянии данного фактора на выбросы CO_2 : хотя торговая открытость приводит к увеличению объема выбросов, она также косвенно способствует его снижению за счет роста доходов на душу населения. Включение экологической перспективы дает более глубокое понимание торговой открытости, но влияние данных факторов на ПИИ и экономический рост в России в работе не раскрывается.

Б. Садиа и соавторы [55] проводят эмпирическое исследование роли торговой открытости, инфляции, ПИИ и иных макроэкономических факторов в стимулировании экономического роста Пакистана. И. Хан и З. Наваз [56] также рассматривают взаимосвязь между торговлей, ПИИ и неравенством доходов в странах СНГ. При всех достоинствах упомянутых исследований предложенные в них выводы не могут непосредственно экстраполироваться на Россию по причине существенных различий в институциональной и геополитической среде.

Несмотря на значительное количество эмпирических исследований по ПИИ и торговой открытости, остаются пробелы в понимании уникального случая России. В существующих публикациях рассматриваются движущие силы экономики, при этом не учитывается влияние геополитических рисков, санкций и институциональных проблем. Настоящее исследование ставит целью устранить эти пробелы, анализируя совместное воздействие экономических и неэкономических факторов на рост экономики России, чтобы представить более полную картину динамики ПИИ, торговой открытости и экономического роста в РФ.

Материалы и методы

Источники данных

В исследовании использовались годовые временные ряды, полученные из базы данных «Индикаторы мирового развития» (World Development Indicators, WDI) и охватывающие период с 1993 по 2022 г. В качестве переменных были выбраны ВВП на душу населения (GDPpc), уровень безработицы среди молодежи (Yunemp), торговая открытость (Top), военные расходы (Milsp), реальный эффективный валютный курс (Reer), уровень инфляции (Infl) и приток ПИИ (FDI). ВВП на душу населения измеряется в тысячах долларов США, уровень безработицы среди молодежи — в процентах, отражая долю нетрудоустроенной молодежной рабочей силы. Уровень инфляции также выражается в процентах и характеризует изменение общего уровня цен на товары и услуги в течение заданного периода. Реальный эффективный

валютный курс представлен в виде индекса, отражающего стоимость национальной валюты по отношению к корзине иностранных валют с учетом дифференциала инфляции.

Торговая открытость рассчитывается как отношение суммарного объема внешней торговли (экспорт плюс импорт) к валовому внутреннему продукту (ВВП), что позволяет оценить степень вовлеченности страны в международную торговлю относительно ее экономического масштаба. Военные расходы и приток ПИИ выражаются в процентах от ВВП, что позволяет оценить долю экономического продукта, направляемую на оборонные нужды и поступающую в виде иностранных инвестиций соответственно.

На рисунке 1 показаны тенденции выбранных экономических и социальных показателей в период с 1995 по 2020 г. ВВП на душу населения демонстрирует устойчивый рост с заметным ускорением в 2005—2015 гг. и небольшим снижением к 2020 г. Инфляция резко сократилась в конце 1990-х гг. и в последующие годы стабилизировалась на низком уровне. Военные расходы оставались относительно стабильными, с незначительными колебаниями и пиком около 2015 г. Объемы притока ПИИ характеризуются высокой волатильностью с максимальными значениями в начале 2000-х гг. и последующими колебаниями. Реальный эффективный обменный курс в целом демонстрирует восходящую динамику, несмотря на некоторое снижение в 2008 г. и иные периоды. Торговая открытость достигла максимума в конце 1990-х гг., после которого происходило непрерывное уменьшение данного показателя. Наконец, уровень безработицы среди молодежи значительно снизился после 1995 г., достигнув минимального значения около 2007 г. После некоторых колебаний в последующие годы значения показателя стабилизировались в 2010 г.

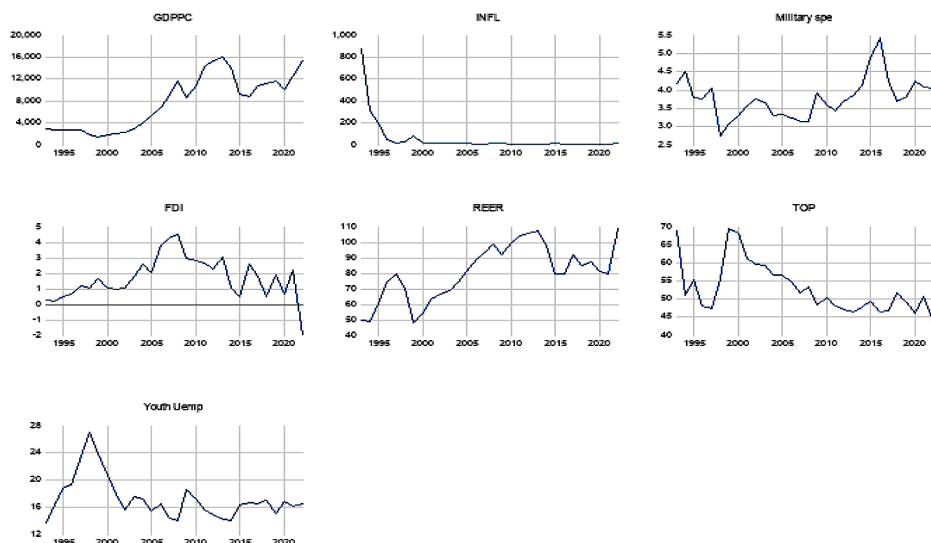

Рис. 1. Динамика показателей в России с 1993 по 2022 г.

Теоретическая основа и спецификация модели

Данное исследование опирается на экономические теории, применимые к описанию динамики экономики РФ. Выдвигается предположение, что на результаты экономической деятельности и развитие России оказывает влияние взаимодействие нескольких факторов: ВВП на душу населения, уровень безработицы среди моло-

дежи, торговая открытость, военные расходы, реальный эффективный валютный курс, уровень инфляции и объем ПИИ. Эти факторы в совокупности формируют уникальные экономические и геополитические условия, в то же время определяясь этими условиями. ВВП на душу населения используется в качестве основного показателя результатов экономической деятельности и уровня жизни. Он отражает средний доход населения и служит показателем совокупной экономической активности. Теоретические подходы, как, например, предложенный Г. Н. Мэнкью и соавторами [57], связывают повышение ВВП на душу населения с улучшением экономических условий и повышением уровня жизни, что, в свою очередь, оказывает влияние на другие переменные, такие как торговая открытость и ПИИ.

Оценка уровня безработицы среди молодежи помогает определить влияние экономической и торговой политики на молодежную рабочую силу России. Высокая безработица среди молодежи часто свидетельствует об экономической неэффективности и проблемах на рынке труда, что может препятствовать росту экономики и подрывать ее стабильность. Например, в своей теоретической работе О. Бланшар и Д. Р. Джонсон [58] отмечают, что высокий уровень безработицы среди молодежи оказывает серьезное влияние на результаты экономической деятельности и социальную сплоченность. Торговая открытость отражает степень вовлеченности страны в международную торговлю, рассчитываясь как доля совокупного экспорта и импорта страны в общем объеме ВВП. Эта переменная является ключевой для понимания влияния торговой политики на экономический рост и развитие. Экономическая теория предполагает, что большая торговая открытость способствует ускорению экономического роста за счет расширения доступа к рынкам и привлечения иностранных инвестиций (см. работу Дж. А. Франкела и Д. Ромера [59]). Этот вывод особенно актуален для России в свете ее зависимости от экспорта энергоресурсов и стремления к диверсификации экономики.

Военные расходы анализируются с целью оценки их влияния на динамику торговли и результаты экономической деятельности. Несмотря на сложный характер взаимосвязи между военными расходами и экономическим ростом, такие расходы могут отражаться как на государственном бюджете и инвестициях в инфраструктуру, так и на общей экономической стабильности. Связь между оборонными затратами и экономическим ростом, описываемая Р. Дж. Барро [60], помогает оценить эффект военных расходов на ряд экономических переменных в российской экономике. Реальный эффективный валютный курс отражает относительную стоимость российского рубля по отношению к корзине иностранных валют с учетом инфляции. Эта переменная имеет ключевое значение для оценки торговой конкурентоспособности и инфляционного давления. Теоретические модели, например, предложенная Р. Дорнбушом [61], подчеркивают влияние колебаний валютного курса на конкурентоспособность экспорта и торговый баланс.

Уровень инфляции, отражающий общий рост цен в России, имеет решающее значение для осмысления влияния инфляции на экономическую стабильность и торговлю. Высокая инфляция снижает покупательную способность и препятствует инвестициям, тогда как стабильная инфляция, как отмечает А. Фишер [62], обычно ассоциируется с экономическим ростом и стабильностью. Анализ ПИИ проводится для понимания воздействия международных инвестиционных потоков на экономический рост и развитие РФ. Некоторые теоретические подходы, например предложенный Дж. Х. Даннингом [63], указывают на роль ПИИ в повышении производительности, передаче технологий и стимулировании экономического роста. Эта взаимосвязь приобретает особую актуальность в свете усилий России по привлечению иностранных инвестиций и диверсификации экономики. Для получения

корректной спецификации эконометрической модели все переменные были приведены к натуральному логарифму. Формула (1) описывает оцениваемую модель, разработанную в соответствии с изложенными выше теоретическими соображениями:

$$GDPpct = \beta_0 + \beta_1 Yuempt + \beta_2 Topt + \beta_3 Milspt + \beta_4 Reert + \beta_5 Inflt + \beta_6 FDI + \mu t, \quad (1)$$

где $GDPpc$ — ВВП на душу населения; $Yuemp$ — уровень безработицы среди молодежи; Top — торговая открытость; $Milsp$ — военные расходы; $Reer$ — реальный эффективный валютный курс; $Infl$ — уровень инфляции; FDI — приток ПИИ.

Подход к оцениванию

Для оценки как долгосрочных, так и краткосрочных взаимосвязей между переменными в настоящем исследовании было проведено граничное тестирование в рамках модели ARDL, предложенное М. Х. Песараном и соавторами [64]. Данный метод позволяет всесторонне проанализировать соотношение между ПИИ, торговой открытостью и ВВП на душу населения, так как указанные факторы оказывают значимое влияние на результаты экономической деятельности. Модель ARDL хорошо зарекомендовала себя в эконометрическом анализе благодаря гибкости и преимуществам над другими инструментами, в частности возможности работы с переменными, имеющими разные порядки интеграции, включая $I(0)$ и $I(1)$, без предварительного взятия разности. Это делает модель применимой к разнообразным наборам данных и обеспечивает устойчивость результатов анализа [65; 66]. Спецификация модели ARDL, использованная в данном исследовании и позволяющая осуществить всесторонний анализ сложных взаимосвязей между переменными, а также их временной динамики и вклада в экономический рост и развитие, представлена формулой (2):

$$\begin{aligned} \Delta GDPpc_t = a + \sum_{i=1}^h \varpi_i \Delta GDPpc_{t-i} + \sum_{i=1}^p \psi_i \Delta Yuemp_{t-i} + \sum_{i=1}^{\partial} \varphi_i \Delta Top_{t-i} + \sum_{i=1}^{\varsigma} \vartheta_i \Delta Milsp_{t-i} \\ + \sum_{i=1}^{\sigma} \Psi_i \Delta Reer_{t-i} + \sum_{i=1}^{\lambda} \Phi_i \Delta Infl_{t-i} + \sum_{i=1}^k \delta_i \Delta FDI_{t-i} + \varepsilon_t. \end{aligned} \quad (2)$$

Граничный тест на коинтеграцию в рамках модели ARDL

При проведении граничного теста на коинтеграцию в рамках модели ARDL применялась методология, предложенная М. Песараном и И. Шином [71]. Данный подход основан на использовании статистики Вальда в рамках модели для оценки значимости лаговых коэффициентов переменных. Значение F-статистики, полученное из коэффициента корреляции в F-тесте, затем сопоставляется с критическим значением коэффициента коинтеграции ARDL. Это критическое значение определяется на основе максимального асимптотического распределения F-статистики, что дает возможность вынести обоснованное решение о принятии или отклонении нулевой гипотезы [64].

С учетом сравнительно малого размера выборки, использованной в анализе, представляется необходимым сопоставление полученного значения F-статистики с пороговым значением, рекомендованным П. Нараяном [67] для асимптотического распределения данной статистики. Такая корректировка обеспечивает устойчивость и надежность полученных выводов, несмотря на ограничения, обусловленные размером выборки. Выражение для теста на коинтеграцию с использованием метода ARDL, обобщающее статистическую основу для проверки наличия коинтеграции

между рассматриваемыми переменными, представлено ниже (3). Подобная строгая методология повышает достоверность полученных результатов, обосновывая выводы относительно долгосрочных взаимосвязей между исследуемыми переменными.

$$\Delta GDPpc_t = a + \sum_{i=1}^h \varpi_i \Delta GDPpc_{t-i} + \sum_{i=1}^{\rho} \psi_i \Delta Yunemp_{t-i} + \sum_{i=1}^{\vartheta} \varphi_i \Delta Top_{t-i} + \sum_{i=1}^{\varsigma} \vartheta_i \Delta Milsp_{t-i} + \sum_{i=1}^{\sigma} \Psi_i \Delta Reer_{t-i} + \sum_{i=1}^{\lambda} \Phi_i \Delta Infl_{t-i} + \sum_{i=1}^k \delta_i \Delta FDI_{t-i} + \theta Ect_{t-1} + \varepsilon_t, \quad (3)$$

Краткосрочные коэффициенты, обозначенные символами ω , ψ , φ , θ , Ψ , Φ и δ , подлежат оцениванию, тогда как долгосрочные параметры выражаются $\lambda_1, \lambda_2, \lambda_3, \lambda_4, \lambda_5, \lambda_6, \wedge \lambda_7$. Определение наличия коинтеграции осуществляется на основе проверки нулевой гипотезы, согласно которой $\lambda_1 = \lambda_2 = \lambda_3 = \lambda_4 = \lambda_5 = \lambda_6 = \lambda_7 = 0$. При этом альтернативная гипотеза заключается в том, что $\lambda_1, \lambda_2, \lambda_3, \lambda_4, \lambda_5, \lambda_6, \lambda_7 \neq 0$. В рамках граничного теста ARDL коинтеграционная связь подтверждается в случае, если значение F-статистики либо превышает верхнее критическое значение для порядка I (1), либо оказывается ниже нижней критической границы для порядка I (0). Необходимость оценки модели коррекции ошибок обуславливается наличием по крайней мере одной причинно-следственной связи между переменными, подтверждаемой значением F-статистики долгосрочной оценки и лагом модели коррекции ошибок. Краткосрочные параметры экономической активности выводятся на основе оценки модели коррекции ошибок в совокупности с долгосрочной оценкой при учете корректировок к равновесию после краткосрочного шока. Ниже представлена спецификация модели коррекции ошибок (4).

$$\Delta GDPpc_t = a + \sum_{i=1}^h \varpi_i \Delta GDPpc_{t-i} + \sum_{i=1}^{\rho} \psi_i \Delta Yunemp_{t-i} + \sum_{i=1}^{\vartheta} \varphi_i \Delta Top_{t-i} + \sum_{i=1}^{\varsigma} \vartheta_i \Delta Milsp_{t-i} + \sum_{i=1}^{\sigma} \Psi_i \Delta Reer_{t-i} + \sum_{i=1}^{\lambda} \Phi_i \Delta Infl_{t-i} + \sum_{i=1}^k \delta_i \Delta FDI_{t-i} + \theta Ect_{t-1} + \varepsilon_t, \quad (4)$$

где θEct_{t-1} — обозначает подлежащий оценке член коррекции ошибок; коэффициент θ — скорость динамической корректировки от краткосрочного к долгосрочному равновесию. Однако в соответствии с критериями модели коррекции ошибок ARDL для подтверждения наличия долгосрочной взаимосвязи коэффициент коррекции ошибок должен быть отрицательным и статистически значимым.

Результаты

Описательная статистика, представленная в таблице 1, отражает переменные, характеризующие состояние российской экономики. Например, среднее значение ВВП на душу населения составляет 8688 долл. США, что свидетельствует о среднем объеме экономического производства на человека. Стандартное отклонение в размере 799 долл. указывает на значительную степень разброса значений данного показателя во времени. Торговая открытость на уровне 52,94 % свидетельствует о среднем уровне открытости России международной торговле. Стандартное отклонение в 6,96 % отражает наличие колебаний уровня торговой открытости по разным периодам и при различных условиях. Средний уровень безработицы среди молодежи составляет 17,244 %, указывая на долю нетрудоустроенных молодых людей. Стандартное отклонение, составляющее 3,085 %, отражает вариацию уровня безработицы среди молодежи по разным регионам и периодам.

Усредненный объем военных расходов в России в процентах от ВВП (3,786 %) характеризует долю экономического продукта страны, направляемую на оборонные нужды. Стандартное отклонение, равное 0,558 %, показывает ограниченное изменение объема военных расходов во времени или в различных бюджетных периодах. Среднее значение реального эффективного валютного курса (4,364) описывает уровень конкурентоспособности национальных товаров и услуг на внешних рынках с учетом инфляции. Стандартное отклонение 0,237 отражает изменчивость валютного курса с течением времени под влиянием внешних экономических факторов. Средний уровень инфляции в России равен 2,734 %, что свидетельствует о среднем темпе роста общего уровня цен на товары и услуги. Стандартное отклонение 1,322 % указывает на среднюю изменчивость инфляции во времени и по секторам. Наконец, средний объем прямых иностранных инвестиций составляет 1,687 %, показывая средний объем притока иностранного капитала в страну. Стандартное отклонение 1,359 % свидетельствует о чувствительности объемов инвестиций к изменениям в экономической политике, внешнеэкономической конъюнктуре и геополитическим условиям.

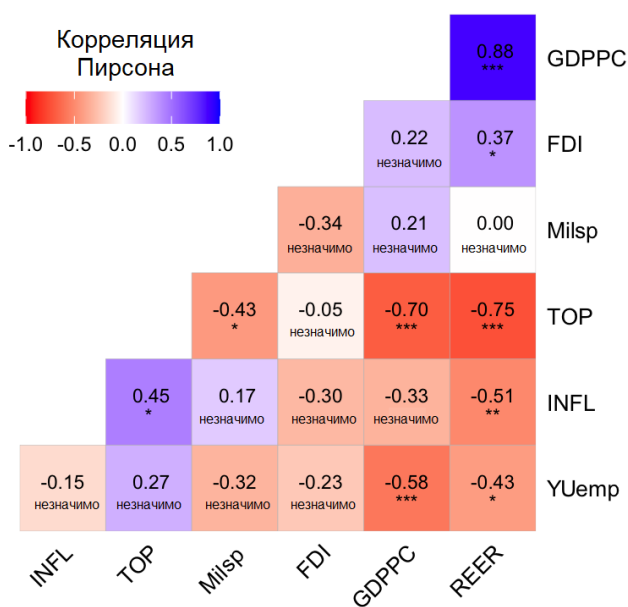
Таблица 1

Описательная статистика

Показатель	GDPpc	Yuemp	Top	Milsp	Reer	Infl	FDI
Среднее значение	8,688	17,244	52,940	3,786	4,364	2,734	1,687
Медиана	9,063	16,410	50,755	3,760	4,384	2,498	1,735
Максимум	9,678	27,090	69,390	5,430	4,688	6,773	4,500
Минимум	7,193	13,640	43,770	2,730	3,871	1,057	-1,930
Стандартное отклонение	0,799	3,085	6,960	0,558	0,237	1,322	1,359
Асимметрия	-0,355	1,614	1,059	0,772	-0,640	1,496	-0,056
Эксцесс	1,582	5,394	3,272	4,115	2,527	4,929	3,436
Критерий Харке — Бера	3,143	20,182	5,704	4,535	2,329	15,845	0,253
Вероятность	0,207	0,000	0,057	0,103	0,312	0,000	0,881
Сумма	260,642	517,33	1588	113,5	130,9	82,03	50,63
Сумма квадратов отклонений	18,517	276,16	1405	9,054	1,635	50,72	53,58
Наблюдение	30	30	30	30	30	30	30

Рассчитано на основе данных Всемирного банка.

Матрица корреляций (рис. 2) дает более полную картину взаимосвязей между переменными. ВВП на душу населения показывает сильную положительную корреляцию с ПИИ, таким образом, увеличение значения первого показателя сопряжено с ростом притока иностранных инвестиций. Напротив, торговая открытость обнаруживает сильную отрицательную корреляцию как с ВВП на душу населения, так и с реальным эффективным обменным курсом. Следовательно, торговая открытость в целом связана с более низким уровнем ВВП на душу населения и менее благоприятным валютным курсом. Умеренная отрицательная корреляция между безработицей среди молодежи и ВВП на душу населения указывает на связь между более высокими показателями безработицы среди молодежи и меньшим объемом экономического производства на человека. Инфляция также имеет умеренную отрицательную корреляцию с реальным эффективным обменным курсом. Таким образом, высокий уровень инфляции снижает конкурентоспособность российских товаров и услуг на международных рынках.

статистически незначимо, $p \geq 0.05$; * $p < 0.05$; ** $p < 0.01$; *** $p < 0.001$

Рис. 2. Корреляция Пирсона

Военные расходы демонстрируют слабую отрицательную корреляцию с безработицей среди молодежи, указывая на незначительное потенциальное влияние увеличения оборонных расходов на снижение уровня безработицы среди этой группы населения. Однако значимых корреляций с большинством других переменных военные расходы не показывают. ПИИ обнаруживают слабую корреляцию как с ВВП на душу населения, так и с безработицей среди молодежи. Для большинства остальных переменных характерны либо ограниченные, либо статистически незначимые корреляции.

Тестирование на стационарность

В таблице 2 представлены результаты теста единичного корня для семи экономических переменных: ВВП на душу населения (GDPPC), уровень безработицы среди молодежи (YUemp), торговая открытость (TOP), военные расходы (Milsp), реальный эффективный валютный курс (Reer), уровень инфляции (Infl) и прямые иностранные инвестиции (FDI). Тесты проводились как для исходных уровней переменных (обозначены как $I(0)$), так и для их первых разностей (обозначены как $I(1)$) с использованием двух критерияльных статистик: теста Дики — Фуллера (ДФ) [69] и теста Филлипса — Перрона (ФП) [70]. Результаты тестов единичного корня отражают стационарные свойства каждой переменной. Для ВВП на душу населения и уровня безработицы среди молодежи (YUemp) оба теста, ДФ и ФП, указывают на наличие стационарности после взятия разности на уровне значимости 5 %. Торговая открытость и FDI также демонстрируют признаки стационарности после взятия разности, с крайне отрицательными значениями статистик как для исходного уровня $I(0)$, так и для первых разностей $I(1)$, что указывает на значимость на уровне 1 %.

Таблица 2

Тест на единичные корни

Переменная	Уровень	ДФ	ФП
GDPpc	0	-0,481	-0,654
GDPpc	1	-3,623**	-3,576**
Yunemp	0	-2,093	-2,318
Yunemp	1	-4,381***	-4,376***
TOP	0	-1,716	-2,989**
TOP	1	-6,680***	-8,780***
Milsp	0	-2,509	-2,570
Milsp	1	-5,047***	-5,965***
Reer	0	-1,915	-1,761
Reer	1	-3,820***	-3,336**
Infl	0	-3,755***	-5,093***
FDI	0	-2,115	-1,923
FDI	1	-6,843***	-6,853***

Условные обозначения значимости: ***1 %; **5 %.

Рассчитано на основе данных Всемирного банка.

Военные расходы демонстрируют стационарность после взятия разности на уровне значимости 1 %. Реальный эффективный валютный курс показывает признаки стационарности после взятия разности на уровне значимости 5 %. Однако показатель инфляции оказывается стационарным на исходном уровне I (0) без взятия разности, что подтверждается критериальными статистиками ДФ и ФП на уровне значимости 1 %. Полученные результаты подтверждают вариативность стационарности переменных, обосновывая применение модели ARDL, которая позволяет работать с переменными, имеющими порядки интеграции I (0) и I (1),

Анализ коинтеграции с помощью граничного теста ARDL

В таблице 3 представлены результаты анализа коинтеграции с использованием граничного теста ARDL. Значение F-статистики составило 9,449. Далее полученные значения сопоставляются с критическими значениями на различных уровнях значимости (10, 5 и 1 %) для определения наличия коинтеграции между переменными. При уровне значимости 10 % критические значения составляют 1,99 для I (0) и 2,94 для I (1); при уровне 5 % — 2,27 для I (0) и 3,28 для I (1); при уровне 1 % — 2,88 для I (0) и 3,99 для I (1). Сравнение полученной F-статистики (9,449) с критическими значениями показывает, что она превышает их на каждом уровне значимости как для I (0), так и для I (1).

Таблица 3

Результаты анализа коинтеграции с помощью граничного теста ARDL

Критериальная статистика	Значение, %	Значимость	I (0)	I (1)
F-статистика	9,449	10 %	1,99	2,94
		5 %	2,27	3,28
		1 %	2,88	3,99

Рассчитано на основе данных Всемирного банка; согласно информационному критерию Акаике (AIC) оптимальная структура лагов для модели ARDL составляет (3,2,1,1,2,2,1).

Такие результаты указывают на наличие коинтеграции между переменными на всех уровнях значимости. Следовательно, нулевая гипотеза об отсутствии коинтеграции отвергается, и можно заключить, что между переменными, включенными в модель ARDL, существует долгосрочная зависимость. Несмотря на краткосрочные колебания, переменные демонстрируют согласованную динамику в долгосрочной перспективе. Понимание этих долгосрочных взаимозависимостей — необходимое условие для анализа экономической динамики и выработки обоснованных решений в сфере экономической политики.

Результаты ARDL

Результаты, полученные с использованием модели ARDL, представлены в таблице 4, отражая долгосрочную и краткосрочную динамику изменения ВВП на душу населения в РФ. Сильная отрицательная корреляция между безработицей среди молодежи и ВВП на душу населения в долгосрочной перспективе отражает неэффективность рынка труда и использования человеческого капитала. Торговая открытость и приток ПИИ не оказывают значимого долгосрочного влияния на экономический рост, что, вероятно, связано со структурными проблемами, в частности с высокой зависимостью от экспорта энергоресурсов и институциональными барьерами.

Таблица 4

Оценка коэффициентов модели ARDL

Долгосрочная перспектива	Коэффициент	Стандартная ошибка	t — статистика	Вероятность
Yuemp	-0,164***	0,035	-4,611	0,002
Top	-0,004	0,023	-0,155	0,880
Milsp	-0,602**	0,184	-3,267	0,011
Reer	1,654**	0,637	2,597	0,032
Infl	-0,552***	0,117	-4,708	0,002
FDI	-0,001	0,048	-0,011	0,991
Константа	8,296*	4,035	2,055	0,073
<i>Краткосрочная перспектива</i>				
$\Delta GDP_{pc}(-1)$	-0,207*	0,102	-2,019	0,078
$\Delta GDP_{pc}(-2)$	-0,700***	0,083	-8,400	0,000
$\Delta Yuemp$	-0,027***	0,004	-6,244	0,000
$\Delta Yuemp(-1)$	0,034***	0,006	5,086	0,001
ΔTop	0,031***	0,004	6,978	0,000
$\Delta Milsp$	0,049	0,003	1,593	0,149
$\Delta Reer$	2,128***	0,014	14,787	0,000
$\Delta Reer(-1)$	0,331**	0,136	2,426	0,042
$\Delta Infl$	-0,130***	0,017	-7,576	0,000
$\Delta Infl(-1)$	0,114***	0,022	4,970	0,001
ΔFDI	0,038***	0,007	4,773	0,001
ECT(-1)	-0,442***	0,037	-11,905	0,000

Окончание табл. 4

Долгосрочная перспектива	Коэффициент	Стандартная ошибка	t — статистика	Вероятность
<i>Диагностический тест</i>				
χ^2 Reset			0,405	0,698
χ^2 Normality			1,014	0,602
χ^2 ARCH			0,011	0,915
χ^2 Serial			2,461	0,165

Условные обозначения значимости: ***1, **5, *10 %; AIC (3,2,1,1,2,2,1); $R^2 = 0,98$; Скорректированный $R^2 = 0,97$; DW = 2,516; χ^2 Normality — тест на нормальность распределения остатков; χ^2 Serial — тест множителей Лагранжа на серийную корреляцию; χ^2 ARCH — тест на авторегрессионную условную гетероскедастичность; χ^2 Reset — reset-тест Рамсея. Значения вероятностей указаны в скобках.

Рассчитано на основе данных Всемирного банка.

Значительная отрицательная корреляция между военными расходами и ВВП на душу населения указывает на то, что высокие оборонные расходы могут привести к сокращению ресурсов, направляемых на критически важные для устойчивого роста секторы, такие как инфраструктура, образование и технологии. Напротив, реальный эффективный обменный курс имеет положительную долгосрочную связь с ВВП на душу населения. Следовательно, укрепление курса повышает покупательную способность потребителей и снижает затраты на импорт, способствуя экономическому росту. Инфляция, напротив, демонстрирует отрицательную связь с ВВП на душу населения, подчеркивая негативное влияние нестабильности цен на покупательную способность и инвестиции.

Безработица среди молодежи оказывает отрицательное влияние на ВВП на душу населения в краткосрочном периоде, указывая на непосредственное негативное воздействие этого фактора на экономику. Не имея значимого долгосрочного влияния, торговая открытость и ПИИ демонстрируют положительные краткосрочные эффекты, что отражает их роль в стимулировании экономической активности через экспорт и приток инвестиций. Аналогично реальный эффективный обменный курс оказывает значительное краткосрочное влияние, поддерживая внутренний спрос и способствуя экономическому росту. В краткосрочной перспективе примерно 44 % отклонений от долгосрочного равновесия корректируются в пределах каждого периода, что говорит о способности экономики возвращаться к долгосрочному равновесию после краткосрочных шоков.

Диагностический тест на стабильность

Диагностические тесты модели ARDL, представленные в таблице 4, подтверждают ее корректную спецификацию и надежность. Reset-тест Рамсея демонстрирует отсутствие проблем, связанных с некорректной спецификацией модели, подтверждая правильность выбранной функциональной формы и полноту учета ключевых переменных. Тест на нормальность показывает, что остатки (разности между наблюдаемыми и прогнозируемыми значениями) следуют нормальному распределению, без чего были бы невозможны корректные статистические выводы. Тест ARCH указывает на отсутствие гетероскедастичности, подтверждая посто-

яность дисперсии ошибок во времени. Кроме того, тест на серийную корреляцию демонстрирует отсутствие автокорреляции остатков. Тем самым обеспечивается независимость ошибок между периодами.

Тест кумулятивных сумм рекурсивных остатков (CUSUM) и тест кумулятивных сумм квадратов рекурсивных остатков (CUSUMSQ) дают возможность оценить устойчивость рассчитанных коэффициентов и остатков во времени. Данные тесты оценивают стабильность модели, проверяя наличие структурных сдвигов, изменений коэффициентов и дисперсии остатков. Результаты, представленные на рисунках 3 и 4, демонстрируют, что линии CUSUM и CUSUMSQ находятся в пределах критических границ, что свидетельствует об отсутствии значимых отклонений от стабильности. Таким образом, подтверждается стабильность модели ARDL и ее пригодность для анализа долгосрочных и краткосрочных взаимосвязей между переменными.

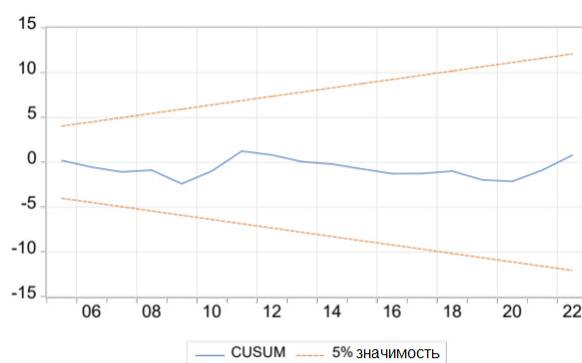

Рис. 3. Кумулятивная сумма рекурсивных остатков

Рассчитано на основе данных Всемирного банка.

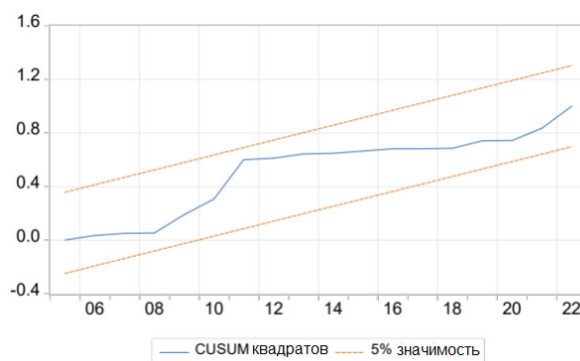

Рис. 4. Кумулятивная сумма квадратов рекурсивных остатков

Рассчитано на основе данных Всемирного банка.

Тест Грейнджера на причинность

Результаты теста на причинность по Грейнджеру, представленные в таблице 5, отражают причинно-следственные связи между переменными, описывающими состояние экономики РФ. Проведенный анализ показывает, что прошлые значения уровня безработицы среди молодежи и ВВП на душу населения не позволяют до-

стоверно предсказывать изменения друг друга. Схожим образом наблюдаемые ранее значения торговой открытости не дают возможности надежно предсказать изменения в ВВП на душу населения, тогда как сам подушевой ВВП обладает значимой прогностической силой в отношении изменений торговой открытости. Предыдущие значения показателя военных расходов не позволяют достоверно предсказать изменения в ВВП на душу населения, однако прошлые значения ВВП на душу населения достоверно предсказывают изменения уровня военных расходов.

Таблица 5

Результаты теста Грейнджера на причинность

Нулевая гипотеза	F-статистика	Вероятность	Результат
Yuemp не является причиной по Грейнджеру для GDPpc	0,732	0,491	Не отвергается
GDPpc не является причиной по Грейнджеру для Yuemp	0,901	0,419	Не отвергается
Top не является причиной по Грейнджеру для GDPpc	2,061	0,150	Не отвергается
GDPpc не является причиной по Грейнджеру для TOP	6,631	0,005	Отвергается
Milsp не является причиной по Грейнджеру для GDPpc	0,731	0,492	Не отвергается
GDPpc не является причиной по Грейнджеру для Milsp	3,845	0,036	Отвергается
Reer не является причиной по Грейнджеру для GDPpc	1,922	0,169	Не отвергается
GDPpc не является причиной по Грейнджеру для Reer	9,343	0,001	Отвергается
Infl не является причиной по Грейнджеру для GDPpc	0,222	0,802	Не отвергается
GDPpc не является причиной по Грейнджеру для Infl	0,377	0,689	Не отвергается
FDI не является причиной по Грейнджеру для GDPpc	0,317	0,731	Не отвергается
GDPpc не является причиной по Грейнджеру для FDI	0,779	0,470	Не отвергается

Рассчитано на основе данных Всемирного банка.

Полученные данные по реальному эффективному валютному курсу свидетельствуют, что его прошлые значения не позволяют предсказать изменения в ВВП на душу населения, тогда как прошлые значения ВВП на душу населения оказываются значимыми для предсказания изменений реального эффективного валютного курса. Ни прошлые значения уровня инфляции, ни значения ВВП на душу населения не позволяют достоверно предсказать их изменения. Наконец, ни предыдущие значения прямых иностранных инвестиций, ни ВВП на душу населения не обладают достаточной предсказательной способностью для объяснения их изменений.

Обсуждение

Полученные результаты выявляют основные факторы, определяющие ВВП на душу населения в России. Негативная корреляция между безработицей среди молодежи и экономическим ростом отражает проблемы на рынке труда, такие как несоответствие навыков соискателей требованиям работодателей и неэффективное

использование человеческого капитала. Данный вывод согласуется с результатами, полученными С. Ф. Б. Джованни и соавторами [73], а также У. Баа-Боатенгом [74] в ходе анализа подобных проблем на примере других стран. Снижение безработицы среди российской молодежи может сыграть ключевую роль в стимулировании экономического роста и повышении эффективности рынка труда. Отсутствие значимого долгосрочного влияния торговой открытости на ВВП на душу населения ставит под сомнение теоретические предположения о прямой связи между либерализацией торговли и экономическим ростом через доступ к международным рынкам. Похожие результаты получены М. Закарией и С. Биби [75], М. Амити и Дж. Конингсом [76], а также С. Гюришем и К. Гезгером [48], отмечающими зависимость получаемых от торговли выгод от качества институтов и структуры экономики. В случае России зависимость от экспорта энергоресурсов и низкая диверсификация, по-видимому, ограничивают положительное влияние торговой открытости.

Отсутствие измеримого долгосрочного влияния ПИИ на ВВП на душу населения согласуется с результатами исследований А. Хаята [77], М. Перес и соавторов [78], П. Нистор [68] и С. Сабир и соавторов [70]. Неэффективность институтов, регуляторные ограничения и геополитические факторы, включая санкции, наряду с иными барьерами негативно воздействуют на стабильность иностранных инвестиций. В результате потенциал ПИИ в части стимулирования роста российской экономики не может быть реализован в полной мере. Отрицательная связь между военными расходами и ВВП на душу населения свидетельствует о том, что высокие оборонные затраты связаны с перетоком ресурсов из секторов, критически важных для долгосрочного роста, таких как инфраструктура, образование и технологии. Это согласуется с выводами Э. Десли и А. Гкульгкуцки [79], М. Азама [80], Дж. д'Агостино и соавторов [81], А. Фири [82], а также К. Коллиаса и соавторов [83], рассматривающих способы балансирования оборонных расходов и инвестиций в развитие. Положительная связь между реальным эффективным обменным курсом и ВВП на душу населения подчеркивает преимущества стабильной валюты. Укрепление обменного курса, по-видимому, повышает покупательную способность и снижает затраты на импорт, поддерживая внутреннюю экономическую активность. Эти результаты согласуются с наблюдениями И. Чжана и С. Чжан [84] и М. Гузмана и соавторов [85]. Вместе с тем важно принимать во внимание риски, связанные с волатильностью обменного курса и ее влиянием на конкурентоспособность экспорта.

Негативное влияние инфляции на экономический рост указывает на ее роль в снижении покупательной способности и сокращении инвестиций. Этот результат согласуется с выводами Д. Диня [86], М. Мосени и Ф. Джузарян [87], М. Хами [88], Н. Криезиу и Э. А. Дургути [89], а также У. Тензина [90], отмечавших схожие закономерности в других развивающихся экономиках. Эффективная антиинфляционная политика является важным условием поддержания экономической стабильности и стимулирования роста в России. В краткосрочной перспективе торговая открытость и приток ПИИ оказывают положительное влияние на ВВП на душу населения, что свидетельствует об их значимости для решения актуальных экономических задач. Механизм коррекции ошибок показывает, что экономика быстро приспосабливается к отклонениям от своей долгосрочной траектории роста, демонстрируя способность сохранять стабильность, несмотря на краткосрочные сбои.

Заключение

Целью данного исследования было изучение взаимосвязи между прямыми иностранными инвестициями и торговой открытостью в российской экономике. В качестве эмпирической базы использовались годовые временные ряды за период с

1993 по 2022 г., проанализированные с применением граничного теста на основе авторегрессионной модели с распределенными лагами (ARDL). Результаты анализа для краткосрочной перспективы показали, что как прямые иностранные инвестиции, так и торговля положительно влияют на экономическую активность в РФ. Однако в долгосрочной перспективе ни инвестиции, ни торговая открытость не оказывают статистически значимого воздействия на экономику страны. При этом дополнительные переменные, такие как реальный эффективный валютный курс, положительно влияют на экономический рост как в краткосрочном, так и в долгосрочных периодах. Уровень безработицы среди молодежи имеет разнонаправленное воздействие в краткосрочной перспективе, как положительное, так и отрицательное, но в долгосрочной перспективе ее эффект отрицателен. Военные расходы, не имея существенного краткосрочного влияния, оказывают отрицательное воздействие на такой показатель, как ВВП на душу населения, сигнализируя о неоптимальном распределении средств. Темпы инфляции также имеют разнонаправленный краткосрочный эффект, демонстрируя отрицательную взаимосвязь с экономическим ростом в долгосрочной перспективе. Результаты теста на причинность по Грейнджеру выявили однонаправленную связь между экономическим ростом, торговой открытостью, военными расходами и реальным эффективным валютным курсом.

На основе полученных данных можно сформулировать ряд рекомендаций. Во-первых, проведение политики, направленной на привлечение иностранных инвестиций и стимулирование внешней торговли, может способствовать экономическому росту в краткосрочной перспективе. Кроме того, сохранение конкурентного валютного курса и обеспечение стабильности на валютных рынках способны усилить этот эффект, что подтверждается положительным воздействием таких переменных, как реальный эффективный валютный курс. Целенаправленные меры по снижению безработицы среди молодежи, включая программы профессионального обучения и поддержку молодежного предпринимательства, играют важную роль в преодолении застарелых проблем на рынке труда. Оборонный бюджет также требует пересмотра с тем, чтобы предотвратить отвлечение средств от критически важных инвестиций в инфраструктуру, образование и технологии. Наконец, необходимо проведение взвешенной денежно-кредитной политики, направленной на сдерживание инфляции в разумных пределах, что является важным условием для сохранения экономической стабильности и устойчивого роста.

Вместе с тем исследование имеет определенные ограничения. Использование годовых данных не позволяет учесть краткосрочные колебания и может не отражать всей полноты динамики взаимодействия между переменными. Кроме того, метод ARDL не способен учитывать все возможные взаимосвязи, и применение альтернативных эконометрических моделей может дать иные результаты. Кроме того, данные выводы носят специфический характер и применимы преимущественно к российской экономике, в то время как возможность их экстраполяции на другие страны или регионы остается ограниченной. Внешние факторы, потенциально оказывающие влияние на взаимосвязи между переменными: геополитические риски и глобальная экономическая конъюнктура — также не были полностью учтены в рамках данного анализа.

Список литературы / References

1. Gurshev, O. 2019, What determines foreign direct investment in Russia?, *Central European Economic Journal*, vol. 6 (53), p. 311 — 322, <https://doi.org/10.2478/ceej-2019-0016>
2. Broadman, H., Recanatini, F. 2001, *Where has all the foreign investment gone in Russia. Policy Research Working Paper*, Washington, DC, World Bank.

3. Mehta, D. 2023, Impact of Trade and Capital Openness on the Government Size of Russia, *R-Economy*, vol. 9, № 2, p. 173—186, <https://doi.org/10.15826/recon.2023.9.2.011>
4. Tajoli, L. 2022, Too much of a good thing? Russia — EU international trade relations at times of war, *Journal of Industrial and Business Economics*, vol. 49, p. 807—834, <https://doi.org/10.1007/s40812-022-00232-2>
5. Islam, M. S., Alsaif, S. S., Alsaif, T. 2022, Trade Openness, Government Consumption, and Economic Growth Nexus in Saudi Arabia: ARDL Cointegration Approach, *SAGE Open*, vol. 12, № 2, p. 1—11, <https://doi.org/10.1177/21582440221096661>
6. UNCTAD, 2020, *World Investment Report 2020*, Geneva: United Nations Conference on Trade and Development.
7. Shepotylo, O., Tarr, D. G. 2013, Impact of WTO Accession on the Bound and Applied Tariffs of Russia, *Eastern European Economics*, vol. 51, № 5, p. 5—45, <https://doi.org/10.2753/EEE0012-8775510501>
8. Burange, L. G., Ranadive, R. R., Karnik, N. N. 2019, Trade Openness and Economic Growth Nexus: A Case Study of BRICS, *Foreign Trade Review*, vol. 54, № 1, p. 1—15, <https://doi.org/10.1177/0015732518810902>
9. Yakubu, Z., Loganathan, N., Sethi, N., Golam Hassan, A. 2021, Do Financial Development, Trade Openness and Political Stability Complement for Egypt's Economic Growth? *Journal of International Commerce, Economics and Policy*, vol. 12 (01), art. 2150001, <https://doi.org/10.1142/S1793993321500010>
10. Adserà, A., Boix, C. 2002, Trade, Democracy, and the Size of the Public Sector: The Political Underpinnings of Openness, *International Organization*, vol. 56, № 2, p. 229—262, <https://doi.org/10.1162/002081802320005478>
11. Barbero, J., de Lucio, J., Rodríguez-Crespo, E. 2021, Effects of COVID-19 on trade flows: Measuring their impact through government policy responses, *PLoS ONE*, vol. 16, № 10, art. e0258356, <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0258356>
12. Solow, M. R. 1956, A Contribution to the Theory of Economic Growth, *Quarterly Journal of Economics*, vol. 70, № 1, p. 65—94, <https://doi.org/10.2307/1884513>
13. Swan, T. W. 1956, Economic Growth and Capital Accumulation, *Economic Record*, vol. 32, p. 334—361, <https://doi.org/10.1111/j.1475-4932.1956.tb00434.x>
14. Romer, P. M. 1990, Endogenous Technological Change, *Journal of Political Economy*, vol. 98, № 5, p. 71—S102, URL: https://web.stanford.edu/~klenow/Romer_1990.pdf (дата обращения: 11.03.2025).
15. Lucas Jr. R. E. 1988, On the Mechanics of Economic Development, *Journal of Monetary Economics*, vol. 22, № 1, p. 3—42, [https://doi.org/10.1016/0304-3932\(88\)90168-7](https://doi.org/10.1016/0304-3932(88)90168-7)
16. Smith, N., Thomas, E. 2017, Regional conditions and innovation in Russia: the impact of foreign direct investment and absorptive capacity, *Regional Studies*, vol. 51, № 9, p. 1412—1428, <https://doi.org/10.1080/00343404.2016.1164307>
17. Krugman, R. P. 1979, Increasing returns, monopolistic competition, and international trade. *Journal of International Economics*, vol. 9, № 4, p. 469—479, [https://doi.org/10.1016/0022-1996\(79\)90017-5](https://doi.org/10.1016/0022-1996(79)90017-5)
18. Verbeke, A., Li, L., Goerzen, A. 2009, Toward More Effective Research on the Multinationality-Performance Relationship, *Management International Review*, vol. 49, № 2, p. 149—161, <https://doi.org/10.1007/s11575-008-0133-6>
19. Simola, H., Solanko, L. 2017, Overview of Russia's oil and gas sector, *BOFIT Policy Brief*, № 5, Helsinki, Bank of Finland, Institute for Economies in Transition, URL: https://www.europeannagashub.com/wp-content/uploads/attach_810.pdf (дата обращения: 11.11.2024).
20. Kutlina-Dimitrova, Z. 2017, The economic impact of the Russian import ban: a CGE analysis, *International Economics and Economic Policy*, № 14, p. 537—552, <https://doi.org/10.1007/s10368-017-0376-4>
21. Davis, L., Engerman, S. 2003, Sanctions: Neither War nor Peace, *Journal of Economic Perspectives*, № 17, p. 187—197, <https://doi.org/10.1257/089533003765888502>
22. Tolkachev, S., Teplyakov, A. 2022, Import Substitution in Russia: The Need for a System-Strategic Approach, *Russian Social Science Review*, vol. 63, № 1—3, p. 15—40, <https://doi.org/10.1080/10611428.2022.2111162>
23. Ishchukova, N., Smutka, L. 2013, Revealed comparative advantage of Russian agricultural exports, *Acta Universitatis Agriculturae et Silviculturae Mendelianae Brunensis*, LXI (4), p. 941—952, <https://doi.org/10.11118/actaun201361040941>

24. Guseva, V., Mechik, S. 2020, Econometric Study of the Dynamics of Foreign Direct Investment in Russia, *Econometric Study of the Dynamics of Foreign Direct Investment in Russia*, vol. 9, № 27, p. 92—103, <https://doi.org/10.34069/AI/2020.27.03.10>
25. Galeeva, G.M., Fazlieva, E.P., Daryakin, A.A., Zagladina, E.N. 2017, Foreign Direct Investments: Structure and Dynamics in Russia, *Helix*, vol. 8 (1), p. 2555—2559, <https://doi.org/10.29042/2018-2555-2559>
26. Domínguez-Jiménez, M., Poitiers, N. F. 2020, An analysis of EU FDI inflow into Russia, *Russian Journal of Economics*, № 6, p. 144—161, <https://doi.org/10.32609/j.ruje.6.55880>
27. UNCTAD, 2023, *World Investment Report 2023: Investing in sustainable energy for all*, United Nations Conference on Trade and Development.
28. Gimpelson, V.E., Kapelyushnikov, R.I., Lukyanova, A. 2010, Employment protection legislation in Russia: regional enforcement and labor market outcomes, *Comparative Economic Studies*, vol. 52, № 4, p. 611—636, URL: <https://ideas.repec.org/a/pal/compes/v52y2010i4p611-636.html> (дата обращения: 11.11.2024).
29. Marelli, E., Vakulenko, E. 2016, Youth unemployment in Italy and Russia: Aggregate trends and individual determinants, *The Economic and Labour Relations Review*, vol. 27, № 3, p. 387—405, <https://doi.org/10.1177/1035304616657959>
30. Fedorov, G.M., Korneevets, V.S., Tarasov, I.N., Chasovskiy, V.I. 2016, Russia among the Countries of the Baltic Region, *International Journal of Economics and Financial Issues*, vol. 6, № 4, p. 1502—1506, URL: <https://www.econjournals.com/index.php/ijefi/article/view/3154> (дата обращения: 11.11.2024).
31. Makarychev, A., Sergunin, A. 2017, Russia's role in regional cooperation and the EU Strategy for the Baltic Sea Region (EUSBSR), *Journal of Baltic Studies*, vol. 48, № 4, p. 465—479, <https://doi.org/10.1080/01629778.2017.1305186>
32. Greg, S. 2015, Perception of Russia's soft power and influence in the Baltic States, *Public Relations Review*, vol. 41, № 1, p. 1—13, <https://doi.org/10.1016/j.pubrev.2014.10.019>
33. Sliwa, Z., Veebel, V., Lebrun, B. 2018, Russian Ambitions and Hybrid Modes of Warfare, *Estonian Journal of Military Studies*, № 7, p. 87—108, <https://doi.org/10.1016/10.15157/st.vi7.24029>
34. Veebel, V., Ploom, I. 2019, Are the Baltic States and NATO on the right path in deterring Russia in the Baltic?, *Defense & Security Analysis*, vol. 35, № 4, p. 406—422, <https://doi.org/10.1080/14751798.2019.1675947>
35. Veebel, V. 2018, NATO Options and Dilemmas for Deterring Russia in the Baltic States, *Defence Studies*, vol. 18, № 2, p. 1—23, <https://doi.org/10.1080/14702436.2018.1463518>
36. Demidova, O., Marelli, E., Signorelli, M. 2014, Youth labour market performance in the Russian and Italian Regions, *Economic Systems*, vol. 39, № 1, p. 43—58, <https://doi.org/10.1016/j.ecosys.2014.06.003>
37. Blinova, T., Markov, V., Rusanovskiy, V. 2016, Empirical study of spatial differentiation of youth unemployment in Russia, *Acta Oeconomica*, vol. 66, № 3, p. 507—526, <https://doi.org/10.1556/032.2016.66.3.7>
38. Trung, T.N., Manh, H.D. 2021, Impact of economic sanctions and counter-sanctions on the Russian Federation's trade, *Economic Analysis and Policy*, № 71, p. 267—278, <https://doi.org/10.1016/j.eap.2021.05.004>
39. Afesorghor, K.A., Mahadevan, R. 2016, The Impact of Economic Sanctions on Income Inequality of Target States, *World Development*, № 83, p. 1—11, <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2016.03.015>
40. Bayramov, V., Rustamli, N., Abbas, G. 2020, Collateral damage: The Western sanctions on Russia and the evaluation of implications for Russia's post-communist neighbourhood, *International Economics*, № 162, p. 92—109, <https://doi.org/10.1016/j.inteco.2020.01.002>
41. Clark, T.E., van Wincoop, E. 2001, Borders and business cycles, *Journal of International Economics*, vol. 55, № 1, p. 59—85, [https://doi.org/10.1016/S0022-1996\(01\)00095-2](https://doi.org/10.1016/S0022-1996(01)00095-2)
42. Afonassova, M., Panfilova, E., Galichkina, M., Ślusarczyk, B. 2019, Digitalization in Economy and Innovation: The Effect on Social and Economic Processes, *Polish Journal of Management Studies*, vol. 19, № 2, p. 22—32, <https://doi.org/10.17512/pjms.2019.19.2.02>
43. Betelin, V. 2018, Challenges and Opportunities in Forming a Digital Economy in Russia, *Herald of the Russian Academy of Sciences*, vol. 88, p. 1—6, <https://doi.org/10.1134/S101933161801001X>

44. Iwasaki, I., Suganuma, K. 2015, Foreign direct investment and regional economic development in Russia: an econometric assessment, *Economic Change and Restructuring*, № 48, p. 209—255, <https://doi.org/10.1007/s10644-015-9161-y>
45. Shah, M. H., Khan, Ya. 2016, Trade Liberalisation and FDI Inflows in Emerging Economies, *Business & Economic Review*, vol. 8, № 1, p. 35—52, URL: <https://imsciences.edu.pk/files/journals/vol82/Paper%203-Trade%20Liberalisation.pdf> (дата обращения: 11.11.2024).
46. Mariev, O., Drapkin, I., Chukavina, K. 2016, Is Russia successful in attracting foreign direct investment? Evidence based on gravity model estimation, *Review of Economic Perspectives*, vol. 16, 3, p. 245—267, <https://doi.org/10.1515/revecp-2016-0015>
47. Arman, M., Edwards, T., Marian, R. 2015, Openness and isolation: The trade performance of the former Soviet Central Asian countries, *International Business Review*, vol. 24, № 6, p. 935—947, <https://doi.org/10.1016/j.ibusrev.2015.03.001>
48. Guris, S., Gozgor, K. 2015, Trade Openness and FDI Inflows in Turkey, *Applied Econometrics and International Development*, vol. 15, № 2, p. 54—62, URL: <https://www.usc.gal/economet/reviews/aeid1524.pdf> (дата обращения: 11.11.2024).
49. Gusarova, S. 2019, Role of China in the development of trade and FDI cooperation with BRICS countries, *China Economic Review*, № 57, p. 101271, <https://doi.org/10.1016/j.chieco.2019.01.010>
50. Rani, R., Kumar, N. 2019, On the Causal Dynamics Between Economic Growth, Trade Openness and Gross Capital Formation: Evidence from BRICS Countries, *Global Business Review*, vol. 20, № 3, p. 795—812, <https://doi.org/10.1177/0972150919837079>
51. Kaneva, M., Untura, G. 2019, The impact of R&D and knowledge spillovers on the economic growth of Russian regions, *Growth and Change*, № 50, p. 301—334, <https://doi.org/10.1111/grow.12281>
52. Farhad, T.-H. 2021, Determinants of the Russia and Asia — Pacific energy trade, *Energy Strategy Reviews*, № 38, p. 100681, <https://doi.org/10.1016/j.esr.2021.100681>
53. Nepal, R., Pajia, N., Tyagi, B., Harvie, Ch. 2021, Energy security, economic growth and environmental sustainability in India: Does FDI and trade openness play a role?, *Journal of Environmental Management*, № 281, art. 111886, <https://doi.org/10.1016/j.jenvman.2020.111886>
54. Cheon, Y., Danilova, N., Seung-Jick, Y., Yun-Seop, H. 2019, Does trade openness convey a positive impact for the environmental quality? Evidence from a panel of CIS countries, *Eurasian Geography and Economics*, vol. 60, № 3, p. 333—356, <https://doi.org/10.1080/15387216.2019.1670087>
55. Sadia, B., Syed, T. A., Hina, R. 2014, Impact of Trade Openness, FDI, Exchange Rate and Inflation on Economic Growth: A Case Study of Pakistan, *International Journal of Accounting and Financial Reporting*, vol. 4, № 2, p. 236—257, <https://doi.org/10.5296/ijavr.v4i2.6482>
56. Khan, I., Nawaz, Z. 2019, Trade, FDI and income inequality: empirical evidence from CIS, *International Journal of Development Issues*, vol. 18, № 1, p. 88—108, <https://doi.org/10.1108/IJDI-07-2018-0107>
57. Mankiw Gregory, N., Romer, D., Weil, D. N. 1992, A Contribution to the Empirics of Economic Growth, *The Quarterly Journal of Economics*, vol. 107 (2), p. 407—437, <https://doi.org/10.2307/2118477>
58. Blanchard, O., Johnson, D. R. 2013, *Macroeconomics*, Pearson.
59. Frankel, J. A., Romer, D. 1999, Does Trade Cause Growth?, *American Economic Review*, vol. 89, № 3, p. 379—399, <https://doi.org/10.1257/aer.89.3.379>
60. Barro, R. J. 1991, Economic Growth in a Cross-Section of Countries, *Quarterly Journal of Economics*, vol. 106, № 2, p. 407—443, <https://doi.org/10.2307/2937943>
61. Dornbusch, R. 1976, Expectations and Exchange Rate Dynamics, *Journal of Political Economy*, vol. 84, № 6, p. 1161—1176, URL: <https://www.mit.edu/~14.54/handouts/dornbusch76.pdf> (дата обращения: 22.02.2025).
62. Fisher, I. 1930, *The Theory of Interest, as Determined by Impatience to Spend Income and Opportunity to Invest It*, Macmillan, New York.
63. Dunning, J. H. 1981 Explaining the International Direct Investment Position of Countries: Towards a Dynamic or Developmental Approach, *Weltwirtschaftliches Archiv*, vol. 117, № 1, p. 30—64, <https://doi.org/10.1007/BF02696577>

64. Pesaran, M. H., Shin, Y., Smith, R. 2001, Bounds testing approaches to the analysis of level relationships, *Journal of Applied Econometrics*, vol. 16, № 3, p. 289—326, <https://doi.org/10.1002/jae.616>
65. Ang, J. 2007, CO₂ emissions, energy consumption, and output in France, *Energy Policy*, № 35, p. 4772—4778, <https://doi.org/10.1016/j.enpol.2007.03.032>
66. Hao, Y. 2023, The relationship between LNG price, LNG revenue, non-LNG revenue and government spending in China: an empirical analysis based on the ARDL and SVAR model, *Energy & Environment*, № 34, p. 131—154, <https://doi.org/10.1177/0958305X211053621>
67. Narayan, P. 2005, The saving and investment nexus for China: evidence from cointegration tests, *Applied Economics*, № 37, p. 1979—1990, <https://doi.org/10.1080/00036840500278103>
68. Nistor, P. 2014, FDI and Economic Growth, the Case of Romania, *Procedia Economics and Finance*, № 15, p. 577—582, [https://doi.org/10.1016/S2212-5671\(14\)00514-0](https://doi.org/10.1016/S2212-5671(14)00514-0)
69. Phillips, P., Perron, P. 1988, Testing for a unit root in time series regression, *Biometrika*, № 75, p. 335—346, <https://doi.org/10.1093/biomet/75.2.335>
70. Sabir, S., Rafique, A., Abbas, K. 2019, Institutions and FDI: evidence from developed and developing countries, *Financ Innov*, vol. 5, № 8, p. 1—20, <https://doi.org/10.1186/s40854-019-0123-7>
71. Pesaran, M., Shin, Y. 1999, An autoregressive distributed lag modelling approach to cointegration analysis, in: Strom, S. (ed.), *Econometrics and economic theory in 20th century: the Ragnar Frisch centennial symposium*, Cambridge, Cambridge University Press.
72. Dickey, D., Fuller, W. 1981, Likelihood ratio statistics for autoregressive time series with a unit root, *Econometrica*, № 49, p. 1057—1072, <https://doi.org/10.2307/1912517>
73. Giovanni, S. F. B., Misbah, C. T., Enrico, M., Marcello, S. 2017, The short- and long-run impacts of financial crises on youth unemployment in OECD countries, *Applied Economics*, vol. 49, № 34, p. 3372—3394, <https://doi.org/10.1080/00036846.2016.1259753>
74. Baah-Boateng, W. 2016, The youth unemployment challenge in Africa: What are the drivers?, *The Economic and Labour Relations Review*, vol. 27, № 4, p. 413—431, <https://doi.org/10.1177/1035304616645030>
75. Zakaria, M., Bibi, S. 2019, Financial development and environment in South Asia: the role of institutional quality, *Environmental Science and Pollution Research*, vol. 26, № 8, p. 7926—7937, <https://doi.org/10.1007/s11356-019-04284-1>
76. Amity, M., Konings, J. 2007, Trade liberalization, intermediate inputs, and productivity: Evidence from Indonesia, *American Economic Review*, vol. 97, № 5, p. 1611—1638, <https://doi.org/10.1257/aer.97.5.1611>
77. Hayat, A. 2019, Foreign direct investments, institutional quality, and economic growth, *The Journal of International Trade & Economic Development*, vol. 28, № 5, p. 561—579, <https://doi.org/10.1080/09638199.2018.1564064>
78. Peres, M., Ameer, W., Xu, H. 2018, The impact of institutional quality on foreign direct investment inflows: evidence for developed and developing countries, *Economic Research-Ekonomska Istraživanja*, vol. 31, № 1, p. 626—644, <https://doi.org/10.1080/1331677X.2018.1438906>
79. Desli, E., Gkoulgkoutsika, A. 2021, Military spending and economic growth: a panel data investigation, *Economic Change and Restructuring*, vol. 54, № 3, p. 781—806, <https://doi.org/10.1007/s10644-020-09267-8>
80. Azam, M. 2020, Does military spending stifle economic growth? The empirical evidence from non-OECD countries, *Heliyon*, vol. 6, № 12, art. e05853, <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2020.e05853>
81. d'Agostino, G., Dunne, J. P., Pieroni, L. 2018, Military Expenditure, Endogeneity and Economic Growth, *Defence and Peace Economics*, vol. 30, № 5, p. 509—524, <https://doi.org/10.1080/10242694.2017.1422314>
82. Phiri, A. 2017, Does Military Spending Nonlinearly Affect Economic Growth in South Africa?, *Defence and Peace Economics*, vol. 30, № 4, p. 474—487, <https://doi.org/10.1080/10242694.2017.1361272>
83. Kollias, C., Naxakis, C., Zarangas, L. 2004, Defence spending and growth in Cyprus: A causal analysis, *Defence and Peace Economics*, vol. 15, № 3, p. 299—307, <https://doi.org/10.1080/1024269032000166864>

84. Zhang, Y., Zhang, S. 2018, The impacts of GDP, trade structure, exchange rate and FDI inflows on China's carbon emissions, *Energy Policy*, № 120, p. 347—353, <https://doi.org/10.1016/j.enpol.2018.05.056>

85. Guzman, M., Ocampo, A. J., Stiglitz, E. J. 2018, Real exchange rate policies for economic development, *World Development*, № 110, p. 51—62, <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2018.05.017>

86. Doan Van, D. 2020, Money supply and inflation impact on economic growth, *Journal of Financial Economic Policy*, vol. 12 (1), p. 121—136, <https://doi.org/10.1108/JFEP-10-2018-0152>

87. Mohseni, M., Jouzaryan, F. 2016, Examining the Effects of Inflation and Unemployment on Economic Growth in Iran (1996—2012), *Procedia Economics and Finance*, vol. 36, p. 381—389, [https://doi.org/10.1016/S2212-5671\(16\)30050-8](https://doi.org/10.1016/S2212-5671(16)30050-8)

88. Hami, M. 2017, The Effect of Inflation on Financial Development Indicators in Iran (2000—2015), *Studies in Business and Economics*, vol. 12, № 2, p. 53—62, <https://doi.org/10.1515/sbe-2017-0021>

89. Kryeziu, N., Durguti, E. A. 2019, The Impact of Inflation on Economic Growth: The Case of Eurozone, *International Journal of Finance & Banking Studies*, vol. 8, № 1, p. 1—9, <https://doi.org/10.20525/ijfbs.v8i1.297>

90. Tenzin, U. 2019, The Nexus Among Economic Growth, Inflation and Unemployment in Bhutan, *South Asia Economic Journal*, vol. 20, № 1, p. 94—105, <https://doi.org/10.1177/1391561418822204>

Об авторе

Йебоа Эванс, Университет Менделя в Брно, Чехия.

<https://orcid.org/0000-0002-0934-3996>

E-mail: yeboah869@gmail.com

Представлено для возможной публикации в открытом доступе в соответствии с условиями лицензии Creative Commons Attribution — Noncommercial — NoDerivative Works <https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/deed.en> (CCBY-NC-ND 4.0)

THE LINKAGE BETWEEN FOREIGN DIRECT INVESTMENT AND TRADE OPENNESS IN THE RUSSIAN ECONOMY: AN ARDL BOUND TESTING APPROACH

E. Yeboah

Mendel University,
1 Zemedelska St., 613 00, Brno, Czech Republic

Received 21 February 2025
Accepted 02 April 2025
doi: 10.5922/2079-8555-2025-3-7
© Yeboah, E. 2025

This study examines the relationship between foreign direct investment (FDI), trade openness, and economic growth in Russia using annual time series data from 1993 to 2022. Utilizing the Autoregressive Distributed Lag (ARDL) approach, the findings reveal that FDI and trade

To cite this article: Yeboah, E. 2025, The linkage between foreign direct investment and trade openness in the Russian economy: an ARDL bound testing approach, *Baltic Region*, vol. 17, № 3, p. 123—149.
doi: 10.5922/2079-8555-2025-3-7

have positive short-term effects on economic growth but no significant long-term impact. Supporting variables such as the real effective exchange rate positively influence growth in both the short and long term, while youth unemployment shows mixed short-term effects and a consistently negative long-term impact. Military spending has no short-term effect but negatively impacts growth in the long term, whereas inflation exhibits both positive and negative short-term influences and a negative long-term relationship with growth. Granger causality analysis highlights a unidirectional relationship between economic growth and trade openness, military spending, and the real effective exchange rate. The findings suggest policies to attract sustainable foreign investment, enhance trade, tackle youth unemployment, reassess defense budgets, and maintain stable monetary policies.

Keywords:

GDP per capita, FDI, trade openness, Inflation, real effective exchange rate

The author

Evans Yeboah, Mendel University in Brno, Czech Republic.

<https://orcid.org/0000-0002-0934-3996>

E-mail: yeboahevans869@gmail.com

Submitted for possible open access publication under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution – Noncommercial – No Derivative Works <https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/deed.en> (CC BY-NC-ND 4.0)

RYITHY

ПРИГРАНИЧНЫЙ АРКТИЧЕСКИЙ ГОРОД КОСТОМУКША НА ТУРИСТСКОМ ПЕРЕПУТЬЕ: ОПАСЕНИЯ И ЧАЯНИЯ ЭКСПЕРТОВ

С. В. Кондратьева

Институт экономики Карельского научного центра РАН,
185030, Россия, Республика Карелия, Петрозаводск,
просп. А. Невского, 50

Поступила в редакцию 03.04.2025 г.
Принята к публикации 15.07.2025 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2025-3-8
© Кондратьева С. В., 2025

Исследование фокусируется на проблематике туристского развития арктического Костомукшского муниципального округа в карело-финском приграничье. Город Костомукша, сформированный как образец российско-финляндского сотрудничества в конце XX в., в XXI в. в связи с прекращением трансграничных перемещений и приграничного сотрудничества ищет новые пути своего развития. В связи с исчерпаемостью природных ресурсов перед муниципалитетом остро стоит вызов выстраивания новых направлений развития, включая переориентацию сферы туризма. Цель — выявление направлений туристского развития приграничного г. Костомукша в новых условиях на основе данных социологического опроса экспертного сообщества. Обобщены данные работы фокус-группы и серии полуструктуризованных интервью, проведенных автором (май 2024 г.) с руководителями и ключевыми специалистами государственных, коммерческих и некоммерческих организаций, связанных с развитием туризма в округе. Выявлены основные ограничения развития туризма в Костомукшском муниципальном округе: экономические, инфраструктурные, кадровые, маркетинговые, природоохранные, а также сезонность туристского бизнеса. Природоориентированный туризм является приоритетным видом туризма в муниципалитете, подразумевая не только экологический, но и активный, культурно-познавательный, событийный и иные виды. Включение Костомукшского муниципального округа в Арктическую зону представляется одним из направлений корректировки стратегических приоритетов муниципалитета. С учетом специфики локации округа, обеспеченности спортивно-туристской инфраструктурой для зимних видов туризма, успешного опыта организации событийных мероприятий одним из перспективных туристских направлений представляется развитие зимних видов туризма. Исследование выявило необходимость кооперации и взаимодействия сегментов триады «власть — бизнес — общество» в сфере туризма.

Ключевые слова:

г. Костомукша, развитие туризма, приграничье, Арктика, природоориентированный туризм, экспертное сообщество

Приграничный город Костомукша, образующий одноименный муниципальный округ, под влиянием вызовов современности из центра приграничного сотрудничества и трансграничного туризма в карело-финском приграничье преобразовался

Для цитирования: Кондратьева С. В. Приграничный арктический город Костомукша на туристском пути: опасения и чаяния экспертов // Балтийский регион. 2025. Т. 17, № 3. С. 150–171.
doi: 10.5922/2079-8555-2025-3-8

в периферийный населенный пункт, ищущий новые пути развития туристской дестинации. Какие произошли изменения в сфере туризма в приграничном муниципалитете? Создает ли локализация в Карельской Арктике дополнительные ограничения или возможности туристского развития г. Костомукша? Каковы перспективы развития туризма приграничного арктического города в ближайшей перспективе? Поиску ответов на эти и другие вопросы посвящено настоящее исследование, базирующееся на данных социологического опроса экспертного сообщества (фокус-группа и серия интервью) приграничного арктического г. Костомукша, проведенного автором в конце мая 2024 г.

Костомукшский муниципальный округ: теоретические аспекты

Научные наработки, посвященные проблематике приграничья и развития туризма, демонстрируют достаточное число работ, раскрывающих как положительное, так и сдерживающее влияние функционирования государственных границ на развитие трансграничного туризма. Медико-биологические и геополитические вызовы 2020-х гг., полностью ограничившие международный туристский обмен в карело-финском приграничье, типичны для всех трансграничных территорий Балтийского региона.

Обращаясь к территории исследования — Костомукшскому муниципальному округу (до 21 апреля 2025 г. — городской округ)¹, следует обозначить его приграничный, промышленный и новый «арктический» статус, который материализуется в научных исследованиях по данному муниципалитету. Во-первых, вследствие промышленного вектора развития Костомукшского муниципального округа (самый молодой город Республики Карелия, 1982 г.) не вызывает удивления доминирующая доля научных работ, раскрывающих проблематику дальнейшего хозяйственного освоения территории и оценку экологической ситуации [1 — 3]. Как справедливо заметили исследователи, «публичная презентация Костомукши на официальных ресурсах тесно увязана с появлением и развитием горно-обогатительного комбината» [4]. В качестве пояснения можно указать, что АО «Карельский окатыш» (структура ПАО «Северсталь») является ведущим комбинатом по добыче и переработке железной руды в Российской Федерации.

Вторым по значимости и объему научных работ направлением являются разновекторные исследования туристских возможностей, ограничений и перспектив развития Костомукшского муниципального округа. В подавляющем большинстве работы не фокусируются исключительно на г. Костомукша, представляя более широкую географию исследований, отдельные наработки посвящены исключительно приграничному муниципалитету.

Спектр научных исследований о развитии Костомукшского городского округа охватывает такие проблематики, как изучение стратегического управления в сфере туризма [5; 6], развитие особо охраняемых территорий муниципалитета, рекреационное природопользование и экологический туризм [7 — 11], историко-культурное наследие, выявление идентичности местных жителей [4; 12 — 15], перспективы раз-

¹ В апреле 2025 г. Костомукшский городской округ был преобразован в Костомукшский муниципальный округ (Закон Республики Карелия от 21.04.2025 № 3042-ЗПК «О преобразовании муниципального образования “Костомукшский городской округ” Республики Карелия в связи с наделением его статусом муниципального округа», принят ЗС РК 17.04.2025). Территория Костомукшского муниципального округа включает следующие населенные пункты: г. Костомукша (административный центр), пос. Заречный, д. Вокнаволок, Ладвозеро, Поньгагуба, Суднозеро, Толлорека. С учетом времени преобразования Костомукшского городского округа в Костомукшский муниципальный округ (апрель 2025 г.) в данной статье указаны прежние наименования организаций, при описании научного задела и при цитировании стратегических и иных документов приведены существующие тексты.

вития муниципалитета и непосредственно туризма в оценках местного населения [16—19], развитие туристской инфраструктуры [20—22], трансграничной мобильности [17; 23], проектной деятельности [24], а также изучение мифов о приграничном городе и связи с туризмом [25; 26].

Выгоды туристского вектора развития приграничного муниципалитета сформировались во многом благодаря некогда развитому приграничному сотрудничеству (создание сети особо охраняемых природных территорий, трансграничных туристских продуктов, маршрутов, развитие трансграничной туристской мобильности и пр.). Достаточно показательна в этом отношении самопрезентация муниципалитета в Унифицированном туристском паспорте. Так, Костомукшский городской округ обозначается, как «уникальный пример сосредоточения на малой территории последних в Европе участков дикой тайги, крупнейшего горнодобывающего предприятия Северо-Запада и старинных карельских деревень — колыбели карело-финского эпоса “Калевала”»¹.

Учитывая высокую актуальность сотрудничества приграничного муниципалитета с сопредельной Финляндией, исследователи указывают на многочисленность публикаций в СМИ «о соседе» и в период пандемии COVID-19, в которых «международное сотрудничество не теряло своей актуальности для пограничного города» и большая часть которых была посвящена закрытию государственных границ и прекращению выдачи шенгенских виз [4, с. 15].

Отдельного внимания заслуживают работы, посвященные исследованию нового «арктического» статуса муниципалитета. Так, несмотря на включение муниципалитета в арктическую Карелию, арктическая тематика, согласно анализу СМИ карельских ученых, «слабо присутствует на страницах местных СМИ и социальных сетей г. Костомукша и имеет целью прежде всего информирование населения о старте программ. Более рельефно и подробно она отражена на сайте Администрации Костомукшского городского округа. Очевиден “административный” драйвер продвижения арктической темы, который пока не оброс презентацией конкретного опыта участия в программах и оценками этого эксперимента» [4, с. 15]. С учетом основы получения выводов для настоящего исследования интерес представляют работы, анализирующие проблематику различных направлений развития Костомукшского муниципалитета с помощью социологического инструментария [1; 5; 16; 27; 28].

Резюмируя вышеизложенное, в целом можно констатировать достаточную ограниченность научных работ по проблематике развития туризма в исследуемой локальной приграничной арктической дестинации — Костомукшском муниципальном округе. Имеющиеся наработки достаточно ограничены по содержанию и не позволяют сформировать комплексное представление о состоянии развития сферы туризма в исследуемом муниципалитете, представляющем собой интерес в фокусе кардинального изменения траектории туристского развития под влиянием вызовов современности. Достижению этой цели и посвящено настоящее исследование.

Методика исследования и данные

Цель настоящей работы — выявление направлений туристского развития приграничного арктического г. Костомукша в новых условиях с помощью данных социологического опроса экспертного сообщества. Предложенный подход на основе анализа результатов работы фокус-группы и серии полуформализованных интервью позволяет установить:

¹ Унифицированный туристский паспорт Костомукшского городского округа, 2025, *Официальный сайт информационно-туристского центра Костомукшского городского округа*, URL: <https://kostravel.ru/turizm/turpassport/> (дата обращения: 31.03.2025).

- специфические изменения туристского вектора развития приграничного арктического г. Костомукша в условиях современных вызовов;
- ограничения туристского развития приграничного арктического города в современных условиях и в ближайшей перспективе.
- перспективные направления развития туризма в фокусе локализации муниципалитета и в российско-финляндском приграничье, и в Карельской Арктике.

Модельной площадкой исследования является приграничный Костомукшский муниципальный округ, внешняя граница которого совпадает с государственной границей Российской Федерации и Финляндии.

Целевая группа исследования — руководители и ведущие специалисты органов муниципальной власти, ключевых организаций сферы туризма, особо охраняемых природных территорий, учреждений культуры и некоммерческого сектора, связанные с развитием туризма или задействованные в туристском обслуживании гостей и жителей муниципалитета и обладающие необходимыми компетенциями в исследуемой проблематике. Так, в рамках экспедиции в Костомукшский городской округ в конце мая 2024 г. автором на базе Международного Баренц бизнес-центра были проведены фокус-группа (в работе приняло участие 13 человек) и пять полуструктурированных интервью, на обобщенных результатах анализа которых и базируется настоящее исследование. Экспертами туристской сферы Костомукшского муниципального округа выступили руководители и ведущие специалисты следующих организаций (личное приглашение эксперту или приглашение на организацию, например для администрации):

- Администрация Костомукшского городского округа;
- Информационно-туристский центр Костомукшского городского округа;
- Городской музей г. Костомукша;
- муниципальное бюджетное учреждение Костомукшского городского округа «Центр культурного развития»;
- федеральное государственное бюджетное учреждение «Объединенная дирекция государственного заповедника «Костомукшский» и национального парка «Калевальский»;
- ООО «Котиранта» (турфирма и турбаза);
- ИП Волкова Л. С., туристическая база «Изумрудный город»;
- местная общественная организация турклуб «Кипатры»;
- автономная некоммерческая организация «Прялка»;
- TaivalTravel (отдых в д. Пирттигуба);
- другие организации.

Значительная часть представленных организаций является или являлась на протяжении длительного периода времени ключевыми игроками развития туристского бизнеса в Костомукшском муниципальном округе. Например, компания «Котиранта», ориентированная до недавнего времени в большей степени на обслуживание трансграничного турпотока, вышла из Единого федерального реестра туроператоров, сохранив турагентскую деятельность. По состоянию на 25 апреля 2024 г. в муниципалитете не зарегистрировано ни одного туроператора, включенного в Единый федеральный реестр (до 2022 г. в округе функционировали три туроператора). Отдельно следует подчеркнуть высокую заинтересованность в туристском развитии территории администрации округа и Объединенной дирекции ООПТ муниципалитета, представленных руководителями ряда отделов организаций.

Содержательно фокус-группа (продолжительностью два часа) включала в себя обсуждение семи вопросов, всесторонне выявляющих мнение экспертного сооб-

щества относительно современного состояния, ограничений и направлений туристского развития приграничного арктического г. Костомукша в условиях современных вызовов.

В интервью было задано 11 вопросов, раскрывающих проблематику необходимости развития туризма в арктическом муниципалитете; оценку имеющегося туристского потенциала, его использования; анализ современного состояния туристской сферы, включая виды туризма, структуру турпотока, портрет среднестатистического туриста, организацию туров, внутри- и межмуниципальное сотрудничество, уровень конкуренции; определение ограничений и перспектив развития туризма в муниципалитете в ближайшие пять-десять лет. Длительность интервью варьировалась в пределах от получаса до полутора часов.

Отдельное внимание в работе фокус-группы и в вопросах интервью было уделено проблематике вовлеченности местного сообщества в туристскую сферу деятельности, возможностям туризма и отдыха локального населения, экологической тематике:

— Какие последствия (позитивные и негативные) для экологической обстановки имеет туризм в вашем муниципалитете? В какой мере туристский бизнес и местное население стараются их снизить? Какие последствия туризма есть для местного населения? (фокус-группа);

— Есть ли возможности отдыха и рекреации для местного населения? Насколько активно местное население пользуется туристскими возможностями муниципалитета? Отдыхаете ли вы сами в районе проживания? Где? Почему? (фокус-группа);

— Привлекается ли местное население к обслуживанию туристов? (интервью).

Проблематика изменения траектории туристского развития муниципалитета была проанализирована в ответах экспертов на следующие вопросы: Как изменились туристы вашего муниципалитета за последние годы? Что поменялось в предложении услуг? (фокус-группа); Кто ваш турист: какова доля туристов из Республики Карелия, из других регионов России и из-за рубежа? (интервью).

Вопросы фокус-группы и интервью не дублируют, а дополняют друг друга, позволяя в полной мере сформировать комплексное представление о мнении экспертного сообщества приграничного арктического муниципалитета относительно направлений туристского развития территории и имеющихся ограничений.

Участники фокус-группы и респонденты были проинформированы, что результаты исследования будут использованы в обобщенном виде и опубликованы в научных изданиях.

Записи фокус-группы и пяти полуформализованных интервью были транскрибированы, проведен анализ данных с последующей интерпретацией полученных результатов.

Результаты исследования

Приграничный город Костомукша на туристском перепутье

Несмотря на промышленный вектор развития г. Костомукша, в муниципальных стратегических документах туризм представляется в качестве значимого направления его социально-экономического развития. Так, согласно Стратегии социально-экономического развития муниципального образования «Костомукшский городской округ» до 2030 года, «развитие туристического комплекса городского округа, включая развитие системы особо охраняемых природных территорий», является

одной из стратегических задач Костомукшского городского округа¹. Отдельно следует обозначить высокое признание на уровне региона туристских достижений ряда компаний округа. Так, гостевой дом «Котиранта» не раз становился победителем регионального конкурса «Лидеры карельского турбизнеса» в номинации «Лучшая малая гостиница» (до 30 номеров). Кроме того, маршрут этой компании «По древним путям. Путешествие в Вокнаволок и Кормило» на судне на воздушной подушке признан лучшим этнографическим маршрутом РФ в финале IV ежегодной всероссийской премии «Маршрут года 2017», проводимой при поддержке Ростуризма [28, с. 182—183].

Именно приграничное положение округа сыграло критическую роль в его современном туристском развитии, превратив Костомукшу из центра приграничного сотрудничества и трансграничного туризма в карело-финском приграничье в периферийный город, ищущий новые пути развития туристской дестинации. Учитывая, что стратегические документы Костомукшского городского округа были приняты до последних вызовов времени, такие преимущества округа, как приграничное положение (Финляндия, Европейский союз), ранжированное первым в Стратегии, и «транзитно-распределительные [туристские ресурсы. — С. К.] (пункт пропуска на госгранице)» потеряли свою актуальность. При этом слабые стороны муниципалитета еще больше усилились: «Транспортная изолированность — нет авиасообщения, ограничено железнодорожное сообщение — всего два раза в неделю; неудовлетворительное состояние федеральной автодороги; наличие пограничной зоны (сдерживающий фактор для развития туризма)» (из интервью).

Согласно Стратегии, развитие планировалось с использованием тех возможностей, которые сейчас отсутствуют («развитие международного сотрудничества, реконструкция пропускного пункта таможенного поста МАПП «Люття», увеличение его пропускной способности»), и на «новых» арктических возможностях, включая сферу туризма и сопутствующих услуг («включение Костомукшского городского округа в состав территорий Арктической зоны Российской Федерации»)². Согласно документу, «включение городского округа в состав Арктической зоны в дополнение к особому правовому режиму ведения инвестиционной деятельности в рамках Территории опережающего развития “Костомукша” позволит получить иные дополнительные преференции предприятиям и предпринимателям, осуществляющим свою деятельность на территории городского округа»³.

В новых условиях именно на арктические возможности возлагаются большие надежды экспертного сообщества, в том числе и в сфере туризма. Так, один из экспертов фокус-группы высказался: «Мне кажется, это вдохновляет еще и с точки зрения позиционирования нашей территории, кроме того, что у нас Карелия, национальная культура... Теперь у нас появляется еще один узнаваемый, хорошо тиражируемый элемент бренда — арктическое направление».

¹ Стратегия социально-экономического развития муниципального образования «Костомукшский городской округ» до 2030 г. Решение Совета Костомукшского гор. округа от 26.03.2020 г. №457-СО/III, 2020, *Костомукшский муниципальный округ*, URL: <https://www.kostomuksha-city.ru/strategiya-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-munitsipalnogo-obrazovaniya-kostomukshskij-gorodskoj-okrug-do-2030-goda> (дата обращения: 02.04.2025).

² Стратегия социально-экономического развития муниципального образования «Костомукшский городской округ» до 2030 г. Решение Совета Костомукшского гор. округа от 26.03.2020 г. №457-СО/III, 2020, *Костомукшский муниципальный округ*, с. 28—29, URL: <https://www.kostomuksha-city.ru/strategiya-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-munitsipalnogo-obrazovaniya-kostomukshskij-gorodskoj-okrug-do-2030-goda> (дата обращения: 02.04.2025).

³ Там же. С. 70.

При этом широкий спектр организаций, ориентированных на обслуживание в большей степени финских туристов, в меньшей на российских путешественников, направлявшихся / возвращавшихся с сопредельной Финляндии, с закрытием государственной российско-финляндской границы, столкнулся со значительными логистическими, организационными и, в конечном итоге, с финансовыми трудностями. Преодоление последних потребовало полной переориентации специфики компаний на выработку новых туристских предложений, поиск новых ниш, порой смену деятельности, приведя в ряде случаев к закрытию организаций.

Ситуация Костомукшского муниципального округа в сфере туризма усугубляется его достаточной удаленностью как от столичных городов (Петрозаводска, Москвы, Санкт-Петербурга), так от основных транспортных магистралей Республики Карелия (табл.). В отличие от развитого в карело-финском приграничье туристского центра г. Сортавала, сохраняющего выгодное автомобильное и железнодорожное сообщение с центральными городами страны и столицей региона и имеющего уникальный туристско-рекреационный потенциал национального и международного уровня, г. Костомукша находится в значительно более худшем положении.

**Транспортное сообщение между туристскими центрами
карело-финского приграничья и столичными городами**

Город	Железнодорожное сообщение, время в пути (дни курирования поезда туда и обратно)		
	Москва	Санкт-Петербург	Петрозаводск
Костомукша	Прямого сообщения нет	Около 16 ч, 1 поезд 2 раза в неделю	12—14 ч, 1 поезд 2 раза в неделю
Сортавала	12—14 ч, 1 поезд ежедневно	4—6 ч, несколько поездов ежедневно	4—6 ч, несколько поездов ежедневно, 5 ч 23 мин, 1 поезд ежедневно
<i>Расстояние по трассе</i>			
Костомукша	1491 км	891 км	495 км
Сортавала	972 км	270 км	246 км
<i>Автобусное сообщение</i>			
Костомукша	Прямого сообщения нет	Прямого сообщения нет	6 ч 30 мин — 9 ч, ежедневно
Сортавала	Прямого сообщения нет	5—6 ч, ежедневно	4—6 ч, ежедневно

По состоянию на 1 января 2024 г. в Костомукшском городском округе проживали 26,5 тыс. чел. что составляло 5,1 % от общей численности населения Республики Карелия¹. Однако следует подчеркнуть, что в отличие от большинства муниципалитетов региона демографическая ситуация г. Костомукша на протяжении длительного периода является благоприятной.

Территория Костомукшского муниципального округа совместно с Калевальским национальным муниципальным районом с российской стороны до недавнего времени входила в состав Среднекарельского трансграничного микрорегиона второго порядка, обслуживающего через МАПП «Люття — Вартиус» (расстояние до города — 30 км) пятую часть трафика на карельском участке российско-финляндской государственной границы. Сопредельные страны связывали несколько трансграничных туристских маршрутов, например «Белая дорога» или «Кантеле Онтрея

¹ Муниципальные образования Республики Карелия за 2023 год, в 2 томах, 2024, *Статистический сборник*, Петрозаводск, т. 2, с. 9.

Малинена», созданных в рамках международных проектов приграничного сотрудничества. Большинство реализованных проектов в 1990—2022 гг. в Костомукшском городском округе было профинансировано в рамках Программы приграничного сотрудничества Европейского инструмента соседства и партнерства (2007—2013). Так, за 2001—2022 гг. организации округа были грантополучателями 13 международных проектов, а с учетом возможности участия еще и в качестве партнера число реализованных проектов значительно увеличивается.

По уровню развития туристской инфраструктуры (размещение, питание, досуг и отдых) Костомукшский муниципальный округ входит в топ-10 муниципалитетов Республики Карелия, среди арктических муниципалитетов уступая лишь Лоухскому муниципальному району. Высокие показатели инфраструктуры питания сформированы благодаря приграничному положению муниципалитета и бывшей некогда его ориентации на транзитного и/или шопинг-туриста; инфраструктуры досуга и отдыха — благодаря экологическим и этнокультурным потенциалам территории [28, с. 181].

Несмотря на сокращение туристского потока, притягательными туристскими аттракциями Костомукшского муниципального округа продолжают оставаться объекты экологического (государственный заповедник «Костомукшский» и часть национального парка «Калевальский») и культурно-познавательного туризма (рунопевческие деревни Вокнаволок, Аконлахти и др.). Так, заповедник характеризуется наличием одного из старейших на Северо-Западе северо-таежных лесных массивов, не затронутых деятельностью человека; национальный парк обладает крупнейшим массивом первобытных, мало затронутых хозяйством сосновых лесов с древостоями свыше 120 лет, занимающими более 80 % покрытой лесом площади [10, с. 378—395].

Специфика развития приграничья в период СССР со строгим пограничным режимом государственной границы позволила сохранить обширные массивы природных экосистем вдоль границ между странами социалистического и капиталистического блоков. «Зеленый пояс Фенноскандии» — уникальный экологический каркас территории с ценными рекреационными объектами, перспективными для развития туризма, не имеет аналогов в других приграничных регионах России. Благодаря международным проектам вдоль карельской части границы удалось сформировать систему особо охраняемых природных территорий федерального и регионального подчинения общей площадью около $\frac{1}{3}$ млн га, из которых более 80 % — на российской стороне [29].

В настоящее время с целью развития туризма в заповеднике «Костомукшский» функционирует Визит-центр, открытый в рамках международных проектов, проложены одно- и многодневные экологические турмаршруты (7 пеших и 2 водных); в национальном парке имеется инфраструктура размещения и проложены однодневные экологические турмаршруты (2 пеших и 1 водный). Следует подчеркнуть, что природная тропа «Удивительное рядом», расположенная в самом городе, пользуется огромной популярностью у горожан и гостей города: в 2023 г. ее посетили более 23 тыс. чел. [30], в 2024 г., по словам директора, — около 26 тыс.

До закрытия пунктов пропуска на государственной границе популярностью пользовались международные музыкальные фестивали (например, камерного искусства, рок-фестиваль «Nordsession», международный фестиваль финно-угорской культуры «Кантелетар»), а также шопинг-туры (МАПП «Люття — Вартиус»), как организованные, так и самостоятельно проведенные карельскими и финскими жителями в сопредельной стране.

В специальном репортаже журналисты телеканала «Россия24», посвященном жизни Костомукши — города на границе, раскрывают некоторые опасения экс-

пертов сферы туризма. Так, согласно Ольге Лехтинен, руководителя туркомпании, туристская сфера «теряет очень многое», «для нас финский турист и другой европейский турист, которого мы мечтали получить через Финляндию и финских партнеров... для нас это, если не сказать катастрофически, то очень ощутимо». Аналогичные опасения высказывает и Леонид Гундырев, руководитель компании пассажирских перевозок: туризм «не выживет без финских туристов, поскольку из-за транспортной недоступности в эти места доезжают немногие». Высокую зависимость туристского бизнеса Костомукши от финских туристов подтверждает и Николай Салакка, руководитель гостиничного комплекса: «Восемьдесят процентов отдыхающих были из Финляндии», компания «ежедневно принимала 11 автобусов с финскими туристами»¹.

Эксперты как на фокус-группе, так и в интервью подтверждают, что вектор туризма в округе кардинально изменился, поэтому должны поменяться и направления работы. В качестве подтверждения можно привести слова одного из экспертов: «Раньше администрация была направлена на международные отношения. На развитие туризма внутри страны не смотрели. То есть теперь это направление новое. Нужно переориентироваться и смотреть на то, что мы можем развивать у себя в городе. Нужно действительно создать коррекционный совет. Нужно обновить рабочую программу по развитию туризма в городе Костомукше. Всем вместе».

Арктическая локализация округа: новые импульсы или ограничения?

Костомукшский муниципальный округ вошел в состав Карельской Арктики в 2020 г. (первые карельские муниципалитеты — в 2017 г.), что создает, с одной стороны, новые туристские импульсы с учетом высокого интереса к развитию арктического туризма, а с другой — высвечивает достаточно суровые природно-климатические условия территории.

Несмотря на отнесение муниципалитета к Карельской Арктике, экспертное сообщество достаточно сдержанно в оценке новых импульсов / перспектив развития арктического туризма, хотя вскользь обозначает некоторые «преимущества» муниципалитета в сравнении с южными территориями Республики Карелия. Эксперты указывают в большей степени на имеющийся туристско-рекреационный потенциал территории природного и антропогенного генезиса в фокусе развития уже существующих видов туризма (анализ видов туризма будет представлен ниже), выделяя экономический фактор туристского развития муниципалитета в качестве ключевого.

Например, в ответах на открытый вопрос «Как вы считаете, почему стоит развивать туризм на арктических территориях вашего муниципалитета?» указывается преимущественно экономический фактор и вызываемый туризмом мультипликативный эффект. В качестве примера можно привести слова одного из респондентов: «Туризм нам важен для развития экономики, чтобы здесь оставались денежные средства туристов. Очень важно использовать наше преимущество / преимущество — снег... 9 месяцев в году. Сейчас конец мая и снег еще лежит. Это как бренд территории. Костомукша — это точно Арктика». Также можно привести слова эксперта фокус-группы: «Арктическая Карелия совершенно иная, нежели Южная Карелия. Красоты здесь свои, но, к сожалению, в части туризма и инфраструктуры, доступности территория обделена. Здесь в первую очередь производство». К слову, сле-

¹ Федеральный канал показал, как живет приграничная Костомукша. Руна, 2022, Информационно-развлекательный проект издательского дома «Губерния», 23.06.2022, URL: <https://runaruna.ru/articles/38000-federalnij-kanal-pokazal-kak-zhivet-prigranichnaya-kostomuksha/> (дата обращения: 02.04.2025).

дует указать, что согласно заключению государственной экологической экспертизы «общий срок эксплуатации проектируемого карьера начиная с 2018 года составляет 35 лет»¹, что возлагает совершенно иной уровень ответственности на региональные и муниципальные власти за будущее приграничного арктического муниципалитета и обостряет проблематику поиска направлений будущего развития.

В ответе на другой открытый вопрос: «Как вы считаете, что побуждает к туризму на арктических территориях вашего муниципалитета? Чем привлекает данный туризм?» Арктика упоминалась вскользь, эксперты делали больший акцент на первозданности природы, тишине, покое. Так, в качестве примеров можно привести следующие слова респондентов: «Все едут за одним и тем же: за тишиной и за покоем, и у нас пока это есть... дикая нетронутость, она подкупает, конечно»; «первозданная природа»; «что касается Арктики, то эта тема возникла недавно... сама Арктика подразумевает холод и сложности... конечно, стоит и необходимо развивать арктический туризм... природа здесь чистая... в Костомукше прекрасно, что нет клещей и змей — это большой плюс». При этом эксперты принимают во внимание тот факт, что Костомукшский городской округ был включен в Арктику «по экономическим соображениям» и в отличие от раскрученного туристского бренда Карелии «у нас все только начинается».

При этом следует указать, что в Костомукше ежегодно организуются мероприятия, связанные с тематикой Арктики и туризма. В качестве примера можно привести Арктический снежный фестиваль «Тропами Метсолы», организуемый заповедником «Костомукшский» совместно с Администрацией Костомукшского муниципального округа и градообразующим предприятием «Карельский окатыш». В феврале 2025 г. состоялся девятый семейный фестиваль, объединяющий любителей зимних видов отдыха всех возрастов и спортсменов. Традиционными мероприятиями фестиваля, длящегося два дня, являются скандинавская ходьба (массовый старт), лыжные гонки классическим стилем, забег на снегоступах, соревнование по скоростной езде на финских санях, снегосамокатах, а также мероприятия для детей². Отнесение округа к Арктике послужило причиной переименования традиционного фестиваля на арктический лад. В качестве подтверждения можно указать слова эксперта фокус-группы: «Арктическая зона — это переформатирование взгляда. То есть раньше рассматривали всю Карелию, а теперь — и Арктическую зону. Мы сразу после того как сделали Арктическую зону, переименовали наш фестиваль в арктический фестиваль. И связан он с зимними видами туризма, спорта, любых активностей».

Вместе с тем из-за суровых природно-климатических условий округа: прохладного и облачного лета (теплый сезон длится три месяца с самым жарким месяцем июлем со средним температурным максимумом +20 °С и минимумом +10 °С) и снежной зимы³, можно утверждать, что погода оказывает существенное влияние

¹ Получено положительное заключение государственной экологической экспертизы по объекту Проект отработки запасов Центрального участка карьера Костомукшского месторождения железистых кварцитов (корректировка горно-транспортной части), 2025, Проектно-консалтинговая компания «СПб-Гипрошахт», URL: <https://spbgiopro.ru/news/stati/polucheno-polozhitelnoe-zaklyuchenie-gosudarstvennoy-ekologicheskoy-ekspertizy-po-obektu-proekt-otra/> (дата обращения: 02.04.2025).

² Арктический снежный фестиваль «Тропами Метсолы» снова открывает свои двери!, 2025, Официальный интернет-портал Республики Карелия, URL: <https://economy.gov.karelia.ru/search/?q=Тропами+Метсолы&how=r> (дата обращения: 02.04.2025).

³ Климат и средняя погода круглый год в Костомукша, 2025, *Weather Spark*, URL: <https://ru.weatherspark.com/y/96775/Обычная-погода-в-Костомукша-Россия-весь-год> (дата обращения: 31.03.2025).

на развития туристского бизнеса. Так, респонденты сетовали, что «очень сильно зависят от погоды. В том году [2024. — С. К.] у нас не было лета совсем: +10 и дождь. Все лето. Даже те туры, которые были забронированы, на 70 % отменялись. В работе это самый главный минус».

Туристский вектор города Костомукша: вызовы времени и чаяния экспертов

Ключевым вопросом туристского развития любой дестинации является ее туристско-рекреационный потенциал и возможности его полноценного использования с учетом принципов устойчивого развития и интересов местного сообщества. Следует обозначить единогласную экспертную позицию относительно низкого использования имеющегося потенциала территории Костомукшского муниципального округа в настоящее время в большей степени под влиянием вызовов современности и лидирующей роли транспортно-логистического фактора. Эксперты указывают: «На текущий момент потенциал низкий из-за отсутствия логистики. Костомукша находится на отшибе. Логистика... к нам надо ехать. Нет такого, что турист может по пути заехать и посмотреть что-то. Нет, к нам надо именно специально ехать, т. е. к нам надо целенаправленно ехать». Другой эксперт отмечает: «Во-первых, транспортная составляющая — самая главная. Информационная составляющая, если учитывать, что мы находимся в таком “медвежьем углу”, где дальше нас только Финляндия. К нам невозможно проехать транзитом. Только целенаправленно к нам, поэтому 99 % туристов не доезжают до нас. Они остаются в Южной Карелии: Сортавала, Петрозаводск — еще и из-за информационной составляющей. О Южной Карелии много рекламы, у нас ее нет. И я понимаю, почему ее нет, потому что нет достаточного числа турпродуктов, который мы можем предложить. Завать можно, приедут, а что делать с ними — мы не знаем».

Исследование кроме обозначенного транспортно-логистического ограничения выявило еще несколько факторов, сковывающих развитие туризма: маркетинговая составляющая, недостаток туристских предложений. Ожидания экспертов связаны в первую очередь с улучшением транспортной инфраструктуры (открытие аэропорта к 2027 г., рост числа поездов, рейсов и повышение качества автобусного сообщения).

Среди предложенных экспертами (в интервью) 17 видов туризма в качестве преобладающих на территории Костомукшского городского округа были выбраны семь: экологический (80 % от числа экспертов); активный (80 %); культурно-познавательный (80 %); семейный (40 %). Кроме того, каждый пятый эксперт указал событийный, деловой и сельский виды туризма. Следует подчеркнуть лидирующие позиции природоориентированных видов туризма.

Несмотря на то что основу культурно-познавательного туризма составляют «д. Вокнаволоок с хорошо сохранившимися карельским бытом и жизненным укладом вместе с близлежащими небольшими деревнями — Поньгогубой, Суднозером, Ладвозером, Толлорекой, вписанными в живописные водно-лесные ландшафты»¹, выделенные экспертами такие виды туризма, как активный, событийный, культурно-познавательный, базируются не только на уникальном туристско-рекреационном потенциале территории, но и на принципах рационального природополь-

¹ Стратегия социально-экономического развития муниципального образования «Костомукшский городской округ» до 2030 г. Решение Совета Костомукшского гор. округа от 26.03.2020 г. № 457-СО/III, 2020, *Костомукшский муниципальный округ*, с. 69—70, URL: <https://www.kostomuksha-city.ru/strategiya-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-munitsipalno-go-obrazovaniya-kostomukshskij-gorodskoj-okrug-do-2030-goda> (дата обращения: 02.04.2025).

зования. Так, организуемый с 1993 г. заповедником «Костомукшский» праздник Петрунпяйва, или День святых апостолов Петра и Павла, престольный праздник д. Аконлахти, является, по словам директора заповедника, «посильным вкладом заповедника в сохранение и возрождение культуры коренных жителей края» [13, с. 23]. Впервые деревня упоминается в летописях 1679 г., позднее здесь Элиас Лённрот записывал песни и руны, положенные в основу всемирно известного эпоса «Калевала». Поскольку праздник проходит в пограничной зоне, участие в мероприятии возможно только при условии оформления разрешения заранее¹. Кроме того, чтобы побывать в д. Аконлахти (вошла в состав заповедника «Костомукшский» в 1983 г.), «нужно воспользоваться экологическим водным маршрутом заповедника “По рунопевческим местам и старым поселениям озера Каменного”» [13, с. 22].

К развивающимся в округе видам активного туризма относится водный туризм в виде летних сплавов по порожистым рекам, организуемых местными компаниями, и лыжных фестивалей, объединяющих семьи зимой на площадке заповедника «Костомукшский». Активная организация различных спортивных мероприятий и существующая в округе инфраструктура подкрепляют мнение респондентов о перспективах развития спортивного туризма. Так, в сентябре 2024 г. в городе открыли физкультурно-оздоровительный комплекс (национальный проект «Демография») круглогодичного использования. Чаяния экспертного сообщества возлагаются на планируемое строительство крытого ледового катка и лыжно-биатлонного комплекса, а также воплощение идеи «рукотворного природного горного комплекса». Пока эксперты сожалеют, что «мы в отличие от Финляндии, курорта Вуокатти, где есть искусственные холмы, а не только естественные, не используем вскрышную породу комбината для возможного горнолыжного курорта».

Обобщая экспертное мнение относительно уникальности города, обусловленной спецификой его локализации и строительством финнами (1983), можно резюмировать: «Костомукша — это город-лес». Эта уникальность хорошо коррелирует с «важнейшими особенностями Костомукши, транслируемыми в СМИ и социальных сетях», где «в качестве предмета гордости выступает окружающая природа... а наличие крупного горнодобывающего производства не воспринимается как наносящее вред экологии местности» [4, с. 16]. В качестве подтверждения можно привести слова Александры Басовой, заведующей музеем Костомукши: «Финские проектировщики уникальным образом вписали Костомукшу в ландшафт: получился то ли город в лесу, то ли лес в городе». Она поясняет это примером: «Можешь выйти из дома, панельного девятиэтажного дома, войти в лес и набрать ягод»².

По состоянию на 2022 г. доминирующей долей туристов на территории Костомукшского городского округа (85 %, самый высокий процент среди приграничных муниципалитетов в Республике Карелия) были неорганизованные туристы. Согласно данным экспертного сообщества, объем въездного потока туристов и экскурсантов в округ составлял около 25 тыс. чел. Высокая доля неорганизованных туристов до сих пор остается острым вопросом на уровне как администрации муниципалитета, особо охраняемых природных территорий, так и организаций, работающих в сфере туризма. В качестве одной из причин сложившейся диспропорции респонденты указывают отсутствие туроператоров, а также выездной характер

¹ Петрунпяйва, 2025, *Официальный сайт Объединенной дирекции заповедника «Костомукшский» и национального парка «Калевальский»*, URL: <https://kostzap.ru/saints-day> (дата обращения: 31.03.2025).

² Федеральный канал показал, как живет приграничная Костомукша, 2022, *Руна, информационно-развлекательный проект издательского дома «Губерния»*, 23.06.2022, URL: <https://runaruna.ru/articles/38000-federalnij-kanal-pokazal-kak-zhivet-prigranichnaya-kostomuksha/> (дата обращения: 02.04.2025).

предложений имеющихся турагентов (туры за рубеж или по России). Сетования экспертов понятны: «Нет местного туроператора. Раньше у нас был туроператор. Сейчас сюда в основном комплексно туристов везет петрозаводская компания, довозит, и они уже здесь пытаются что-то, как-то собрать, соединить, слепить».

Описывая изменение ситуации на рынке туризма в муниципалитете, эксперты отмечают резкое сокращение туристского потока и изменение его структуры с доминирования иностранных туристов (70 %) на обслуживание исключительно российских туристов. Так, респонденты указывают, что «туристов стало меньше в разы, потому как до COVID-19 Костомукша был открытым городом и ее использовали как транзит в Финляндию и из нее в другие регионы Карелии и России. Стояла очередь, которую занимали, был большой поток». С целью какой-то компенсации спада турпотока значительный упор сейчас делается на развитие школьного туризма (автобус / поезд) из карельских городов в рамках учебных дисциплин и/или дополнительных программ. Эксперты сходятся во мнении, что «надо развивать школьные туры, однодневные программы, совмещать их с образованием. В одном маршруте может быть и урок географии, и истории. Могут и на “Карельский окатыш” подъехать, посмотреть какую-то профессию для себя». Кроме того, эксперты указывают на наличие «закона Республики Карелии об образовании в рамках субвенций на образование, в рамках которого можно финансировать такие мероприятия». Вторым неохваченным направлением, выделяемым экспертами, являются командировочные, проживающие в коллективных средствах размещения иногда по несколько месяцев.

Памятуя об успешном опыте работы в международной проектной деятельности, экспертное сообщество Костомукши надеется на продолжение грантовой поддержки уже из других источников: федеральных и/или региональных властей, различных фондов. Эксперты указывают на активизацию грантовой поддержки, «чем мы (организации муниципалитета. — С. К.) активно пользуемся и что скоро должно заработать». Так, благодаря национальному проекту «Туризм и индустрия гостеприимства» в г. Костомукша в мае 2023 г. открылся кемпинг «Изумрудный город» с веревочным парком развлечений «Долина Ло»¹. Ранее в 2022 г. из регионального бюджета гостевому дому «Котиранта» была выделена трехмиллионная субсидия на реализацию туристического проекта в этностиле для проведения этнокультурных мероприятий с возможностью размещения².

По мнению экспертов, арктическая локация открывает новые возможности для развития территории: «Арктическая зона дала новые экономические возможности. Появились новые проекты, возможность нового финансирования». Так, в сентябре 2023 г. предприниматель Ольга Лехтинен получила федеральное финансирование в объеме 37 млн руб. на создание модульных некапитальных средств размещения, которые запланированы к возведению на территории туристического комплекса «Котиранта». Предприниматель поясняет, что «мы заинтересованы в повышении привлекательности арктических регионов для туристов. Хочется, чтобы на север приезжали люди, чтобы наш край развивался, как это происходит сейчас в

¹ Благодаря господдержке в Костомукше работает новый кемпинг с веревочным парком развлечений, 2023, *Карелия Официальная*, 12.12.2023, URL: <https://economy.gov.karelia.ru/news/12-12-2023-blagodarya-gospodderzhke-v-kostomukshe-rabotaet-novyuy-kemping-s-verevochnym-parkom-razvlecheniy/> (дата обращения: 31.03.2025).

² Kotiranta получил грант, 2022, *64 параллель онлайн*, 04.08.2022, URL: <https://64parallel.ru/novosti/kotiranta-poluchil-grant/> (дата обращения: 02.04.2025).

Приладожье (Южная Карелия с центром в г. Сортавала. — С. К.). При возведении объектов будем руководствоваться современными технологиями модульного домостроения, а также использовать природные строительные материалы Карелии»¹.

Муниципалитет также участвует в реализации межмуниципальных проектов, поддержанных Фондом грантов главы Республики Карелия. Так, реализованный в 2022 г. грант «Карелия рукотворная: новые возможности ремесел в региональном туризме» (около 2 млн руб.) был ориентирован на создание условий развития ремесленного сектора, основанного на культурном наследии региона, путем выстраивания полноценного взаимодействия между ремесленниками, этнокультурными центрами, туристскими компаниями и органами местного самоуправления².

Еще одним вызовом муниципалитета является нескоординированность работы организаций сферы туризма между собой, отсутствие маркетингового продвижения турпродуктов за пределами Костомукшского муниципального округа в Республике Карелия и в России (в самом городе есть несколько информационных щитов, установленных в рамках международных проектов), недостаток туристского предложения. Эксперты указывают, что развитие туризма в городе «сдерживает отсутствие информации... есть очень интересная информация, и ее можно научить представлять не в научном плане, а в просветительском, интересном и захватывающим. Если будет такая информация в виде буклета, то каждый предприниматель, который занимается туризмом, сможет сделать серию экскурсий и проводить экскурсии в этих местах». Усилить проблематику можно словами другого эксперта: «Нет такой единой точки сбора туристических возможностей. У нас не то что приезжему туристу сложно сориентироваться что и где, мы сами не знаем, что есть». Несколько резюмируя работу фокус-группы, один из участников сказал: «Итак, какие имеются затруднения? Транспортная доступность, нехватка гостиниц, низкий сервис, отсутствие информационного продвижения и информации. А хватает ли объектов? Есть ли какие-то перспективы новых объектов?»

Вместе с тем, понимая заинтересованность туристов в местной карельской кухне, экспертное сообщество озадачивается вопросом рентабельности открытия специальных заведений вне проведения фестивалей (например, фестиваля ряпушки). «Но в остальные дни, когда нет фестивалей и такого количества туристов, которые хотят есть именно карельскую кухню, она не пользуется спросом. Обычный горожанин хочет суши и пиццу. Кафе нерентабельно, совершенно нерентабельно. У нас нет такого наплыва туристов. И даже потока желающих, которые бы обеспечили постоянный доход. Поэтому выбирают мастер-классы: три часа выделил, можешь заниматься другими направлениями... А кафе — это обслуживание, персонал, аренда, это совершенно другое направление».

Обеспокоенность также вызывают некоторые «упущенные возможности» округа. Так, памятуя о проводимом ежегодно в «Санкт-Петербурге фестивале “Земля Калевалы”, в котором принимают участие больше тридцати стран мира и к которому Карелия подключилась только на пятнадцатом фестивале, узнав, что такой фестиваль существует», эксперты сокрушаются: во-первых, четвертая экспедиция Элиаса Лённрота проходила именно в их городском округе; во-вторых, сейчас «нет ни единого материального значка»; в-третьих, «от года к году все меньше и мень-

¹ «Арктическая звезда» засияет в Костомукше, 2023, 64 параллель онлайн, 20.09.2023, URL: <https://64parallel.ru/novosti/arkticheskaya-zvezda-zasiyaet-v-kostomukshe> (дата обращения: 02.04.2025).

² Карелия рукотворная: новые возможности ремесел в региональном туризме. Официальный сайт Фонда грантов Главы Республики Карелия, URL: <https://xn--80akjfh2a2i.xn--80af5akm8c.xn--p1ai/public/application/item?id=6fe1c9bc-adfe-468f-be9f-7a087c9ef657> (дата обращения: 02.04.2025).

ше людей про Элиаса Лённрота помнят». Для активизации собственных ресурсов прозвучало предложение к друг другу подготовиться к празднованию 190-летия выхода первого сборника «Эпоса Калевала». Также из позитивных моментов можно указать активизацию работы по разработке новых интерактивных маршрутов, ориентированных на российских туристов, как взрослых, так и школьников (например, иммерсивная экскурсия по городу «Привет, Костомукша»).

В завершение стоит указать, что достаточно наглядными представляются предложенные экспертами фокус-группы прилагательные, которые в наибольшей степени характеризуют современный туризм в Костомукшском муниципальном округе (каждому эксперту в конце фокус-группы было предложено написать три прилагательных). В основном указанные экспертами прилагательные отражают позитивные характеристики, связанные с возможностями развития туристской сферы деятельности (распределено автором по блокам):

- 1) вид туризма: дикий (4 ответа), перезагрузочный, событийный, культурный, познавательный, разнообразный;
- 2) перспективы: перспективный (3 ответа), многообещающий;
- 3) состояние: развивающийся, реальный;
- 4) эмоциональные характеристики: восторженный, красивый, прекрасный, очаровывающий, любимый;
- 5) организация: неорганизованный (2), стихийный;
- 6) негативные характеристики: суровый, недостойный, нелегальный;
- 7) стоимостные характеристики: дорогой.

Внимания заслуживает четырежды указанное прилагательное «дикий» (некий аналог экологического туризма), вмещающее в себя именно положительную характеристику Костомукшского муниципального округа как заповедной территории, по большей мере не охваченной жизнедеятельностью человека. Данное пояснение исходит из работы фокус-группы и испытываемой экспертным сообществом гордости за девственную сохранность («дикость») природы округа. Также с этим прилагательным связана характеристика «перезагрузочный», символизирующая возможности информационного детокса для жителей крупных городов в условиях заповедной природы (термин «информационный детокс» неоднократно употреблялся экспертным сообществом как сильная сторона развития туризма в муниципалитете).

Эксперты сходятся в описании среднестатистического туриста: семейные пары (около 40 лет) с детьми 10–15 лет, из столичных городов, организующие свой отдых самостоятельно и приобретающие отдельные интересные им услуги у местных компаний.

Обобщая мнение экспертного сообщества относительно основных ограничений развития туризма в Костомукшском муниципальном округе, можно выделить следующие:

- инфраструктурные, объединяющие транспортно-логистические ограничения, ограничения инфраструктуры размещения и питания;
- сезонность туристского бизнеса;
- маркетинговые: низкий уровень продвижения туристско-рекреационного потенциала и турпродуктов в сети Интернет;
- кадровые;
- экономические, преодоление которых возможно при активном и эффективном участии муниципалитета в федеральных и региональных проектах и программах для привлечения финансирования на территорию округа, а также локального бизнеса и некоммерческого сектора;
- природоохранные, включающие требования законодательства по охране окружающей среды и связанные с посещением определенных территорий (получе-

ние разрешений, особенно для иностранных граждан); длительность согласования строительства новых объектов, маршрутов и пр.; трудности прокладки «снегоходных маршрутов: надо договариваться с арендаторами земли, получить разрешение, чтобы зимой переехать по льду речку... нужны специальные знаки» и пр.;

— экологические риски.

Экологическая проблематика проходила красной нитью как в работе фокус-группы, так и в интервью респондентов. В первую очередь эксперты обеспокоены уровнем экологической культуры в большей степени локального населения, нежели приезжающих туристов. Эксперты поясняют, что «главный мусор не от байдарочников, а от тех, которые выезжают на шашлыки. Но это, скорее всего, относится к местным. Еще вандализм». Кроме того, их беспокоит вызывает неконтролируемый туристский поток, который может негативно сказаться на северной природе. Так, можно привести слова эксперта фокус-группы: «Северная природа очень трудно восстанавливается, очень долго восстанавливается, и это нужно иметь ввиду при прокладке маршрутов. Есть ограничения по численности человек в группе». Или слова другого эксперта: «Там, где много туристов, именно диких, все вытаптывается под ноль. Нарушается естественный покров. Поэтому стоянки должны быть организованными. Какие-то дорожки, туалеты». Таким образом, выявляется высокий уровень ответственности экспертного сообщества в сохранении хрупких экосистем и поддержке принципов рационального природопользования.

Таким образом, несмотря на то, что значительная часть организаций, принявших участие в работе фокус-группы, на протяжении длительного периода времени является или являлась ключевыми игроками развития туристского бизнеса в Костомукшском муниципальном округе, выявлен недостаток сетевого взаимодействия как по вертикали, так и по горизонтали. Так, ряд экспертов впервые лично познакомились друг с другом на площадке Международного Баренц бизнес-центра г. Костомукша в рамках организованной автором фокус-группы. Недостаток взаимодействия по горизонтали может объясняться до недавнего времени имевшейся высокой востребованностью трансграничных туристских услуг, когда кооперация с другими организациями не очень требовалась. Во взаимодействии «власть — бизнес — общество» выявлено, что часть организаций имеет плодотворное сотрудничество с профильными комитетами администрации, у другой части это пока только желанная цель.

Заключение

Подводя итог вышеизложенному, можно констатировать, что приграничный, арктический муниципалитет Костомукшский муниципальный округ столкнулся с серьезными вызовами времени и это кардинально изменило сложившийся успешный туристский тренд развития территории. В первую очередь нужно обозначить преобразование округа из центра приграничного сотрудничества и трансграничного туризма в карело-финском приграничье в периферийный населенный пункт, который находится в активных поисках новых путей развития туристской дестинации. С учетом ограниченности запасов железистых кварцитов и некоторой устарелости стратегических документов по ряду возможностей / перспектив развития проблема поиска новых направлений в ограниченное время (около 35 лет) еще больше обостряется. При этом появление нового арктического вектора в фокусе туристского освоения территории воспринимается экспертами достаточно сдержанно, в большей степени как возможность создания нового бренда и появления финансовой перспективы. Специфика муниципалитета, особо охраняемые территории которого покрывают треть площади, во многом определяет характер раз-

вития туристского бизнеса и отдыха местного населения. Исследование выявило, что большинство развиваемых в Костомукшском муниципальном округе видов туризма являются природоориентированными, что относится не только к экологическому виду туризма, но и к активному, культурно-познавательному, событийному, семейному и пр.

С учетом достаточно широкого спектра ограничений туристского развития приграничного арктического муниципалитета, обусловленных как спецификой развития дестинации, так и влиянием вызовов современности, в качестве наиболее эффективных рекомендаций по их преодолению представляются следующие.

1. Современные реалии требуют переориентации костомукшского туризма с международного (приграничного, транзитного) на внутренний с вниманием к ранее не рассматриваемым группам потенциальных посетителей (школьники, командировочные граждане). Работа с указанными целевыми группами может способствовать преодолению фактора сезонности.

2. Вследствие специфики локализации в Арктике, устойчивого зимнего покрова, обеспеченности и дальнейшего развития спортивно-туристской инфраструктуры для зимних видов туризма, а также успешного опыта организации событийных мероприятий в округе одним из перспективных туристских направлений может быть зимний туризм и сопутствующие ему виды услуг.

3. Большое значение для эффективного туристского развития Костомукшского муниципального округа имеет тесная связь с наукой. Проведение тщательных географических и этнографических исследований Костомукши и ее окрестностей позволит выявить неповторимые особенности территории, раскрыть уникальность места (причины, по которым именно сюда нужно обязательно приехать), что, свою очередь, позволит сформировать новые туристские предложения и расширит возможности привлечения туристского потока как из региона (жители Республики Карелия), так и из-за его пределов (российские и иностранные туристы и посетители).

В завершение необходимо подчеркнуть, что вызовы современности заставляют сегменты триады «власть — бизнес — общество» по-новому взглянуть на возможности развития в призме выгоды кооперации и взаимодействия в сфере туризма на благо социально-экономического развития Костомукшского муниципального округа. К сожалению, в муниципалитете наблюдается некоторая фрагментарность взаимодействия, приводящая к отсутствию комплексного подхода к развитию туристской сферы. И если в прежних условиях такая структура, возможно, себя экономически оправдывала, то в современных реалиях требуется развитие сетевого взаимодействия коммерческих и некоммерческих организаций сферы туризма, а помощь в его налаживании может оказать формирование туристского совета при администрации округа. Встречи на регулярной основе представителей триады позволят создать более полное представление об имеющихся проблемах развития сферы туризма, выявить ключевые направления приложения совместных усилий, сгенерировать новые туристские инициативы, усилить заявки на получение государственных субсидий и грантов различных фондов. Принимая во внимание уникальность деятельности коммерческих и некоммерческих компаний, оказывающих услуги в сфере туризма, можно утверждать, что Костомукшскому муниципальному округу в большей степени требуется сотру-

Исследование выполнено при финансовой поддержке проекта Российского научного фонда № 24-28-00092 «Развитие внутреннего и международного въездного туризма в российской Арктике с учетом интересов местного сообщества и подходов неистощительного природопользования» (<https://rscf.ru/project/24-28-00092/>).

Список литературы

1. Симакова, А. В., Волков, А. Д., Тишков, С. В. 2023, Экологические и социальные аспекты деятельности градообразующего предприятия в арктическом моногороде (на примере Костомукши), *Вестник Московского университета. Сер: 6. Экономика*, т. 58, № 6, с. 149—169, EDN: ZNXLHG, <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-58-6-9>
2. Мулькова, Е. А., Акулова, О. В. 2022, Современные проблемы моногородов, *Вектор экономики*, № 11, EDN: OCOJUG
3. Дружинин, П. В., Козырева, Г. Б., Колесников, Н. Г., Морозова, Т. В., Толстогузов, О. В., Шишкин, А. А., Шишкин, А. И. 2018, Влияние приграничного положения на экономику регионов, в: Толстогузова, О. В. (ред.), *Приграничная периферия России: геоэкономика, коммуникации, стратегия*, Петрозаводск, КарНЦ РАН, с. 79—96, URL: <http://www.krc.karelia.ru/publ.php?id=18379&plang=r> (дата обращения: 11.03.2025).
4. Джиошвили, Э. А., Кривоноженко, А. Ф., Литвин, Ю. В., Яловицына, С. Э. 2023, Историко-культурные традиции и идентичность жителей моногородов «Карельской Арктики»: Сегежа и Костомукша, *Вестник антропологии*, № 3, с. 7—25, EDN: LRXNLY, <https://doi.org/10.33876/2311-0546/2023-3/7-25>
5. Смолева, Е. О., Косыгина, К. Е. 2024, Развитие малых городов: от индивидуальных траекторий к стратегическому планированию, *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*, т. 17, № 5, с. 169—183, EDN: IWUEET, <https://doi.org/10.15838/esc.2024.5.95.9>
6. Громов, В. В., Жирнель, Е. В., Козырев, В. В., Коткин, Е. Е., Савельев, Ю. В., Толстогузов, О. В., Шишкин, А. А., Шишкин, А. И. 2008, *Управление развитием туризма в регионе. Опыт реализации Стратегии Республики Карелия*, Петрозаводск, Карельский научный центр РАН, с. 227, URL: <http://elibrary.krc.karelia.ru/261/> (дата обращения: 06.03.2025).
7. Vasilieva, A. V., Volkov, A. D., Karginova-Gubinova, V. V., Tishkov, S. V. 2022, Opportunities of development of eco-tourism in the Karelian Arctic in the conditions of the existing environmental and social challenges, *Journal of Risk and Financial Management*, vol. 15, № 10, p. 1—19, EDN: VEJPLS, <https://doi.org/10.3390/jrfm15100484>
8. Громцев, А. Н., Петров, Н. В., Левина, М. С. 2021, Ландшафтно-экологические особенности и природоохранное значение лесов Заповедника «Костомукшский» и Национального парка «Калевальский» (краткий обзор результатов исследований), *Труды Карельского научного центра Российской академии наук*, № 1, с. 28—40, EDN: JHLODR, <https://doi.org/10.17076/bg1275>
9. Плотникова, В. С., Васильева, А. В. 2019, Рекреационная емкость как организационно-экономический инструмент развития экологического туризма на особо охраняемой природной территории, *Экономические отношения*, т. 9, № 3, с. 2191—2202, EDN: JFZLFY, <https://doi.org/10.18334/eo.9.3.40950>
10. *Особо охраняемые природные территории Республики Карелия*, 2017, Петрозаводск, с. 432.
11. Севастьянов, Д. В., Коростелев, Е. М., Мулява, О. Д., Шитова, Л. Ф., Колпаерт, А., Лахтинмяки, М. 2013, Приграничное рекреационное природопользование в Северо-Западном регионе РФ как фактор устойчивого территориального развития, *Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер: 7. Геология. География*, № 2, с. 119—128, EDN: QCIAXX
12. Иванов, И. А., Манаков, А. Г., Теренина, Н. К. 2024, Пространственные аспекты развития этноконтактной зоны в Карелии, *Арктика и Север*, № 55, с. 116—129, EDN: CAGDEP, <https://doi.org/10.37482/issn22212698.2024.55.116>
13. Бронзова, А. А. 2023, Храним наследие карел, *Мордовский заповедник*, № 24, с. 22—23, EDN: ZAKQQS
14. Литвин, Ю. В., Яловицына, С. Э. 2019, Образы «свой — чужой» в глубинных интервью с карелами и переселенцами в Карелию, *Журнал социологии и социальной антропологии*, т. 22, № 2, с. 147—172, EDN: UPOZUQ, <https://doi.org/10.31119/jssa.2019.22.2.6>
15. Питухина, М. А., Толстогузов, О. В. 2018, Устойчивость структуры социокультурного пространства к вызовам, в: Толстогузов, О. В. (ред.), *Приграничная периферия России: геоэкономика, коммуникации, стратегия*, Петрозаводск, КарНЦ РАН, 241 с., с. 168—179, EDN: ZDZIWD, URL: <chrome-extension://efaidnbmnnnibpcapcgpcglclefindmkaj/http://openbudget-rf.ru/doc/3638/> (дата обращения: 06.03.2025).

16. Волков, А. Д., Симакова, А. В. 2022, Арктический моногород: восприятие населением своего будущего в перспективах его развития, *Регионоведение*, т. 30, № 4, с. 851—881, EDN: EXWOGQ, <https://doi.org/10.15507/2413-1407.121.030.202204.851-881>
17. Кондратьева, С. В. 2022, Трансграничная туристская мобильность в жизни местного населения карельского приграничья: ограничения пандемии COVID-19, *Балтийский регион*, т. 14, № 4, с. 79—97, EDN: PTMKYF, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-4-5>
18. Zimin, D., Kotilainen, J., Prokhorova, E. 2013, Company towns on the border. The post-Soviet transformation of Svetlogorsk and Kostomuksh, in: Eskelinen, H., Liikanen, I., Scott, J. W. (eds.), *The EU-Russia borderland. New context for regional cooperation*, Routledge, London, p. 151—166.
19. Eskelinen, H., Oksa, J., Austin, D. (ed.). 1994, *Russian Karelia in search of a new role*, Joensuu, Karelian institute, University of Joensuu.
20. Иванов, И. А. 2024, Туристский поток и средства размещения в муниципальных образованиях СЗФО в 2021—2023 годах, *Туризм и региональное развитие*, № 1, с. 44—51, EDN: MRMDVA
21. Степанова, С. В. 2019, Развитие туризма в приграничье: преимущества или ограничения? (Карельская практика), *Балтийский регион*, т. 11, № 2, с. 94—111, EDN: RFQUCB, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2019-2-6>
22. Ivanov, I. A., Vasilyeva, T. V., Krasilnikova, I. N., Manakov, A. G. 2023, Domestic Tourism in Municipalities of the Northwestern Federal District: Statistical Assessments and Impact of the COVID-19 Pandemic, *Regional Research of Russia*, № 13, p. 419—427, EDN: AOAGBE, <https://doi.org/10.1134/S2079970523700879>
23. Манаков, А. Г., Голомидова, Е. С., Иванов, И. А. 2019, Оценка величины туристского потока в пределах трансграничных туристско-рекреационных регионов на северо-западном побережье России, *Известия Русского географического общества*, т. 151, № 5, с. 18—31, EDN: SVBUPV, <https://doi.org/10.31857/S0869-6071151518-31>
24. Makkonen, T., Williams, A., Weidenfeld, A., Kaisto, V. 2018, Cross-border knowledge transfer and innovation in the European neighbourhood: tourism cooperation at the Finnish-Russian border, *Tourism management*, vol. 68, p. 140—151, EDN: YGZYXJ, <https://doi.org/10.1016/j.tourman.2018.03.008>
25. Suvorova, I. M., Skoropadskaya, A. A. 2019, Media myths about the Karelian border-zone and reality: a cultural approach, *Proceedings of the International Scientific and Practical Conference on Digital Economy (ISCDE 2019)*, Series: Advances in Economics, Business and Management Research, p. 569—573, EDN: SVJSWN, <https://doi.org/10.2991/iscde-19.2019.169>
26. Фомин, А. А., Федорова, Е. В. 2024, Город Косыгина, опыт разработки туристского мифа, *Сервису и туризму — инновационное развитие, Материалы XIV Всероссийской научно-практической конференции. Санкт-Петербург*, с. 169—175, EDN: UQXOWK
27. Гомельчук, Т. Д. 2024, Осведомленность и отношение жителей Костомукши к психологической помощи и ее доступности, *StudArctic Forum*, т. 9, № 4, с. 98—103, EDN: NUKBQP
28. Питухина, М. А., Бельх, А. Д. 2023, Экологические проблемы моногородов российской Арктики в оценках населения, *Арктика: экология и экономика*, т. 13, № 4, с. 590—600, EDN: XKJEFB, <https://doi.org/10.25283/2223-4594-2023-4-590-600>
29. Кондратьева, С. В. 2022, Туристский вектор развития Карельской Арктики, *Арктика и Север*, № 49, с. 174—192, EDN: HFSQOE, <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2022.49.174>
30. Громцев, А. Н. (ред.). 2024, *Государственный доклад о состоянии окружающей среды Республики Карелия в 2023 году*, Петрозаводск, 278 с., URL: <http://economy.krc.karelia.ru/publ.php?id=22877&plang=r> (дата обращения: 06.03.2025).

Об авторе

Светлана Викторовна Кондратьева, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт экономики, Карельский научный центр РАН, Россия.

<https://orcid.org/0000-0001-8832-9182>

E-mail: svkorka@mail.ru

KOSTOMUKSHA AT A TOURIST CROSSROADS: EXPERT PERSPECTIVES FROM AN ARCTIC BORDER CITY

S. V. Kondrateva

Institute of Economics Karelian Research Centre
Russian Academy of Sciences,
50 A. Nevskogo St., Petrozavodsk,
Republic of Karelia, 185030, Russia

Received 03 April 2025
Accepted 15 July 2025
doi: 10.5922/2079-8555-2025-3-8
© Kondrateva, S. V., 2025

The study examines the challenges and prospects of tourism development in the Arctic city of Kostomuksha, located in the Karelian—Finnish borderland. Founded in the late 20th century as a model of Russian—Finnish cooperation, Kostomuksha is now seeking new development paths in the 21st century, following the cessation of cross-border mobility and cooperation. Given the depletion of natural resources, the municipality faces acute pressure to identify alternative development strategies, including a reorientation of its tourism sector. This study aims to identify promising directions for tourism development in Kostomuksha under the new conditions, drawing on data from a sociological survey of the expert community. The analysis is based on materials collected through a focus group and a series of semi-structured interviews conducted by the author in May 2024 with senior officials and key specialists from state, commercial, and non-profit organisations involved in the district's tourism sector. The findings highlight the main constraints on tourism development in the Kostomuksha urban district: economic limitations, infrastructural deficiencies, shortage of qualified personnel, weak marketing, environmental restrictions, and the pronounced seasonality of the tourism industry. Despite these challenges, nature-based tourism is identified as the priority direction, encompassing not only ecological but also active, cultural-educational, and event-related forms of tourism. The inclusion of Kostomuksha in the Arctic zone is viewed as an important factor in adjusting the municipality's strategic priorities. Considering its geographic location, the availability of sports and tourism infrastructure for winter activities, and the successful experience of organising large-scale events, winter tourism appears to be one of the most promising areas for further development. The study also underscores the necessity of cooperation among government, business, and civil society in shaping sustainable tourism in the urban district.

Keywords:

Kostomuksha, tourism development, borderland, Arctic, nature-based tourism, expert community

This research was supported by the Russian Science Foundation, grant №24-28-00092 “Development of domestic and inbound tourism in the Arctic regions of the Russian Federation considering local interests and sustainable nature management” (<https://rscf.ru/project/24-28-00092/>).

References

1. Simakova, A. V., Volkov, A. D., Tishkov, S. V. 2023, Environmental and social aspects of a city-forming enterprise activity in arctic individual city (evidence of Kostomuksha), *Moscow University Economics Bulletin*, №6, p. 149—169, <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-58-6-9> (in Russ.).

2. Mylkova, E. A., Akulova, O. V. 2022, Modern problems of single-industry towns, *Vector of Economics*, № 11 (in Russ.).
3. Druzhinin, P. V., Kozyreva, G. B., Kolesnikov, N. G., Morozova, T. V., Tolstoguzov, O. V., Shishkin, A. A., Shishkin, A. I. 2018, Study of border positions in dangerous territories, in: Tolstoguzova, O. V. (ed.), *Border periphery of Russia: geoeconomics, communication, strategy*, Petrozavodsk, Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences, p. 79–96, URL: <http://www.krc.karelia.ru/publ.php?id=18379&plang=r> (accessed 11.03.2025) (in Russ.).
4. Dzhioshvili, E., Krivonozhenko, A., Litvin, Yu., Yalovitsyna, S. 2023, Cultural traditions and identity of single industry towns' residents in the "Karelian Arctic" region: Segezha and Kostomuksha, *Herald of Anthropology*, № 3, p. 7–25, <https://doi.org/10.33876/2311-0546/2023-3/7-25>
5. Smoleva, E. O., Kosygina, K. E. 2024, Development of small cities: from individual trajectories to strategic planning, *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, vol. 17, № 5, p. 169–183, <https://doi.org/10.15838/esc.2024.5.95.9>
6. Gromov, V. V., Zhirmel, E. V., Kozyrev, V. V., Kotkin, E. E., Savelyev, Yu. V., Tolstoguzov, O. V., Shishkin, A. A., Shishkin, A. I. 2008, *Management of tourism development in the region. Experience of implementing the Strategy of the Republic of Karelia*, Petrozavodsk, Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences, p. 227, URL: <http://elibrary.krc.karelia.ru/261/> (accessed 06.03.2025) (in Russ.).
7. Vasilieva, A. V., Volkov, A. D., Karginova-Gubinova, V. V., Tishkov, S. V. 2022, Opportunities of development of eco-tourism in the Karelian Arctic in the conditions of the existing environmental and social challenges, *Journal of Risk and Financial Management*, vol. 15, № 10, p. 1–19, <https://doi.org/10.3390/jrfm15100484>
8. Gromtsev, A. N., Petrov, N. V., Levina, M. S. 2021, Landscape-ecological characteristics and conservation value of forests in the Kostomukshsky strict nature reserve and Kalevalsky national park (a summary of research findings), *Proceedings of the Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, № 1, p. 28–40 (in Russ.), <https://doi.org/10.17076/bg1275>
9. Plotnikova, V. S., Vasileva, A. V. 2019, Recreational capacity as an organizational-economic instrument for the development of ecological tourism on protected areas, *Journal of International Economic Affairs*, vol. 9, № 3, p. 2191–2202, <https://doi.org/10.18334/eo.9.3.40950> (in Russ.).
10. *Specially protected natural areas of the Republic of Karelia*, 2017, Petrozavodsk, p. 432 (in Russ.).
11. Sevastyanov, D. V., Korostelev, E. M., Muliava, O. D., Chitova, L. F., Colpaert, A., Lahteenmaki, M. 2013, Transboundary recreational nature management of North-Western Russia as a factor in sustainable territory development, *Vestnik of Saint Petersburg University. Earth Sciences*, № 2, p. 119–128 (in Russ.).
12. Ivanov, I. A., Manakov, A. G., Terenina, N. K. 2024, Spatial Aspects of Development of the Ethno-Contact Zone in Karelia, *Arctic and North*, № 55, p. 116–129, <https://doi.org/10.37482/issn22212698.2024.55.116>
13. Bronzova, A. A. 2023, Preserving the Heritage of the Karelians, *Mordovian Reserve*, № 24, p. 22–23 (in Russ.).
14. Litvin, Yu., Yalovitsyna, S. 2019, Images of «Friend-or-Alien» in In-Depth Interviews with Karelians and Immigrants in Karelia, *Journal of Sociology and Social Anthropology*, vol. 22, № 2, p. 147–172, <https://doi.org/10.31119/jssa.2019.22.2.6>
15. Pitukhina, M. A., Tolstoguzov, O. V. 2018, Resilience of the structure of socio-cultural space to challenges, in: Tolstoguzov, O. V. (ed.), *Border periphery of Russia: geoeconomics, communications, strategy*, Petrozavodsk, Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences, vol. 241 p. 168–179, URL: <http://openbudgetrf.ru/doc/3638/> (accessed 06.03.2025) (in Russ.).
16. Volkov, A. D., Simakova, A. V. 2022, Arctic Single-Industry City: The Population's Perception of Their Future in the Prospects for its Development, *Regionology*, vol. 30, № 4, p. 851–881, EDN: EXWOGQ, <https://doi.org/10.15507/2413-1407.121.030.202204.851-881>
17. Kondrateva, S. V. 2022, Cross-border tourist mobility as seen by residents of the Karelian borderlands: COVID-19 restrictions, *Baltic Region*, vol. 14, № 4, p. 79–97, EDN: PTMKYF, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-4-5>

18. Zimin, D., Kotilainen, J., Prokhorova, E. 2013, Company towns on the border. The post-Soviet transformation of Svetlogorsk and Kostomuksh, in: Eskelinen, H., Liikanen, I., Scott, J. W. (eds.), *The EU-Russia borderland. New context for regional cooperation*, Routledge, London, p. 151—166.
19. Eskelinen, H., Oksa, J., Austin, D. (ed.), 1994, *Russian Karelia in search of a new role*, Joensuu, Karelian institute, University of Joensuu.
20. Ivanov, I. A. 2024, Tourist flow and accommodation facilities in municipalities of the Northwestern Federal District in 2021—2023, *Tourism and regional development*, № 1, p. 44—51, EDN: MRMDVA (in Russ.).
21. Stepanova, S. V. 2019, Tourism development in border areas: A benefit or a burden? The case of Karelia, *Baltic Region*, vol. 11, № 2, p. 94—111, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2019-2-6>
22. Ivanov, I. A., Vasilyeva, T. V., Krasilnikova, I. N., Manakov, A. G. 2023, Domestic Tourism in Municipalities of the Northwestern Federal District: Statistical Assessments and Impact of the COVID-19 Pandemic, *Regional Research of Russia*, № 13, p. 419—427, <https://doi.org/10.1134/S2079970523700879>
23. Manakov, A. G., Golomidova, E. S., Ivanov, I. A. 2019, Estimation of the value of tourist flow within cross-border touristic-recreational regions in the North-West borderland of Russia, *Izvestiya Russkogo geograficheskogo obshchestva*, vol. 151, № 5, p. 18—31, EDN: SVBUPV, <https://doi.org/10.31857/S0869-6071151518-31>
24. Makkonen, T., Williams, A., Weidenfeld, A., Kaisto, V. 2018, Cross-border knowledge transfer and innovation in the European neighbourhood: tourism cooperation at the Finnish-Russian border, *Tourism management*, vol. 68, p. 140—151, <https://doi.org/10.1016/j.tourman.2018.03.008>
25. Suvorova, I. M., Skoropadskaya, A. A. 2019, Media myths about the Karelian border-zone and reality: a cultural approach, *Proceedings of the International Scientific and Practical Conference on Digital Economy (ISCDE 2019)*, Series: Advances in Economics, Business and Management Research, p. 569—573, <https://doi.org/10.2991/iscde-19.2019.169>
26. Fomin, A. A., Fedorova, E. V. 2024, *Kosygin's City, experience of developing a tourist myth, Service and tourism — innovative development, Proceedings of the XIV All-Russian scientific and practical conference*, St. Petersburg, p. 169—175 (in Russ.).
27. Gomelchuk, T. D. 2024, Awareness and attitude to psychological help and its accessibility among Kostomuksha residents, *StudArctic Forum*, vol. 9, № 4, p. 98—103 (in Russ.).
28. Pitukhina, M. A., Belykh, A. D. 2023, Environmental problems of the Russian Arctic single-industry towns in the population estimates, *Arktika: Ekologia i Ekonomika*, vol. 13, № 4, p. 590—600, <https://doi.org/10.25283/2223-4594-2023-4-590-600>
29. Kondrateva, S. V. 2022, The Tourism Vector for the Karelian Arctic Development, *Arctic and North*, № 49, p. 174—192, <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2022.49.174>
30. Gromtsev, A. N. (ed.). 2024, *State report on the state of the environment of the Republic of Karelia in 2023*, Petrozavodsk, 278 p. URL: <http://economy.krc.karelia.ru/publ.php?id=22877&plang=r> (accessed 06.03.2025) (in Russ.).

The author

Dr **Svetlana V. Kondrateva**, Senior Research Fellow, Institute of Economics Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Russia.

<https://orcid.org/0000-0001-8832-9182>

E-mail: svkorka@mail.ru

Submitted for possible open access publication under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution — Noncommercial — No Derivative Works <https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/deed.en> (CC BY-NC-ND 4.0)

ТРЕБОВАНИЯ И УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ «БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН»

Правила публикации статей в журнале

1. При подаче рукописи в журнал авторы подтверждают, что

- работа не была опубликована ранее в другом журнале;
- не находится на рассмотрении в другом журнале;
- все соавторы одобрили текст рукописи и согласны с ее публикацией в журнале «Балтийский регион».

Выявленные нарушения могут стать причиной снятия рукописи с рассмотрения. В случае если факт нарушения будет обнаружен после публикации статьи, редакция оставляет за собой право отзыва (ретракции) публикации.

2. Представляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы.

3. Все присланные в редакцию работы проходят двойное «слепое» рецензирование, а также проверку системой «Антиплагиат», по результатам которых принимается решение о возможности включения статьи в журнал.

4. Плата за публикацию рукописей не взимается.

5. Статьи на рассмотрение принимаются в режиме онлайн: <https://balticregioneditorial.kantiana.ru/jour/index>.

6. Решение о публикации (или отклонении) статьи принимается редакционной коллегией журнала после ее рецензирования и обсуждения.

Комплектность и форма представления авторских материалов

Рекомендованный объем статьи — 40—50 тыс. знаков с пробелами.

Статья должна содержать следующие элементы:

1) название статьи на русском и английском языках (до 12 слов);

2) аннотацию на русском и английском языках (150—250 слов), оформленную в соответствии с международными стандартами и включающую:

- актуальность исследования;
- цель научного исследования;
- описание методологии исследования;
- основные результаты, выводы исследовательской работы.

В аннотации не должен повторяться текст самой статьи (нельзя брать предложения из статьи и переносить их в аннотацию), а также ее название. В ней не должно быть цифр, таблиц, внутритекстовых сносок и т. д.;

3) ключевые слова на русском и английском языках (4—8 слов);

4) список литературы должен составлять не менее 30 источников, не менее 50 % которых должны представлять современные (не старше 10 лет) публикации в международных изданиях. Оптимальный уровень самоцитирования автора — не выше 10 % от списка использованных источников.;

5) приставочные библиографические списки оформляются на языке оригинала и на латинице в соответствии с Harvard System of Referencing Guide;

6) сведения об авторах на русском и английском языках (Ф.И.О. полностью, ученые степени, звания, должность, место работы (организация, город, страна), почтовый адрес, e-mail, ORCID);

7) сведения о языке текста, с которого переведен публикуемый материал.

Общие правила оформления текста

Авторские материалы должны быть подготовлены в электронной форме в формате листа А4 (210 × 297 мм).

Все текстовые авторские материалы принимаются исключительно в формате doc и docx (Microsoft Office).

Подробная информация о правилах оформления текста, в том числе таблиц, рисунков, ссылок и списка литературы, размещена на сайте <https://balticregion.kantiana.ru/jour/rules/>

BALTIC REGION

2025
Volume 17
№ 3

Kaliningrad :
I. Kant Baltic Federal
University Press, 2025.
176 p.

The journal
was established in 2009

Frequency:

quarterly
in the Russian and English
languages per year

Founders

Immanuel Kant Baltic
Federal University

Saint Petersburg
State University

Editorial Office

Address:
14 A. Nevskogo St.,
Kaliningrad, Russia, 236016

Managing editor:

Tatyana Kuznetsova
tikuznetsova@kantiana.ru
www.journals.kantiana.ru

Editorial council

Prof **Andrei P. Klemeshev**, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia (Editor in Chief); Dr **Tatyana Yu. Kuznetsova**, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia (Deputy Chief Editor); Prof **Aleksander G. Druzhinin**, Southern Federal University, Russia; Prof **Mikhail V. Ilyin**, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Russia; Dr **Perti Joenniemi**, University of Eastern Finland, Finland; Dr **Nikolai V. Kaledin**, Saint Petersburg State University, Russia; Prof **Konstantin K. Khudolei**, Saint Petersburg State University, Russia; Prof **Vladimir A. Kolosov**, Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Russia; Prof **Gennady V. Kretinin**, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia; Prof **Frederic Lebaron**, Ecole normale superieure Paris-Saclay, France; Prof **Andrei Yu. Melville**, National Research University — Higher School of Economics, Russia; Prof **Nikolai M. Mezhevich**, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Russia; Prof **Peter Oppenheimer**, Oxford University, United Kingdom; Prof **Tadeusz Palmowski**, University of Gdansk, Poland; Prof **Aleksander A. Sergunin**, Saint Petersburg State University, Russia; Prof **Andrei E. Shastitko**, Moscow State University, Russia; Prof **Eduardas Spiriajevas**, Klaipeda University, Lithuania; Prof **Daniela Szymańska**, Nicolaus Copernicus University in Torun, Poland; Dr **Viktor V. Voronov**, Daugavpils University, Latvia

CONTENTS

Politics and international relations

Romanova, T.A. EU in search of a Russia policy? Multiple streams framework, decolonization, Baltic entrepreneurs4

Panikar, M.M., Sokolova, F.Kh., Beloshitskaya, N.N. The role of the Council of the Baltic Sea States in advocating national minority rights in the 1990s23

Loshkariov, I.D. Poland's diasporal policy (1991 – 2025): dynamics of institutional changes42

Zhukovsky, I.I. Political and strategic factors and risks of implementing the nuclear power program in Poland59

Regional economy and spatial development

Druzhinin, A.G., Volkhin, D.A., Kuznetsova, O.V. Coastal municipalities in the spatial development of Russia: multidimensional typologization81

Krasnykh, S.S. Regional patterns of the manufacturing industry in the Baltic Regions of Russia: a Moran's I spatial analysis102

Yeboah, E. The linkage between foreign direct investment and trade openness in the Russian economy: an ARDL bound testing approach123

Kondrateva, S.V. Kostomuksha at a tourist crossroads: expert perspectives from an Arctic border city150

Научное издание

БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН

2025

Том 17

№ 3

Редактор *Е. Т. Иванова*
Компьютерная верстка *Е. В. Денисенко*

Подписано в печать 23.09.2025 г.
Формат 70 × 108 1/16. Усл. печ. л. 15,4
Тираж 300 экз. (1-й завод 50 экз.). Заказ 87
Свободная цена

Издательство Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
236041, г. Калининград, ул. А. Невского, 14